

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Восток Свыше

ДУХОВНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2001 ГОДА

ВЫПУСК
LXIII

№ 3–4
июль-декабрь 2023

ТАШКЕНТ
2024

**По благословению
высокопреосвященнейшего
ВИКЕНТИА,
митрополита Ташкентского и Узбекстанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего округа**

Главный редактор
Диакон Евгений АБДУЛЛАЕВ

Литературный редактор
Лейла ШАХНАЗАРОВА

Редакционный совет
Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН
Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО
Протоиерей Андрей ТУГУШЕВ
Валерий ГЕРМАНОВ
Роман ДОРОФЕЕВ
Татьяна КОТЮКОВА
Вадим МУРАТХАНОВ
Екатерина ОЗМИТЕЛЬ
Кирилл СУЛТАНОВ
Алексей УСТИМЕНКО
Юрий ФЛЫГИН

На обложках (сверху вниз):

Стр. 2: Преподобномученик Афанасий Брестский и его «Диариуш» (С. 6)

Стр. 3: Фотографии Макса Пенсона. (С. 46)

Восток Свыше. 2023, № 3–4 (LXIII). Издается с 2001 года

ISSN 2010-5568

... **Посетил нас Восток свыше,
просветить сидящих во тьме и тени смертной,
направить ноги наши на путь мира.**

Евангелие от Луки 1, 78-79

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Николай ИЛЬИН. «Маленький камушек падает в озеро...» 5

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы *главного редактора*
Святой и самозванец. 375 лет преставления преподобного
Афанасия Брестского (5 сентября 1648 года) 6

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Тема: История Православия в Таджикистане

Александр ГАЛАК. «В Пенджкенте, как месте ссылки духовенства...»
Пенджикентская Свято-Никольская церковь 30

Виктор ДУБОВИЦКИЙ. Православные храмы в пограничных войсках
Таджикистана: история и современность 35

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

Роман ДОРОФЕЕВ. «Люди знают из них только тысячу имен...»
Взгляды памирских исмаилитов конца XIX – начала XX веков
на сотворение мира 39

Даниил МЕЛЕНТЬЕВ. Гендерная история советского Узбекистана
в фотообъективе Макса Пенсона 46

ВОСТОК И ЗАПАД

Владимир ТРУХАЧЁВ. «Европейская культура напоминает сильно
накрашенную женщину...» *Исмаил Гаспринский о европейской*
цивилизации 60

ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

Чарльз УИЛЬЯМС. Схождение Голубя. Краткая история Святого Духа
в Церкви. Перевод с английского, предисловие и примечания
диакона Евгения Абдуллаева (продолжение) 66

ЛУГ ДУХОВНЫЙ

О надежде. О монашестве	82
<i>Иерей Александр КОЛОТОВКИН. «Гимн любви» апостола Павла .....</i>	<i>86</i>
<i>Иерей Сергей КРУГЛОВ. «Царство Божие – здесь».</i> Избранные записи в Фейсбуке последних лет	92
Евангельские страницы <i>протоиерея Сергея СТАЦЕНКО</i> Ловушки Евы	104

ПРОЗА И ДРАМАТУРГИЯ

<i>Алексей УСТИМЕНКО. Три слова утерянного оригинала, или</i> Предисловие к пьесе о Черубине	109
<i>Галина КЛИМОВА. Черубина де Габриак. Драма-мистификация</i> в двух действиях	112

ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

Тема: Поэзия и Вера

«Всё началось с перевода...» <i>На вопросы ВС отвечает поэт и</i> <i>переводчик Максим КАЛИНИН .....</i>	143
---	-----

ИСКУССТВО ПАМЯТИ

<i>Андрей КОРОВИН. Наш отец Ростислав.</i> <i>Памяти тульского пастыря .....</i>	151
---	-----

Авторы номера	155
----------------------------	-----

Содержание журнала «Восток Свыше» за 2023 год	156
--	-----

Информация для авторов	158
-------------------------------------	-----

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Николай ИЛЬИН

* * *

Маленький камушек падает в озеро –
И тотчас бегут круги по воде.

Изрядный булыжник падает в озеро –
И тут уж не только круги, но и всплеск.

Огромный валун упадает в озеро –
И тут и круги, и всплеск, и волна.

А потом все трое лежат на дне рядышком –
И нет ни волны, ни кругов, ни всплеска.

Календарные страницы *главного редактора*

СВЯТОЙ И САМОЗВАНЕЦ

375 лет преставления преподобного Афанасия Брестского (5 сентября 1648 года)

«**Н**аияснейший Королю Польский, Пане, Пане мой милостивый!..»
Он сидел в тюрьме.

Он, Афанасий, сидел в Варшаве в тюрьме и писал письма королю Владиславу.

«Наияснейший Королю Польский, Пане мой милостивый, сыне Сигизмунда Третьего, Владиславе Четвертый! Смилуйся над поверженной Церковью Восточной, истинной кафолической греческой, в панстве твоём христианском находящейся!»

В 1596 году в Николаевском соборе Бреста была подписана Брестская уния.

Несколько православных епископов во главе с митрополитом Михаилом Рогозой приняли католическое вероучение и подчинились римскому папе.

Уния устраивала почти все стороны. И Сигизмунда Третьего, желавшего узаконить дела церковные в своём обширном королевстве и не допустить вмешательство в них соседней Московии. И Римский престол, бравший, наконец, под свою власть часть «схизматиков», как там именовали православных...

Уния устраивала и многих православных епископов. Епископы устали. От косях взглядов католических властей, от натиска иезуитов, от своих же мирян, желавших большего участия в церковных делах.

В унии епископы ожидали найти «безмятежный покой». Богослужение оставалось прежним; браки священнослужителей не запрещались; обращение православных храмов (становящихся униатскими) в католические более не дозволялось...

Догматические различия? О них предпочли забыть. Да так ли они были важны, когда Константинополь уже полтора века пребывал под османской властью? Когда даже сами греческие епископы все больше следовали за католическими и протестантскими богословами?

«Греческий берег не может быть надёжным путем жизни вечной». И епископы устремились к берегу латинскому. Там «студенец правды», там твердый

порядок; там искусство, науки, просвещение... В 1596 году, когда в Бресте была подписана уния, в Тюбингене была издана «Тайна мироздания» Иоганна Кеплера, с изложением системы Коперника. В Риме живописец Караваджо, на основе последних достижений оптики, создает своего «Лютниста». В Лондоне Шекспир пишет сонеты...

А что в землях православных?

«Со славянским языком нельзя сделаться ученым, – писал придворный проповедник Сигизмунда, иезуит Петр Скарга. – На этом языке нет ни грамматики, ни риторики, да и не может быть. Именно из-за славянского языка у православных... общее невежество и заблуждение».

Все, кто не желал присоединиться к унии, были поставлены вне закона.

В такое время родился и рос Афанасий Филиппович, будущий игумен Брестский.

Из какой семьи он происходил и где получил образование, неизвестно.

В 1620 году, по приглашению канцлера Льва Сапеги, он становится учителем тихого и смышленного Яна Фаустина. Мальчика, как сказали Афанасию, понизив голос, *непросто*.

Шестью годами раньше, в темный московский день, из терема вынесли трехлетнего Ивана, сына Марины Мнишек и Лжедмитрия Второго.

«В это время была метель, – сообщал голландец Геркман, – и снег бил мальчику по лицу, и он несколько раз спрашивал плачущим голосом: “Куда вы несете меня?”».

Его несли к виселице.

24 декабря полякам было объявлено, что «Маринкин сын казнен, а Маринка на Москве от болезни и от тоски по своей воле умерла».

А вскоре мальборкским воеводой Войцехом Белинским королю и сейму был представлен царевич Иоанн (Ян), якобы им, Белинским, спасенный.

Мальчик испуганно глядел на короля и моргал. Сигизмунд ласково улыбался. Сенаторы шепотом переговаривались.

На сейме Белинский поведал о «чудовном збавьении» сына Марины Мнишек. Якобы после гибели Лжедмитрия под Калугой «росийска кролова» Мнишек отдала царевича Ивана ему, Белинскому, на сбережение; себе же взяла другого младенца. Которого и повесили в метельный московский день.

Маленького Яна передали канцлеру Сапеге, обеспечив годовым содержанием в шесть тысяч злотых.

Семь лет Афанасий будет обучать Яна русскому, польскому и латыни.

Как он учил его?

Верно, по тем же правилам, каковые предписывались тогда в школах при православных братствах в Речи Посполитой и по каким учили самого Афанасия.

«А учитель, взявши порученное ему дитище, мает его учить доброе науки. За непослушенство карати, не тирански, но учительски; не сверх меры, но по силам; не распустне (с буйством), но покойне и смирине».

Возникали у Афанасия сомнения: вправду ли его воспитанник был царских кровей?

Однажды Афанасий обратился к Сапеге с просьбой утеплить постель Яна Дмитриевича. «К чему ему еще постель утеплять? – раздраженно спросил канцлер. – Кто его ведает, кто он есть?». Просьбу Афанасия, правда, выполнил.

В 1627 году Афанасий, отучив Яна «доброе науки», оставит его и в тот же год будет пострижен в монахи. Произойдет это в монастыре Святого Духа в Вильне*.

Что подтолкнуло Афанасия на этот шаг?

Он писал, что стал монахом, «зрозумевши омыльность света того». Возможно, давно желал этого; но в монахи постригали тогда только после тридцати.

В том же 1627-м году архимандритом виленского монастыря стал яркий проповедник и борец с унией Иосиф Бобрикович. Его антиуниатские проповеди и подействовали, скорее всего, на впечатлительного Афанасия. Иосиф совершит постриг Афанасия; Афанасий будет неоднократно упоминать его как своего духовного отца.

«Скажу, что во Львове делается, – говорил на сейме 1620 года волынский депутат Лаврентий Древинский. – Кто не униат, тот в городе жить, торговать и в ремесленные цехи принят быть не может; мертвое тело погребать, к больному с тайнами Христовыми открыто идти нельзя. В Вильне, когда хотят хоронить тело благочестивого русского, то должны вывозить его в те ворота, в которые одну нечистоту городскую вывозят. Монахов православных ловят на вольной дороге, бьют и в тюрьму сажают. В чины гражданские людей достойных и ученых не производят потому только, что не униаты...»

В других городах было не легче.

В Могилеве и Орше православные церкви стояли закрытыми; в Полоцке и Витебске неуниатских священников, едва те появлялись, арестовывали и сажали в тюрьмы.

Нередко и православные силой возвращали отнятые церкви и изгоняли униатских священников. Однако власть была на стороне униатов, и сопротивление им круто подавлялось. Особо горячим насаждателем унии был полоцкий архиепископ Иосафат Кунцевич. Когда в октябре 1618 года он решил посетить Могилев, жители ударили в набат, закрыли перед ним городские ворота и вышли навстречу с хоругвями, проклиная его как отступника. Иосафат устремился в Варшаву к королю Сигизмунду с рекламацией; все двадцать заглавников восстания были казнены, все православные храмы передавались униатам.

Православные уходили в леса, служили литургию в шалашах. Но и это не спасало. Слуги Кунцевича и особо ретивые чиновники разыскивали эти шалаши и разоряли их, а служивших в них священников побивали.

Даже канцлер Лев Сапега вынужден был выразить Кунцевичу свое неудовольствие. «Вы своим безрассудным рвением, можно сказать, вынудили русский народ разлютоваться и отвергнуть принесенную Его Королевскому Величеству прися-

---

* Ныне Вильнюс.

гу... Разве вы незнакомы с жалобами благочестивых людей и их заявлениями о том, что уж лучше им быть в турецком подданстве, чем выносить такое притеснение своей веры?»

Кунцевич отвечал, что никого силой к принятию унии не понуждал.

В 1622 году он приказал выкопать на полоцком кладбище тела недавно похороненных православных и бросить их на съедение псам.

12 ноября 1623 года, когда Кунцевич находился в Витебске, слуги его схватили священника Илью, служившего в одном из шалашей за городом. Поколотили его и заперли в подвале резиденции Кунцевича. Снова, как и в Могилеве, загредел набат. Сбежалась толпа, заволновалась, кинулась в дом Кунцевича и освободила Илью. На этом, однако, не успокоилась. Перебила холопов кунцевичевых, а под конец зарубила и самого бедняжнего архиепископа. Протянув его тело по улицам, бросила в Двину.

19 восставших были казнены, 78 приговорены к казни заочно.

Из Вильны Афанасий отбыл, по благословению игумена Иосифа Бобриковича, под Оршу, в Кутеинский монастырь.

Затем его переводят в Межигорский монастырь под Киевом, где пробыл пять лет. После чего возвратился в Вильну и был возведен в сан иеромонаха.

Вильну Афанасий нашел изменившейся и еще более затронутой латинством. Особенно старались иезуиты, используя для «ловли человеков» не только проповеди и во множестве печатаемые книги, но и театральные действия. Их разыгрывали в школах («в школах комедии строят», писал позже Афанасий) и на улицах. По Вильне разъезжали на колесницах актеры, изображая Славу, Провидение, ангелов и Навуходоносора-царя. Мещанам нравилось.

Случались и зрелища более печальные. 6 января 1629 года, на Крещение, Духов монастырь был осажден толпой под предводительством униатов; в окна монастыря летели камни, звучали выстрелы; один из священников был ранен. Игумен Иосиф Бобрикович подал в городской суд жалобу; она осталась без удовлетворения.

Бобрикович добивался созыва совместного, православно-униатского собора, чтобы обсудить и мирно решить на нем все несогласия. Но этому воспротивился Ватикан.

Пробыв в Вильне положенное число дней и имев общение с игуменом Иосифом, Афанасий отбыл в Дубойский монастырь, что под Пинском, наместником.

За год до этого умирают король Сигизмунд и Лев Сапега, устроители унии.

Но главное – польская корона зависела от поддержки казачества; в 1632 году именно благодаря казакам она смогла отбить попытку русских войск взять Смоленск. А казаки унию принимать отказывались.

5 февраля 1633 года был коронован новый король, Владислав IV. При его участии, еще до вступления на престол, были разработаны и утверждены «Статьи для успокоения народа русского греческой религии, живущего в Царстве Польском и Княжестве Литовском».

Православные юридически уравнивались с униатами.

В апреле 1633 года митрополитом Киевским стал Петр Могила. А в мае игумен

Иосиф Бобрикович был возведен на Могилевскую кафедру. Он получил от короля право посещать многие белорусские города и беспрепятственно служить в них. Король надеялся, что Бобрикович сможет повлиять на запорожских казаков и умиротворить их. Ненадолго, но это ему удалось.

Это было время надежд на «успокоение народа русского»; в том числе и в Дубойском монастыре, где наместничал Афанасий.

Но король был далеко, в Варшаве; митрополит Петр – в Киеве; епископ Иосиф – в Могилеве. А великий литовский канцлер Альбрехт Станислав Радзивилл был рядом, в Пинске, и политике «успокоения» перечил, как мог. Православных именовал в своем дневнике не иначе как «еретиками», «греками» и «раскольниками».

Дубойский монастырь располагался на принадлежавших ему землях. И Альбрехт Станислав решает передать его иезуитам.

Три года братия пыталась отстоять обитель. Афанасий написал «жалостный лист», собрав в защиту более тысячи подписей. Была надежда на епископа Иосифа, но тот неожиданно скончался в апреле 1635 года; подозревали отравление.

Перед изгнанием монахов из Дубойского монастыря Афанасию было видение.

«Не во сне, но днем и наяву, только будто в восхищении каком-то будучи, видел: на небе – тучи весьма гневные с войсками вооруженными, на кару готовыми, и на земле – семь огней пекельных, на семь грехов смертельных зготованных».

В одном из «пекельных огней» Афанасий увидел покойного короля Сигизмунда и гетмана Сапегу, «за преследование Церкви Восточной весьма печальными сидящих».

– Глядите! Глядите! – кричал Афанасий, указывая на небо.

Но видел то же, кроме Афанасия, только игумен; остальные монахи только пляли глаза и мотали головами.

Афанасий с остальными монахами приютился в соседнем Купятицком монастыре.

Главной святыней монастыря был чудотворный образ Богородицы Купятицкой в виде креста. «Малый материю, але великий в чудах», как писал о нем Афанасий.

Церковь, в которой был выставлен образ, пришла к тому времени в ветхость. Было решено строить новую, но откуда взять средства? Митрополит Петр Могила выдал лист для сбора пожертвований. Сотворив совет с братией, игумен снарядил Афанасия собирать «ялмужину» (пожертвования). Шел ноябрь 1637 года.

«Тотчас же там, на трапезе, страх великий пал на меня, – писал Афанасий, – и я, как одеревенелый, сидел у стола. А в келью свою вошел, закрылся и начал Богу Всемогущему печалиться о том послушании. По малой минуте стояния моего на молитве, страх меня такой объял, что я порывался бежать из келии моей, и только как-то силою Божией был в ней задержан и долго ревмя плакал».

Внезапно он услышал голос:

– Царь московский збудует Ми церковь! Иди до него!

Афанасий отер глаза и огляделся. В келье, кроме него, никого не было.

«Меня точно варом облило. Снова почал я тяжко плакати, мыслячи, что то будет».

Время для езды в Москву было опасным.

Не прошло и четырех лет, как отгорела война с Московией, а тут еще казаки восстали, желая перейти в подданство к царю Михаилу Феодоровичу; с великим трудом и кровью Варшава восстание подавила и границу с Московским царством стерегла теперь с удвоенной силой. Везде были крепкие дозоры и заставы. Чтобы миновать их, потребны были особые бумаги; их у Афанасия не было. Только листы дорожные, для внутреннего следования; да образ Богородицы Купятицкой, «на паперу друкованный».

Но Афанасий получает еще одно откровение. Теперь он слышит глас не только Богородицы («Иду и я с тобою!»), но и одного из недавно почивших насельников, диакона Неемии («Иду и я при Госпоже моей!»).

Взяв с собой послушника Анисима, Афанасий отправился в путь.

Скрипнули за спиной монастырские ворота, захрустел под копытами снег. Замелькали стволы сосен, пригорки, деревни, местечки, мельницы, снова леса...

Афанасий ехал в глубокой замисленности и молился. Не заметил даже, как слетел с него клубок. Почуввав по холоду, что глава оголилась, рассеянно огладил ее и вздохнул. Возвращаться за потерей не стал, снова заглубился в молитву.

К Рождеству Афанасий с Анисимом были уже в Слуцке.

В дороге думается о многом. Особенно в зимних дорогах, с их неярким днем, скорыми сумерками и случайным ночлегом.

Вспоминал Афанасий, возможно, и воспитанника своего, Яна Димитриевича. Когда прощался с ним перед отъездом в Вильну, тот был уже пятнадцатилетним. Взгляд юноши был печален.

Что-то не так шло в жизни Яна, не по тому, к чему его готовили. В мечтах своих часто видел он, как добрый пан король снаряжает великое войско, вручает его ему, и он победоносно ведет его на Москву. Как побеждает тамошних незаконных правителей и наказывает тех, кто убил его отца, царя Димитрия Иоанновича. Как те в раскаянии валяются к его ногам, а он их ласково прощает. Пусть только впредь подобных недобрых дел не творят и любят своих законных царей...

Но время шло; добрый пан король не только не собирал для него, Яна, войско, но как будто и забыл о нем. Содержание юноши с шести тысяч золотых снизилось до ста. После отъезда Афанасия Ян впал в меланхолию. Писал ему письма, изливая в них печали и недоумения.

Но худшее настало, когда скончался Янов покровитель, Лев Сапега. А когда в 1635 году король Владислав официально признал Михаила Феодоровича законным русским царем, о «своем» кандидате на русский трон в Варшаве забыли вовсе.

Оставался Белинский, тот самый, который привез Яна в Польшу и показал королю. На настойчивые расспросы и жалобы Белинский, наконец, нехотя открыл ему, что он, Ян, вовсе не тот самый Димитриевич. Что полное имя его Ян Фаустин, фамилия Луба. Его отца, шляхтича, участвовавшего в походе на Москву, тоже звали Димитрием; оба родителя в Московии погибли-сгинули.

– Что же они меня царевичем называли? – спросил Ян, едва двигая бледными губами.

Для всякой причины, отвечал Белинский, по высоким соображениям...

Ян, спрятав лицо в ладони, удалился.

Оказавшись без средств, нанялся служить писарем. Так пригодились ему уроки Афанасия в словесных науках; а вот духовные не пошли впрок. Несостоявшийся русский царь нашел утешение в католической вере и подумывал стать ксендзом.

Как воспринял это Афанасий? Своих детей у него не было; Ян был ему как сын. Теперь этот сын уходил от него. И не просто *отыде на страну далече*, как тот, из Евангелия. А – вот так, совсем и насовсем...

Так, возможно, думал Афанасий, подъезжая к Слуцку, первой их остановке на неведомом шляхе в Московское царство. Вот уже и звонницы Троицкого монастыря приветно забелели, и птицы зачирикали не по-лесному, а по-городскому. Миновав врата, сани въехали в Слуцк.

– И не пушчу вас никуда! – гремел архимандрит Самуил Шитик, настоятель монастыря. – Что игумен ваш себе позволяет? Почто мне, наместнику митрополичьему, не доложил, посылаючи вас в Москву за ялмужиной?

Был Самуил архимандритом незлым и богобоязненным. «Искусен муж и премудр и на всяко дело вере нашей благочестивой благопотребен», напишет о нем позже Богдан Хмельницкий. Но тут Самуил дал волю недовольству. Листы дорожные у Афанасия и Анисима отобрал и все святки продержал тех в «великой тревозе»...

Внезапно, однако, призвал их к себе.

Сообщил, что было ему некое явление о них во сне. Какое, сообщать не стал.

– Творю сие ради Пречистой Богородицы, а не для вашего игумена, – сказал, отдавая им листы. – Идите с Богом, где хотите.

Прибыли они в Кутеинский монастырь под Оршей, в котором Афанасий начал свой монашеский путь.

Местный игумен, Иоиль Труцевич, был великим строителем и защитителем православного монашества. «Многи монастыри своими труда сооруди, и благочестие во всей Белой России утверждай и удерживай», отзывались об Иоиле в Москве. Связи у игумена с Москвой были крепкими. Священникам, шедшим туда за ялмужиной, отписывал «сведоцтва» к московским властям.

Иоиль принял Афанасия ласково, выслушал и ободрил. Но «сведоцтва», посоветавшись с братией, не дал.

– Трудно тебе, отче, без королевского пашпорта идти на Смоленск и Дорогобуж за границу. Были до вас братья из Вильны, так те и пашпорт королевский имели, а много себе бед сотворили.

Наконец, посоветовали Афанасию разумные люди идти до Москвы не через Смоленск, а в обход югами, через Трубецк* и Брянск.

Пал Афанасию тот совет на сердце, пошел он снова к игумену. Вздохнул игумен:

---

* Ныне Трубчевск.

– Нехай будет воля Божия с тобою!

И отписал Афанасию «сведотцтво» в Трубецк, князю Петру Трубецкому.

Снова замелькала дорога. Снова сосны, сугробы, тяготы и опасности. Едва выехав из Орши, попали в снежную бурю. «Всю ночь в замётах кружачи и блудячи, – вспоминал Афанасий, – мало-мало в течении Днепровом не потонули».

Да и дальше было не легче.

«За Пропойском же на ночлеге в селе, мнилось мне, что на санях моих хомут лежит, а то был пёс; так он меня за руку уел! И в том же селе вдруг огонь загорелся: едва от того жизнь свою спас. В Поповой Горе конь ночью убёг от нас, или кто его взял. А как стал я утром о том пытаться, то едва не убили нас до смерти. В Стародубе, на пустыре, пианицы много нас беспокоили...»

Добрались, наконец, до Трубецка. Афанасий, с замотанной рукой, собакой покусанной, и Анисим, недовольный и хмурый.

Снова неудача.

«В Трубецке младший князь Петр Трубецкой, стражником именуемый, под страхом великого карания запретил идти за границу к Брянску».

Письмо кутеинского игумена, с трудом взятое, не помогло.

– Почем я ведаю, что вы в сей час погрому казацкого не замышляете? – уперся князь.

Был князь Петр Юрьевич хоть и русского корня, а на службе у польской короны, из православия перешедший в католичество; бровь на Афанасия хмурил и губу кривил.

Оставалось возвращаться обратно в Купятицкий монастырь с горечью и пустыми руками. Только в Чёлнский монастырь по пути решили заехать, в полумиле от Трубецка, на высоком берегу Десны.

Дорога в обитель шла в гору, Афанасий слез с саней и шел пешком, молясь и кладя поклоны. И внезапно, как в Купятицком монастыре перед отъездом, нашел на него страх. Потемнел снег, посветлело небо. Показалось, будто послушник, в санях, говорит: «На что помощи людской требуешь? Иди до Москвы, и я с тобою!»

Поравнявшись с санями, стал Афанасий спрашивать его, что тот ему говорил. Но Анисим только головой мотал:

– Ничего до тебе не мовил, а только фрасуюся (сержусь), что зря мы проездили! Афанасий головой покачал и снова в молитву заглубился.

Добрались, наконец, до монастырька; рассказали монахам о своих делах. Послушали монахи, повздыхали. Время ходить до Москвы теперь самое невыгодное.

– Не дойдешь, отче! Ныне час тревожливый от погрома казацкого, повсюду великая стража.

Только один старец неспешно Афанасию сказал:

– Коли с тобою справа Божия, то ступай до Новгород-Северского, дай Бог, оттуда пройдешь.

Снова, стало быть, в обход, через юга.

– Едем, – поглядел Афанасий на Анисима. Тот только вздохнул и голову склонил.

Снова заскрипели монастырские ворота, распахнулась всем своим холодом зима, захрустел снег, дунул в лицо ветер.

Прибыли в село Великая Зноба*, встали на ночлег. Было село во владениях князя Петра Трубецкого, грозившего покаранием за переход границы; на душе у Афанасия было непокойно.

«Там на дворе, когда все спали, в самой полночи пришел на меня страх великий. Показалось, будто кто гонится с шумом, ища меня убить, и кричит: “Есть! Есть! Тут он!”. Когда то малость утихло, я тихо хозяина разбудил и, ничего ему о том страхе не сказавши, просил, чтобы нас в тот же час на дорогу новгородскую вывел. И когда мы пустились в путь, не ведая, где мы и куда едем, начал я спевать песнь Пречистой Богородице акафистную *Взбранной Воеводе победительная*, припевая *аллилуйя, аллилуйя*».

Только перед восходом задремал Афанасий.

И тут же проснулся. Показалось, что облако червонное нашло на них. Отрясши сон, увидел младенца в мантии, на коне их сидящего и дорогу указующего.

– Я – Неемий диакон, – сказал младенец Афанасию, – насельник ваш купятицкий.

И исчез. Тут же в лучах восходящего солнца изобразился на небе Крест и в нем образ Пречистой Богородицы, вроде Купятицкого. Замер Афанасий. Стал послушника будить, чтобы на «тот чуд Божий» ему указать. Но Анисим, востепенувшись, принялся стегать коня, и образ на небе исчез.

Выехали к пограничному селу, где стояла стража новгород-северского воеводы. Зашлось сердце у Афанасия: не пропустят! Но на них даже не поглядели; палились в пустоту, тыкали туда руками и снимали шапки.

– Что это за панна, отче, что с таким оршаком (свитой) едет? – только и спросили у Афанасия. Пробормотал Афанасий:

– Да-да, – и отошел к саням, сам не свой.

Так границу и миновали.

Кругом была та же зима, и тот же ледяной ветер гулял вокруг, так же качались ветви и фыркали кони.

Только царство было уже не Польским, а Московским.

Было начало февраля 1638 года.

Добрались до первой деревни, Шепелево. «Люди, там бывшие, приняли нас ласково, – писал Афанасий, – и дивились, как мы стражу миновали».

Будут, конечно, еще трудности. То в Севске из-за отсутствия нужных бумаг не желали их пропускать в Москву и пришлось снова идти кружным путем. То по дороге туча на закате нашла и путники сбились с дороги, и снова, неведомо откуда, был Афанасию ободряющий голос. То Анисим взбунтовался, не желая идти дальше («и утикать от мене порывался»)...

Наконец, в Карачеве дошли до местного воеводы, Петра Сафонова. Выслушал их воевода терпеливо, огладил бороду:

– Дивные sprawy Божии! – собрав пальцы в щепоть, перекрестился. – Много о них допытываться не хочу, но каждой справе Божией простым сердцем верую.

* Ныне Знобь-Трубчевское.

Выдал им листы «до царского величества» и проводника, до самой столицы. Дело пошло веселее. Проехали Болхов, проехали Белево, проехали и Калугу.

Едет Афанасий по Москве.

Великий город, а людей-то, людей!

– Гляди, Анисим! – толкает Афанасий послушника в бок.

Тот и так вылупился, дивится и мычит.

Москва и тогда поражала великостью и многолюдством. Было в ней, по сделанной в том же 1638 году переписи, не менее шестидесяти тысяч жителей; в полтора раза более, чем в Варшаве и Кракове, вместе взятых. В городе имелось четыре алмазника, тринадцать банщиков, двадцать четыре блинника, шестнадцать бобровников, одиннадцать бронников... И множество прочего ремесленного и другого люда, по алфавиту.

Поселились Афанасий с Анисимом в Замоскворечье, на Ордынской улице.

Здесь, дожидаясь разрешения на сбор ялмужины, Афанасий описал для царя Михаила Феодоровича во всех красках свое путешествие.

18 марта, в Вербное воскресенье, собрав щедрые пожертвования, Афанасий с послушником покинули Москву.

А спустя два месяца, 16 июня, миновав ледоходы и разлив Днепра, прибыли в Вильну. Еще через месяц, 16 июля, – в Купятицкий свой монастырь.

В январе 1639 года в городке Самборе появился новый самозванец.

Был он «собою молод, толст, волосом рус, уса и бороды не имел». Нанялся в работники местному попу; вскоре поп увидел на спине его «царские знаки»: родимое пятно в виде то ли креста и звезды, то ли двуглавого орла... Работник «открылся», что он – сын царя Василия Шуйского, Симеон, спасенный в малолетстве казаками.

Дальше повторилась почти та же история, что и с Яном Фаустином. Лже-Васильевича доставили на сейм; рассказу его не поверили, однако решили «для всякой причины» оставить. И отослали в один из монастырей, обучаться русской грамоте, в коей сын Василия Шуйского, реальный или мнимый, был не силен.

Вспомнили тогда и о прежнем своем претенденте на московский престол, Яне Фаустине. И вот уже один из московских осведомителей при дворе Владислава, толмач Миклаш Георги Венгрин, сообщает подьячему Ивану Плаксидину, что король опекает двух самозванцев.

В 1640 году царь Михаил Феодорович отправляет в Польшу «гонца» Ивана Кадашева, переодетого купцом, для проверки сведений о самозванцах.

В 1642 году Кадашев возвращается в Москву с подтверждением сообщений Венгрина. Толмач, кстати, предлагал свои услуги в их похищении, оценив их в тысячу рублей золотом. В Москве, поразмыслив, от услуг Венгрина отказались.

В 1643 году Плаксидин снова сообщал из Польши, со ссылкой на некоего писаря Яна Ермолича, что в Бресте, в иезуитском монастыре, живет некто, называющий себя московским царевичем, Дмитриевым сыном; что имеет на спине знаки, доказывающие царское происхождение, ходит в польском платье и понимает по-русски.

В этом сообщении к сведениям о Яне Фаустине Лубе были примешаны сведения о Симеоне (у Лубы на спине никаких знаков не было, да и не жил он в монастыре). В Москве затревожились не на шутку и в конце февраля 1644 года отправили в Польшу великим послом князя Алексея Михайловича Львова. Одной из целей посольства было отыскание самозванцев. Следовало требовать их выдать или казнить на глазах послов.

Симеон Лже-Васильевич к тому времени благоразумно исчез.

Оставался Лже-Димитриевич, Ян Фаустин, продолжавший жить в Бресте. С 1641 года он служил писарем у администратора Брестской королевской экономии, полковника Самуила Осинского. Проезжая через Брест, князь Львов наводил справки о Лубе у городского наместника.

Позже, уже в Кракове, встретился Львов и с Афанасием.

Афанасий к тому времени уже четыре года как был игуменом Симеоновского монастыря в Бресте.

В октябре 1641 года, на сейме, ему удалось получить от короля подтверждение прежних привилегий, данных брестским православным до унии. Чтобы документ вступил в силу, его должен был еще скрепить печатью Великий канцлер Литовский.

Великим канцлером был Альбрехт Станислав Радзивилл. Тот, что пятью годами раньше изгнал Афанасия и остальных монахов из Дубойского монастыря. С тех пор еще более погрузнел; карие глаза глядели еще более лукаво и печально.

«Запечатывать» документ Радзивилл отказался. Даже «за тридцать талеров твердых», как он заявил Афанасию.

– Будете все униатами, и даром запечатаю, – Альбрехт Станислав пригладил бородку. – Я клялся его святейшеству папе, что вера греческая более здесь не умножится.

Афанасий стоял, разглядывая пол в кабинете канцлера, в черных и белых квадратах. Спорить с канцлером было бессмысленно.

Афанасий обратился за помощью к православным архиереям, бывшим на сейме. Но те предпочли не вмешиваться.

Впрочем, и без королевских привилегий Афанасий сумел «умножить» в Бресте православную веру. Местный униатский капитул даже направил в городской суд протестацию. Брестские ремесленники, писалось в ней, особенно из цехов сапожнического, кожевенного и скорняжского, вышли из послушания и подались к «схизматикам» в Симеонов монастырь.

В 1643 году Афанасий снова прибывает на сейм.

После смерти Иосифа Бобриковича он становится главным ходатаем за всех польско-литовских православных. К нему стекаются жалобы от «мещан убогих из Люблина, Сокаля, Орши, Пинска, Бельска, Кобрин»...

Совершая чтение акафиста Богородице, при словах *От всяких нас бед свободы*, Афанасий снова слышит голос, исходящий от Ее образа.

– Афанасий, супликуй (ходатайствуй) на сейме с образом Моим Купятицким, в Кресте изображенным, перед королем и народом! Пригрози им праведным гневом

и Страшным судом Божиим, который вот-вот наступит, если унию проклятую не уничтожат!

И Афанасий супликовал.

10 марта 1643 года он входит на заседание верхней палаты сейма – сената. Прервав слушание, начинает раздавать королю и сенаторам списки Купятицкой иконы, «в семи штуках, на полотне малеванных», вместе с описанием своего путешествия в Москву и с надписью-предостережением.

– Наияснейший Королю Польский, Пане мне милостивый! – голос Афанасия разносился под сводами сената. – Вот какую кривду несносную имеем! Не хотят нам, людям правоверным, церковных привилегий запечатати, не хотят нас сохранить верными Вашей Королевской милости!

На другой день Афанасий был посажен под строгий нагляд.

Нет, не по приказу короля; король слушал его уважливо и приказал привилегию брестчанам «запечатать». Арестован был по приказу своих же архиереев, бывших на сейме. За то, что наперед им «не докладал, справуючи тые суплики» перед королем и сенатом.

Его отвели в подворье на Долгой улице, заперли и передали повеление сидеть тихо. Сколько? Пока паны сейм не скончат. А там будут судить, церковным судом.

– Беда, беда, – Афанасий расхаживал по комнатке, – отцы наши мудрые от латинства до чего дошли! Уже ничему веры не имеют и воли Божией не слушают. Волю свою исполняют, а единовверных своих гнебят!

Потянулись дни. Два, пять, десять. Сколько еще будут его тут гнебить? Сколько будет тут сидеть, «уруганный, оплеванный и осмеянный»?

С ним обращались как с безумным. Что ж, он и есть безумный. *Мы безумны Христа ради*, как писал премудрый апостол Павел.

Настало 25 марта, Благовещение. Он ждал, что его выпустят хотя бы на день, послужить с остальными отцами. Но никто за ним не приходил.

Тогда он вышел сам. Не вышел – выбежал, обманув своих наглядчиков. Почти голым, в клобуке и парамане.

Оглядевшись, перекрестился и побежал по улицам.

– Беда проклятым и неверным! – кричал он, тяжело дыша. – Беда проклятым и неверным!

И колотил себя по спине посохом.

День был холодным и сырым. Увидев темную длинную лужу, он присел, зачерпнул из нее и быстро измазал себя. И снова побежал.

«Не потому, что шальным был, – напишет после, – а только имя Христово на сердце моем начертанным имея, для вразумления старших отцов моих».

Он бежал, с развевающимся за спиной параманом, по варшавским улицам.

– Беда проклятым и неверным! *Vae maledictus et infidelibus!*

На постоялом дворе, наконец, хватились его и «пошляковали» следом. Он уже чувствовал погоню. Хотел добежать до рынка на главной площади, места самого людного, но не успел. У Краковских ворот его нагнали.

«Там тогда под воротами меня обскочили, и, потрутивши в болото (лужу), в колено и больше глубокое, стояли надо мной великой толпою долгий час, пока с гостиницы воз не прибыл».

Закоченевшего от холода, его уложили на сено. Он лежал неподвижно, глазами в небо. Заскрипели колеса.

Вскоре его судили церковным судом.

Суд был незаконным. Судить его могли только в той епархии, в которой он служил, или же в Киеве, у митрополита. Но его судили, лишив сана и игуменства.

Что с ним делать дальше, архиереи не знали. Отпускать боялись, держать при себе тяготились.

«Отъезжая из Варшавы и не зная, куда меня деть, стали пересылать меня от двора ко двору. От отца владыки – к игумену луцкому, от того – к старшему виленскому, от того подворья – снова к отцу Коссову за Вислу-реку лодкой перевезен был, из-за Вислы повторно в Варшаву провожен к отцу старшему виленскому, подворье над баней имеющему. Старший виленский, отъезжая, приказал челяди своей отдать меня отцу Шитику под надзор. Тот в третий раз перевез меня через Вислу».

Потаскав Афанасия по Варшаве, отослали его в Киев.

Тут его немалое время держали под стражей, а потом судили.

И – оправдали.

На суде не оказалось никого из прежних его обвинителей. Афанасия слушали сочувственно, особенно повесть, как пересылали его от одного отца к другому. «Как от Анны к Каиафе», заметил кто-то.

Восстановили Афанасия в священническом сане и игуменском звании. И отослали в Брест, в Симеоновский монастырь, повелев впредь «осторожней себе поступовати». Афанасий обещал.

Только как он мог быть осторожнее?

Вернувшись в Брест, он обнаружил, что братия его терпит неоднократные «бития, мордования, уругания, на монастырь нападения».

«В Кобрине некий Облочинский, архимандритом униатским именуемый, на дороге свободной иноков, на моих конях ко мне из Купятич посланных, насильно захватив – ох, беда! – священноиноку бороду урезал, диакона обнажил и выгнал. А двух коней с возом, с добром на несколько сот золотых, себе заграбил».

Афанасий отправился в Краков, к Томашу Сапеге, искать обороны.

Томаш Сапега владел землями, на которых стоял Симеонов монастырь, и приходился родичем Льву Сапеге, в доме которого Афанасий некогда служил наставником Яна Фаустина.

Афанасий просил Сапегу испросить у короля «лист упоминальный» (увещевательный) к тем, от кого монахи терпели «утрапения и уругания».

«Однако, – пишет Афанасий, – что убогим – утрапение, то панам – шутка».

Сапега повторил те же слова, что Афанасий прежде слышал от Радзивилла:

– Поп с попом побились – мне что за дело? Станьте униатами – и будете жить в покое. Или же идите к их старшим за справедливостью. А сюда напрасно прибыли да несколько десятков золотых поиздержали.

Афанасий ушел ни с чем.

Но в Брест он возвращается не сразу. В Кракове у него происходит еще одна

встреча – с московским посланником, князем Алексеем Михайловичем Львовым, охотившимся на самозванцев.

Московское посольство к тому времени было в затруднении.

На первой встрече паны радные (сенаторы) отвечали, что ничего о самозванцах не слышали и в Польше их нет.

Это было, скорее всего, лукавством. Если о Лубе за давностью срока могли и вправду забыть, то дело Симеона слушалось на сейме всего пять лет до того.

Паны радные обещали донести об этом деле королю. Послам пришлось этим обещанием довольствоваться: точных сведений о самозванцах у них еще не было.

Иной была следующая встреча.

Паны радные сообщили, что король повелел произвести сыск о самозванцах. Буде такие найдутся, послам о том объявят «иным временем».

Но тут посольство проявляет неожиданную осведомленность.

– Подлинно нам известно, – сказали послы, – что один из тех воров, что за царевича, Димитриева сына, себя выдает, в Бресте на службе у пана Осинского в писарях состоит.

Видимо, перед этим произошла встреча князя Львова с Афанасием.

Вот что писал о ней сам Афанасий:

«Поездив немного по городу для сбора жертвы, а, зная, и промыслом Божиим, был у посла московского, напоминая ему бытие мое, содействием Божиим, в году 1638 в столице московской. А когда был спрошен о Димитриевиче, о котором в отсутствие мое в Бресте уже доведовал у пана Галенского, наместника городского, в каком он здесь звании и содержании, то я сказал: “Димитриевич и сам о себе не ведает, кто он есть по настоящему, аже царевичем не подписуется”. И я, не ведая никакой хитрости и не имея посвящения ни от кого в тайны о нем, дал письмо его, с квартиры его ко мне писанное, с подписью его: “Ян Фаустин Димитриевич”».

Передавая Львову письмо Лубы, Афанасий формально не совершал никакой измены, в чем его обвинят после. Это было письмо от частного лица – частному лицу.

...Аже царевичем не подписуется. И это, с формальной стороны, было верно. Но только с формальной. Луба подписывался «Димитриевич», что было равносильно «царевич». В письме было также указано, что оно «писано у царевича на обеде, в царевичевой квартире».

Согласно записи посольского писаря, Афанасий подробно рассказал князю Львову и историю Лубы.

Впрочем, если бы Афанасий «ведал хитрость» и сознательно желал осведомить московского царя о Лже-Димитриевиче, он бы не преминул сделать это раньше, будучи в Москве. Некоторые историки, кстати, так и считают. Что о Лубе Афанасий сообщил в Посольском приказе уже тогда, в марте 1638 года. Георгий (Конисский) даже писал, что именно желание «разоблачить» Лубу побудило Афанасия предпринять «путешествие в Москву, предстать тогдашнему православному российскому царю и лично открыть ему... о замыслах польского правительства в отношении к лицу подсылаемого самозванца».

Однако никаких записей об этом в бумагах Посольского приказа не обнаружено. Не было никаких упоминаний об Афанасии и во всех сообщениях о Лубе, поступавших в Москву. Вплоть до самой встречи Афанасия с князем Львовым в Кракове.

...И не имея посвящения ни от кого в тайны о нем... Афанасий, видимо, не был связан никакими обязательствами о неразглашении в отношении Лубы. Или считал себя уже свободным от них. После того, как оставил должность воспитателя Яна Фаустина, прошло семнадцать лет; срок значительный.

А настоящее виделось Афанасию темным и безрадостным. Все его попытки добиться от властей Речи Посполитой успокоения православных терпели неудачу. Дело с королевской привилегией зашло в тупик. Даже в ходатайстве о выдаче «упоминального листа» ему было отказано; как раз перед посещением московских послов. Где Афанасия, судя по всему, приняли гораздо ласковей, чем во дворце Сапеги.

Последний вопрос.

Понимал ли Афанасий, передавая послам письмо Лубы, что ввергал своего бывшего воспитанника в бездну опасностей?

Он, конечно, не знал тайного предписания, которое имел князь Львов в отношении самозванцев: требовать их казни или выдачи, что было равносильно казни. Но не понимать, что Яна Фаустина ожидают великие неприятности, Афанасий не мог.

И все же он подробно сообщает о нем послам и передает письмо.

Почему? Ответить можно только гадательно. Запись слов Афанасия, сделанная посольским писарем, дошла не полностью. Самый конец, где Афанасий переходил к нынешнему житию Лубы, не сохранился; что Афанасий говорил о нем, неизвестно.

Не сохранилось и злополучное письмо Лубы. Что было в нем? Было ли оно дружественным? Или же Афанасий просил своего бывшего воспитанника о какой-то протекции для брестских православных (через патрона Лубы, полковника Осинского) и в письме получил отказ?

Но все это лишь догадки.

Скорее всего, в беседе с послами Афанасий действительно «не ведал никакой хитрости». Сомневаться в его чистосердечии нет оснований. Он мог искренне желать «послужити великому государю» Михаилу Феодоровичу, в котором видел главного заступника за православие. И опасаться новой войны между Московским царством и Речью Посполитой, причиной которой мог стать Ян Фаустин Луба.

Дело о самозванце Лубе зашло в тупик. Московское посольство требовало его выдачи. Паны радные этого упорства не понимали или делали вид. Да, есть такой Луба. Живет у пана Осинского в писарях. В шутейных речах именуют его царевичем. Да просто так, для забавы.

«Комедия», как все это назовет в своем дневнике Альбрехт Радзивилл.

Московские послы за комедию это не считали. Еще свежа была память и о Лже-Дмитриях, первом и втором, и о польском походе на Москву.

– Если это все шутка, – сказали послы, – то что же вы не доставите этого вора сюда, в Краков? Мы бы желали видеть его и иметь с ним беседу.

Паны радные отвечали, что от Бреста до Кракова не близко и скоро привезти его никак нельзя.

Но послы настаивали на своем.

– Вам, панам радным, надобно не допускать у себя таких воров, которые производят большую смуту в головах. В Кракове приходили к стольнику Даниле Яковлеву для своих нужд поляки Петр Грамбошевский и Адам Войковский и говорили, со слов нарочитых людей, что если, мол, у великих послов с панам радными згоды не будет, то у нас готов Димитрович, на войну с запорожцами.

Паны радные, посоветовавшись, отвечали:

– Знаем мы тех поляков Грамбошевского и Войковского. Люди они глупые и пианицы; слушать таких дураков нечего и в дело их слова ставить не годится. И мы их за такие непригожие слова зганием гораздо, чтобы впредь им неповадно было ссорных речей говорить.

За такими политичными беседами пролетело лето. 14 сентября, наконец, доставили в Краков самого Лубу. Тот повторил свою историю, уже известную послам со слов Афанасия.

Яна Фаустина обнажили и придирчиво оглядели спину. Спина была как спина... Пятна в виде двуглавого орла и других царских знаков на себе не имела. Ян Фаустин стоял и морщился от унижения.

– Про пятно мы просто слышали, – сказали послы. – Теперь сами видим, что его нет. Но пятно – дело не важное.

И снова потребовали выдачи или казни Лубы, а паны радные снова отказали. Взамен выдачи обещали принять на сейме постановление, что впредь ни от Лубы, ни от кого другого под Московское государство подъискивания не будет.

– Таковая мера, – не соглашались послы, – обезопасит царство наше только от Литвы и Польши; а если вор подастся в другое государство и там учинит смуту, с кого будет взять? Лучше бы вы, паны радные, тут его при нас по-хорошему казнили. А мы на то поглядим, и всем покойнее будет.

Наконец, было решено, что Лубу отправят с ближайшим польским посольством в Москву; но не для казни, а для оправдания, дабы сам государь московский, побеседовав с ним, уверился в его неповинности. Так трактовали это паны радные; великие послы, после размышления, неохотно согласились и отошли в Москву.

Царь Михаил Феодорович докладом князя Львова остался доволен. Пожаловал его ярославскими Ловецкими слободами, шубой бархатной золотой, кубком и денежной придачей к окладу.

Афанасий обо всех этих делах высокой политики не ведал.

По возвращении в Брест заказал в Бернардинском монастыре написать образ Купятицкой Богоматери. Монастырь был католическим, но брестского игумена это не смущало. Бернардинцы были последователями Франциска Ассизского, ходили в серых платьях и держали себя, по сравнению с иезуитами, тише и дружжелюбнее.

Образ Богоматери Купятицкой бернардинцы «замалевали» на славу, получили от Афанасия червонный золотый и похвалу. Освятив, как полагалось, образ на молебне, Афанасий поместил его в своей келье и долго и сладко молился пред ним.

И снова, во время молитвы, от иконы изошел свет и раздался голос.

Снова призывал Афанасия отправиться на сейм и супликовать к королю. Но теперь уже не о привилегиях для православных и не о защите их, а о полном уничтожении унии.

После сего, писал Афанасий, он «слабый быдем пять дней; правдиве, ни пишем, ни ел, мысличи, что чинити».

Наконец, он решается ехать и начинает готовиться выступить «на высоком театруме света сего, сейме».

Сейм должен был открыться в начале января 1645 года. Однако за три недели до открытия Афанасий оказывается в театре куда менее высоком: в тюрьме. На этот раз по распоряжению короля, как «закладник» (заложник) за Лубу, отправленного в Москву.

Ян Фаустин трясся в посольском возке, мерз и тоскливо глядел сквозь заиндевевшее оконце на страну, которой ему предначертано было править.

Не так, не так рисовал он себе когда-то свое прибытие сюда... Но сносил путевые тяготы терпеливо. Подолгу молился или читал латинских пиитов, которых захватил в дорогу для отгнания скуки. В Москве, однако, упал духом; и было от чего.

На первом же свидании с послами бояре потребовали, чтобы те отдали Лубу в «царскую волю», а государь уже «велит учинить об нем по своему государскому рассмотрению». Чем было чревато «государское рассмотрение», было ясно.

Повторилась краковская история: бояре требовали, послы отнекивались.

Из Польши тем временем пришло в Посольский приказ сообщение об аресте «игумена Афанасия, для того, будто он объявил Лубу, что он назывался Димитриевичем».

Это ли известие удержало Михаила Феодоровича от того, чтобы взять Лубу силой? Или царь не желал ухудшать и без того не слишком дружественные отношения с Польшей?

Неизвестно. Но Лубу трогать не стали.

Потекли дни. Послов уже не приглашали во дворец, но и не отпускали восвояси, а держали взаперти. Ян Фаустин тосковал и ходил по комнатам; для успокоения черной желчи читал латинских авторов и ловил мух.

За зимой последовала весна; пришло и лето; послы сидели безвыходно и ругались, хотя не слишком громко: кругом были невидимые уши.

Но тут царь Михаил Феодорович тяжело заболел; лечение рейнским вином, приправленным кореньями, не помогло. 12 июля государю стало дурно и ночью он скончался; к тихому ликованию потерявших всякую надежду послов.

23 июля их принимал новый царь, Алексей Михайлович.

Послы вручили царю четыре грамоты, давно заготовленные. От короля Владислава, от панов радных, список с сеймового «конституцейского письма» и запись шляхетскую. Что Ян Фаустин Луба никаких домоганий на московский престол не имеет и король и сейм ни через него, ни через других самозванцев никаких

подъискиваний под Московское государство не совершат.

Послы также клялись, что как только посольство вернется в Польшу, Яна Фаустина усадят на пару лет, для полного успокоения русского царя, в Мальборкскую крепость. После чего он будет пострижен в монахи и станет ксендзом.

Царь Алексей Михайлович послушал и покивал главою. Посольство отъехало.

Снова Ян Фаустин трясся в карете, уже по летним, то пыльным, то волглым от дождей, дорогам. Он покидал Московию, счастливо избежав казни, но радостью исполнен не был. Жизнь его, и без того не слишком многоцветная, окончательно лишалась всякого смысла и резона. Теперь, когда на всю вселенную будет объявлено, что он никакой не царевич, а простой шляхтич... Уж лучше бы его казнили в Москве, при стечении народа, как казнили того несчастного мальчика, подлинного сына царя Димитрия...

Или все же – не подлинного? Воевода Белинский мог напутать. Напутать или слукавить. Когда объявил ему, Яну Фаустину, что он не царевич, голос воеводы звучал неуверенно и жидко.

Протащившись по то пыльным, то волглым дорогам, посольство въехало в пределы Речи Посполитой.

Здесь их встречали как героев и поздравляли с благосчастливым возвращением. Ян Фаустин приосанился; на первой же пирушке язык его сам собою развязался. Стал Ян Фаустин рассказывать, что московский государь-де с ним самолично беседовал и признал в нем сына Димитрия... «Истинно так!», говорил Луба, слегка икая. Напрасно посольские паны толкали его под столом; он только отмахивался; в нем снова ожил русский царевич; он был пьян и счастлив.

«Наияснейший Королю Польский, Пане мне милостивый! Вот такую неправду и обиду несносную имеем!»...

Афанасий продолжал сидеть в тюрьме. И писать, писать. К королю Владиславу, к сейму, к воеводам. Не в свою защиту: в защиту «поверженной Церкви Восточной». Богословские трактаты, стихи и даже одну песню, с нотами.

Даруй покой Церкви своей, Христе Боже!
Терпети больше, не вем, кто из нас зможе.
Дай помощь нам от печали,
Абы мы едины стали
В вере святой непорочной в мирны лета.
Когда ж придут страшные дни в конец света,
Изберешь, кто из нас, Пане,
Одесную Тебе стане.
Сокруши злодеев, первой – униатов,
Езуитов и остальных супостатов.
Абы нас не колотили,
И в мире лет конец жили...

И рассылает это, через своих сторонников, в сейм и воеводам. Королю Владиславу, когда тот проезжает в карете, вручают писания Афанасия, переплетенные в атлас.

Афанасий умоляет Владислава уничтожить унию, вносящую нестроения не только в церковь, но и в государство. Иначе после мирных лет придет на Польшу великая война.

«Раз с помощью их милостей Королей эта уния проклятая в панстве этом христианском, по попущению Божию, стала, то нужно, чтобы она справедливым судом, во времени мирном, по воле Божией, с помощью королевской, и пала».

За зимой последовала весна; уже подходило к концу и лето.

Послы с Лубой вернулись из Москвы; надобность держать Афанасия в «закладниках» отпала. Король приказал освободить его, но его все держали в оковах. 19 октября, после того, как Владиславу передали еще одно сочинение Афанасия, пришел повторный приказ освободить его и услать «в такое место, чтобы оттуда не мог ни одного гласа поднять». Но тут уже сам Афанасий отказался освобождаться; потребовал, чтобы его судили королевским судом, на котором он смог бы, в виде защитительной речи, прочесть новое обличение унии.

Тут уже терпение Владислава иссякло; приказал препроводить упрямого игумена в Киев и строго беречь там.

Утром 3 ноября 1645 года Афанасию выдали пять талеров на подорожный кошт и в сопровождении двух драгун вывезли из Варшавы. Афанасий сел в повозку, перекрестился и прикрыл глаза, отвыкшие за месяцы тюремного сидения от лучистого света.

Новое путешествие, новые мысли. Чем встретит его Киев?

Киев встретил его настороженным молчанием.

Митрополит Петр поместил его под нагляд в Печерскую лавру. Вины за собой Афанасий не видел; ждал, что, подержав для порядка, его отпустят. Собрал все свои письменные труды воедино, озаглавил «Диариуш, албо список деев правдивых, в справе помножения и объяснения веры православной голошенный». И преподнес владыке митрополиту, в свое оправдание.

Название было необычным. «Диариуш» в переводе с польского значило «дневник». Сохранилось немало белорусских и украинских «диариушей». «Диариуш, или журнал, то есть повседневная записка случающихся при дворе ясновельможного, его милости, пана Иоанна Скоропадского». «Диариуш дорожный» Филиппа Орлика. «Диариуш» Димитрия Ростовского...

«Диариуш» Афанасия никаких «повседневных записок» в себе не имел. Отчего был так назван? Возможно, Афанасий разумел «диариуш» в более обширном смысле, как свое «житие». Назвать же его «житием» ему не позволило монашеское смирение.

Прочел ли митрополит Могила «Диариуш» или нет, но продолжал держать игумена под надзором. В ожидании протекла зима, последовало теплое киевское лето, подступила и осень. Надежды на оправдание и возвращение в Брест таяли. А тут еще дошли до Афанасия слухи, что многие епископы, во главе чуть ли не с самим владыкой, вступили в тайные переговоры с Римом. И готовят создание униатского Киевского патриархата.

И снова, как в варшавское свое пленение, Афанасий пускается на юродство. 14 сентября, в лаврской церкви, в день Крестовоздвижения.

В чем оно состояло и что он натворил на праздничной службе, неизвестно. В «Диариуше» сохранилось только краткое объяснение причин. Ревность о защите православия. Желание уничтожением своим покорить гордость «в своих».

«Чтобы уругание на себе понес от тех, которые мовят: “То дурень творит!”, и доведался, от кого и за что терплю гонение».

Доведался ли того Афанасий или нет, также неизвестно. Но гонение, судя по всему, понес; его, как «дурня», продолжали держать под надзором.

Но 1 января 1647 года скончался митрополит Петр Могила.

На погребение его и выборы нового митрополита прибыли в Киев архиереи со всей Киевской митрополии. Приехал и волынский епископ Афанасий Пузына, к чьей епархии относился Брестский монастырь. Переговоры архиереев о создании униатского Киевского патриархата со смертью митрополита Петра не закончились; желательно было удалить Афанасия теперь уже из Киева, чтобы не мешал.

Уезжая, Пузына, сам будучи из переговорщиков, забрал Афанасия. Вскоре, по прошению братии брестского монастыря, вернул его туда игуменом. Напоследок имел с ним беседу, наказав сидеть тише.

Афанасий, поклонившись, пообещал.

Сообщения о том, что Ян Фаустин, «едуци дорогой, называл себя опять царевичем», быстро дошли до Москвы. Московскому посольству было велено уведомить о том короля Владислава.

– Вместо обещанного помещения под надзор, Луба не только на воле теперь, но и сделан писарем при королевской пехоте и жалование получает!

Послы снова требовали его казни.

Паны радные отвечали, что произведут следствие, продолжает ли Луба звать себя царевичем или нет.

– Но мы вам говорим правду, – добавили паны, – что Луба отдан под надзор королевской пехоты полковника Осинского, и приставленные к нему гайдуки держат его с большим бережением. А королевского жалования ему никакого не дано.

Московские послы веры этим словам не дали. Снова пошли разноречия и пререкания. Наконец, чтобы успокоить Москву, 5 декабря 1646 года на сейме была принята новая «запись конституцейская», «О Любе, шляхтиче польском»:

«Так как в недавнее время глупое простонародье называло шляхетного Яна Фаустина Лубу *Царевичем*, то, поскольку он таковым не является, приказываем, чтобы никто не смел его так называть, а самого Яна Лубу выпускать за пределы панств наших».

На том дело и закрылось. Яна Фаустина, через пана Осинского, предупредили, чтобы впредь сидел тише. Тот, вздохнув и поклонившись, пообещал.

Итак, в 1647 году Афанасий и Ян Фаустин снова оказались рядом, в Бресте.

Афанасий, выполняя обещание, новых суплик против унии не писал и углубился в текущие монастырские дела. Тем более что игуменствовал к тому времени уже в двух брестских монастырях, и Симеоновском, и Рождество-Богородицком.

Ян Фаустин, окончательно простившись с мечтами о московском престоле, продолжал исполнять писарскую должность. Ксендзом он так и не стал. Да и точ-

но ли хотел им быть? Не было ли это всего лишь еще одной его мечтой? Кто знает.

Вряд ли, после всего перенесенного, они могли иметь общение, Афанасий и бывший его воспитанник. Хотя и это неизвестно. Может, случайно встретившись на улице и замерев ненадолго, устремились друг к другу. И долго стояли, обнявшись и торопливо прося прощения... Но это слишком красиво, чтобы быть правдивым.

Да и не так уж долго смогли пожить они рядом.

Пьеса их жизни шла к развязке. Наступал 1648 год. Вскоре вся нежная и гордая Польша превратится в одну кровавую рану.

24 января 1648 года Богдан Хмельницкий был избран гетманом; заручившись поддержкой крымского хана, поднял восстание.

6 мая совместные силы казаков и татар разбили цвет польского войска под Желтыми Водами, 15 мая – под Корсунем.

Одним из главных требований восставших было уничтожение унии.

«Во-первых, – перечислял Хмельницкий условия возобновления “верного подданства” казаков польской короне, – мы просим, чтобы не было неволи, которую горше неволи турецкой терпит от унии народ русский, ... чтобы и теперь, как было издревле, Русь была одной древней греческой религии, чтобы не было самого имени “уния”, только была вера греческая и римская».

20 мая умирает Владислав Четвертый.

Было объявлено безкорольеве. По всей Речи Посполитой, до выбора нового монарха, вводились особые «каптуровые» суды. После тяжелых поражений от казаков, суды эти судили без всякой милости.

«И повсталое великое преследование и непотребная суспиция на бедную Русь от иноверных по всей Короне Польской и Великому Княжеству Литовскому».

1 июня Афанасий служил литургию в Рождество-Богородицком монастыре.

Отзвучала молитва за оглашенных, запели *Иже херувимы*. Стоя у престола, игумен почувствовал движение в храме. Медленно повернул голову. В церковь входили гайдуки, при оружии.

– Всякое ныне житейское отложим попечение, – пели на клиросе.

Какое-то время Афанасий стоял неподвижно. Еще раз пропели Херувимскую. Отерев пот со лба, игумен продолжил службу.

Сразу после литургии его повели в замок. Там уже заседал каптуровый суд. Афанасий обвинялся в письменных сношениях с мятежниками и посылке казакам Хмельницкого пороха.

– Милостивые панове! – отвечал Афанасий. – Клевета и выдуманное дело, чтобы думал я письма или порох до казаков посылать. Коли имеете всюду доносителей, пошлите за ними, пускай скажут, отправлял ли я куда порох. И письма те покажут.

Судьи послали обвинителя с гайдуками произвести обыск в монастырях. Гайдуки ничего не нашли, к большой досаде обвинителя, который «вырыгнул на них свою злобу»: «Да чтоб вас поубивало! что ж не прихватили с собой какого мешка пороха и не поведали, что это у чернецов нашли?».

Видя, что обвинение рушится, судьи снова велели привести Афанасия:

– Однако ж, не хулил и не проклинал ли ты святую унию?

– Так вы, милостивые панове, затем меня позвали, что я порицал и проклинал унию вашу? Так я это еще на сейме в Варшаве перед его милостью королем, паном наияснейшим, и сенатом его пресветлым говорил, и всегда и везде, по воле Божией, объявлял. То же и перед вами повторю: проклята ваша уния! И знайте, если из панства вашего ее не выкрените и православной церкви не успокоите, найдет на вас гнев Божий!

Тут заволновались многие из сошедшихся в зале суда униатов:

– Схватить его! Четвертовать! В пыль стереть такого схизматика!

Афанасия заперли в подвале и заковали в кандалы. В таком положении сидел он с 1 июля до сентября, пока судьи ждали распоряжений из Варшавы.

– Не изыдут из этого государства меч и война, – кричал Афанасий, выглядывая из подвального окошка, – пока уния себе шею не сломит, а благочестие не зацветет! Хоть не скоро, а зацветет!

Наконец, судьи приказали привести игумена. Были с ними луцкий католический епископ Андрей Гембицкий и хорошо знакомый Афанасию канцлер Альбрехт Станислав Радзивилл. Допрос был недолгим. Канцлер молчал.

– Проклинал ли ты унию? – подал голос епископ.

– Так бо и есть же проклятая, – отвечал Афанасий.

– Будешь язык твой завтра перед собою в руках палачьих видети!

Афанасия снова увели.

Епископ не был человеком жестоким; образован, просвещен, учился в Краковской академии и Падуанском университете. Но незадолго до того войска Хмельницкого взяли Луцк, где он епископствовал; разорили и пожгли католические костелы и монастыри, посекали монахов; досталось и униатам.

В ночь с 4 на 5 сентября пришли к Афанасию в тюрьму иезуиты и убеждали, чтобы не губил себя и принял унию. Ничего не достигнув, отошли, а напоследок прислали к нему студента своего.

– Нехай езуиты ведают о мне так, – отвечал ему Афанасий. – Як им мило в сего светных роскошах жити, так мне мило теперь на смерть пойти.

Студент удалился.

Афанасия расковали и повели к Андрею Масальскому, воеводе брестскому. Однако тот «не хотел его до себе брати».

– Почто его до мене привели? Чините себе с ним, що хочите!

«Тогда взяли его к себе те, которые крови его давно желали». Повели в бор, что от города в четверти мили, в сторону села Гершоны. Ночь была тихой и безоблачной; Афанасия приходилось подгонять, после сидения в кандалах он не мог быстро ступать.

Дойдя до бора, стали Афанасия снова пытаться и печь огнем. Потом подозвали гайдука, приказали зарядить мушкет и вырыть яму. Гайдук же, «видячи, же то есть духовный и знаемый ему добре», все мешкал.

Спросили Афанасия в последний раз, не отречется ли от слов своих.

– Что уже рекл, то рекл, с тем умираю! – отвечал Афанасий.

Его подтащили к старой сосне и прислонили к ней.

– Стреляй! – крикнули гайдуку и отошли.

Гайдук стоял с мушкетом и не мог выстрелить; руки его тряслись.

– Пли! – повторили старшие.

Раздался грохот, но не выстрела. Лес осветился. Осветился синим огнем город, башни монастырей, крыши, дома, всё.

«Ночь была погодная, и ни на одну стопу хмуры (тучи) нигде не видати было, а блискавица (молния) барзо страшная была и великая по всем небе».

Загремел гром.

– Прости меня, отче, – крикнул гайдук, целясь. – Прости и благослови!

Так потом поведает он о той казни «вере годным людям». Что прежде «о прощении и благословении его просил, а потом в лоб ему выстрелил».

Афанасий с простреленным лбом еще какое-то время стоял, опершись о сосну, пока не столкнули в яму. Но и в яме, как рассказывал гайдук, Афанасий еще был жив. Повернулся лицом вверх, «руки на персях накрест заложил и ноги протяг».

Сверху полетели комья земли.

Так он лежал «без погребу» до мая 1649 года, пока какой-то мальчик не обнаружил его. Узнали о том монахи. Выкапывать пришлось ночью, тайно, «бо то езуицкий был грунт, в котором тело лежало».

Тело было осмотрено и найдено неразложившимся. Под пахом были оголены кости, обугленные от огня. В голове темнели три сквозные раны, а лицо было почерневшим от сажи и крови. «Язык из рта меж зуби троха вышел и там присох».

Получив разрешение властей, Афанасия привезли в монастырь. 8 мая, после отпевания, опустили в «склепик», подле правого клироса в церкви Симеона Столпника.

Вскоре начались от него чудотворения. Но это уже другой рассказ.

Луба пережил своего бывшего наставника всего на неделю.

Полк Осинского, в котором он служил писарем, был брошен на юг, для нового сражения с казаками. Поляки подошли к Пилявцам, месту хмурому, в лесах и болотах.

В первый день успех был на стороне поляков, они форсировали реку и собирались штурмовать Пилявецкий замок, в котором засел Хмельницкий.

Тогда казаки пустились на хитрость. Стали ночью бить в бубны, палить из пищалей и пушек и выкрикивать татарские слова, какие знали. Поляки забеспокоились. Был захвачен пленный, который сообщил, что к пану Хмельницкому пришла «на допомогу» сорокатысячная татарская конница. То, что пленный был захвачен как-то уж слишком легко, поляков не насторожило (в действительности татарских конников было в десять раз меньше). В польском стане поднялась паника.

Утром 13 сентября в густом тумане казацкие и татарские отряды двинулись к реке. В польском лагере царило смятение, командующие ругались друг с другом, приказы никто не слушал. К концу дня все было проиграно: польское войско обратилось в бегство, казаки преследовали и рубили отступавших.

В этой кровавой каше погиб и несостоявшийся русский царь Ян Фаустин Луба.

О гибели его было доложено в Москву, однако о ее обстоятельствах ничего написано не было. Для Москвы это было уже неважно, да и для Варшавы тоже. Залитый кровью томик латинских поэтов так и остался где-то среди пилявецких болот.

Слова Афанасия сбывались. «Меч и война» все не уходили из Польши.

После битвы под Батогом по приказу Хмельницкого было обезглавлено и выпотрошено от трех до пяти тысяч пленных поляков. Сколько всего поляков погибло в ходе восстания, не поддается счету.

Ослаблением Речи Посполитой воспользуются ее соседи. За восстанием Хмельницкого последует «Шведский потоп», половина Польши будет захвачена шведами. Помешкав и пораздумав, на стороне казаков выступит Московское царство. И захватит оставшуюся половину Польши.

С великими потерями Польша восстановится. Но время ее могущества безвозвратно сойдет; через столетие она будет разделена и исчезнет. Брест и прочие земли, на которых пановала уния, войдут в состав России. Теперь уже униатам придется испытать горькую чашу утеснений.

Через полтора века, в 1918-м, Польша снова объединится. И гонения на православие вспыхнут с новой силой. За двадцать лет половина православных церквей будет отобрана, закрыта или разрушена. В 1926 году в Варшаве сравняют с землей кафедральный Александро-Невский собор. Впрочем, менее чем через двадцать лет, в 1944 году, в руинах будет лежать вся Варшава. От города, где бывал Афанасий, в котором выступал на сейме и на улицах которого юродствовал, останутся дымящиеся груды кирпичей...

А если бы тогда, за триста лет до этого, наияснейший король Владислав и пресветлый его сенат послушали Афанасия? Потекла бы река истории иначе?

Тишина, нет ответа.

Да и вряд ли могли они, король и паны радные, отнестись к Афанасию и словам его поважней. Кто он был для них? Водомут, самозванный пророк. Сам писал о том.

«А запытает ли кто: “Чи пророк ты, что то мовишь?” – в покори сердечной одповем: “Не пророк, но только слуга Бога Сотворителя моего, посланный ведлуг часу (согласно времени), абы правду каждому мовил”».

В таком смысле он и был им, самозванцем: как и все пророки и святые, «мовившие правду». Святым самозванцем.

«В Пенджикенте, как месте ссылки духовенства...»

Пенджикентская Свято-Никольская церковь

В августе 1868 года большой кишлак Пенджикент*, в составе новообразованного Зерафшанского округа, стал частью Российской империи. Вскоре он получил статус города. Пенджикент находился в горной местности в 64 верстах на восток от Самарканда. К нему вела колесная дорога; в зимнее время года по ней было особенно сложно добираться.

В 1888 году, согласно переписи населения, в Пенджикенте проживало 2475 человек. Жителей православного вероисповедания было всего 15: двое военных, один гражданский служащий, четверо – купцы и мещане и восемь женщин¹.

При такой малочисленности православных жителей, естественно, не могло быть и речи о постройке здесь храма. Однако в 1901 году в Пенджикенте была возведена православная часовня на кладбище. На постройку ее ушло 766 рублей². Все последующие дореволюционные годы на ремонт и содержание часовни регулярно выделялись средства из бюджета Самарканда.

Вскоре в Пенджикенте была установлена таможенная застава, устроен приемный покой, а также создана русско-туземная школа для обучения детей коренного населения. Помимо этого в Пенджикенте была создана метеорологическая станция. По проекту архитектора Владимира Лемке, работавшего в 1880–1882 годах в Самарканде (ему принадлежал проект Свято-Георгиевского храма), был построен арестный дом с одиночными камерами. В Пенджикенте постоянно находилась военная казачья команда.

Для совершения богослужений и треб в Пенджикент выезжали священники из Самарканда. В списке церковной ведомости о прихожанах Самаркандского Покровского собора за 1910 год помимо самаркандцев значились еще жители Пенджикента в количестве 29 человек; к 1916 году их число увеличилось до 44.

В каком году Пенджикентская часовня стала действовать как церковь, остается невыясненным, но в мае 1923 года, как вспоминал архиепископ Лука (Войно-

* Ныне административный центр Пенджикентского района Согдийской области Таджикистана.

Ясенецкий), это была уже маленькая церковь во имя святого Николая Мирликийского³. Именно в ней была совершена епископская хиротония святителя Луки, в которой участвовали епископ Болховский Даниил (Троицкий) из Орла со своим келейником иеромонахом Иоасафом, епископ Суздальский Василий (Зуммер) и священник Валентин Свенцицкий.

В те годы в Пенджикенте побывали также православные епископы: Переяславский Дамиан (Воскресенский), Уфимский Андрей (Ухтомский) и Алматинский Лев (Черепанов), а также епископ Августин (Беляев) со своим келейником диаконом Борисом Семеновым.

С октября 1923 года иереи Александр Маков и Александр Пурлевский также были направлены на поселение в Пенджикент, в то время как семьи сосланных священников проживали в Самарканде. В Пенджикенте отец Александр Маков заболел тропической малярией и в марте 1924 года был возвращен в Самарканд. В это же время в Пенджикенте находились ссыльные священники Алексей Бенеманский и Василий Куприянов.

В переписке Административного Отдела при Самаркандском уездном исполкоме (Самуисполкоме) за 1923–1924 годы имеются документы, касающиеся закрытия Пенджикентской церкви.

Секретно и срочно.

Всем Угорисполкомам.

Секретариат Облгорисполкома предлагает Вам срочным порядком представить сведения – какие религиозные общества и церкви имеются на вашей территории, точно указав их местонахождение.

Во исполнение Вашего предписания доношу, что в самаркандском Уезде согласно донесений раймилиции имеется два религиозных общества; одно в г. Пенджикенте и одно на ст. Ростовцево*.

Начальник Административного отдела Уисполкома – Мамури⁴.

15 апреля 1924 года начальнику Пенджикентского района было послано следующее секретное предписание, касающееся закрытия пенджикентской церкви:

Секретно. С получением сего Самуисполком предлагает Вам, под Вашу личную ответственность, опечатать православную церковь, находящуюся в Пенджикенте, предварительно составив опись находящегося в ней имущества, причем все ценное имущество должно быть при особой описи представлено в Самуисполком с приложением соответствующего протокола о произведенном опечатании церкви.

Предсамуисполкома – Урунходжаев. Ответственный секретарь – Андушук. Регистратор Ефимов⁵.

Церковь в Пенджикенте была опечатана, но ее община пока продолжала существовать и участь ее еще не была окончательно определена. Пенджикентской общине было в срочном порядке предложено пока подписать и представить на рассмотрение новый Устав. Секретариат Самоблисполкома торопил и напоминал, что регистрация религиозных общин должна быть обязательно закончена в двухнедельный срок⁶.

* Ныне Булунгур – город, административный центр Булунгурского района Самаркандской области Узбекистана.

Весьма срочно.

Начмилиции Пенджекентского района.

Предлагаю вам немедленно обязать явкой в двухдневный срок со дня объявления Председателя Церковного Совета Церкви находящейся в Пенджекенте в Самуисполком с Уставом для регистрации, в противном же случае предложить Председателю Церковного Совета немедленно прекратить совершение религиозных обрядов. О последующем донести.

Начальник Административного отдела. Рустамов.

27. IV. 24 г.⁷

Несмотря на ряд категорических указаний о недопустимости функционирования незарегистрированных религиозных объединений, НКВД было установлено, что на конец мая зарегистрировано было не более 50% от общего числа церквей. Телеграммой Самаркандского облисполкома от 22 июня 1924 года всем уездным городским исполкомам области предписывалось закрыть все религиозные организации, не успевшие зарегистрироваться в трехдневный срок⁸. Было направлено это предписание 19 июля и в Пенджикент.

Секретно.

Уполномоченному. Разрешение на право регистрации религиозного Общества в г. Пенджикенте тов. Можаеву.

В последний раз предлагаю Вам представить материал о регистрации предполагаемого (так! – А.Г) Вами общества, почему и препровождаю при сем: один типовой устав с инструкцией, по постановлению ЦИКа за № 9 <...>, постановление НКЮ, 2 декрета НКЮ об отделении Церкви от Государства и Школы от Церкви и циркуляр КВД за № 098/78 для точного и неуклонного исполнения. При заполнении Устава предлагается строго руководствоваться вышеупомянутыми декретами, постановлениями и инструкциями и точно исполнять все пункты.

Во избежание возможных быть недоразумений Самуисполком разъясняет. 1/ Регистрация религиозного общества возможна лишь при представлении Вами всех установленных документов и списков общества и материала регистрации предполагаемого Вами общества, в число которого входит – список членов всего общества, являющийся одним из главных оснований суждения о составе данного объединения. 2/ Предъявленные на регистрацию списки членов принявших на общем собрании типовой устав, подписываются не всеми членами данного собрания, а лишь группой лиц уполномоченных собранием учредителей на исходатайствование разрешения, причем подписи только этих уполномоченных свидетельствуются нотариальным порядком, для того, чтобы Отдел Управления имел гарантию, что устав подписан именно данными лицами, которые составляли список своей группы за своей подписью, являются <...> ответственными за правильность сведения списка всех членов. Нотариально заверенные подписи трех учредителей считается вполне достаточным. 3/ Гербовый сбор взимается при регистрации с 2-х экземпляров проекта устава и с двух экземпляра. списка членов, на общем основании, причем один оплаченный гербовым сбором устав по утверждению выдается на руки просителям, все же дополнительные экземпляры устава и списка, как представленные в силу соответствующего постановления или же перерегистрации являющейся чисто технической заменой устава оплате гербовым сбором не подлежат. 4/ Вопрос же о том возможно ли существование общества в городе Пенджекенте, как месте ссылки духовенства, опять-таки может быть разрешен при наличии всего материала регистрации.

А так же представить письменные объяснения о причинах нерегистрации общества до

настоящего времени, несмотря на ряд предписаний, посланных Вам через Начальника милиции Пенджекентского района.

Начальник Административного Отдела Самуисполкома.

19. VII. 1924 г.⁹

В ответ в начале августа 1924 года на имя начальника Административного отдела из Пенджикента был направлен следующий рапорт:

Рапорт.

На Ваши предписания о регистрации религиозного общества в г. Пенджикенте доношу нижеследующее: по получении Вашего первого предписания по указанному вопросу мною были затребованы от Председателя религиозной общины гр-на Можаяева <...>. Последний мне доложил, что он по сему вопросу представлял списки в Уисполком, но Уисполком его списки на членов религиозной общины признал недостаточными и дал ему форму листов, которые должны быть заполнены всеми членами религиозной общины. Эта форма была отдана Можаяевым в типографию для отпечатания, после чего бланки будут представлены им в Пенджекент для заполнения членами общины и затем представлены Вам. Только благодаря (так! – А.Г.) этому и не выполнены мною Ваши предписания. Гр-ну Можаяеву мною делались неоднократно напоминания о скорейшем представлении бланков.

Начмилиции.¹⁰

Сложно сказать, действительно ли дело обстояло так, как об этом писалось в рапорте, и была ли вина в затягивании регистрации на самих верующих. Другой информации по этому делу обнаружить не удалось. Во всяком случае, 7 августа церковь была закрыта и опечатана.

АКТ

1924 г. Августа 7-го дня мы Нижеподписавшиеся – Комиссия в составе трех человек под председательством ответственного Секретаря Пенджекентского Райкома КПТ тов. Мурадова и членов заместителя Пенджекентского Предуисполкома Бабамумина Джурабаева и старшего милиционера Пенджекентского района т. Кравчика, составили настоящий акт о нижеследующем – отношением от Самуисполкома от 15 апреля с. г. за № 34 было предложено Начмилиции Пенджекентского района опечатать Православную Церковь гор. Пенджекента и находящееся в ней ценное имущество представить в Уисполком. Согласно сего нами были отобраны нижеследующие ценные Церковные вещи у гр-на г. Пенджекента Можаяева Андрея, переданные ему в мае месяце с/г на хранение бывшим Начмилиции Пенджекентского района тов. Абдуллаевым:

1. Одно большое Евангелие,
2. Один серебряный крест,
3. Одна серебряная чаша,
4. Одна серебряная ложечка,
5. Две серебряные тарелочки,
6. Один дискос,
7. Одна серебряная подставка.

Опечатание церкви нами не производилось, так как она была опечатана ранее при Нач<альнике> милиции тов. Абдуллаеве в присутствии Предуисполкома и взятые там вещи были сданы на хранение тов. Можаяеву. О всем вышеизложенном нами был составлен настоящий акт.

Подписи Председателя и членов Комиссии¹¹.

Данный акт, содержащий перечень отобранных вещей из Пенджикентского храма, вместе с самими вещами был доставлен и сдан начальнику административного отдела Самуисполкома.

После закрытия пенджикентской Свято-Никольской церкви ссылным священнослужителям оставалось только совершать келейные богослужения. Об этом вспоминает священномученик диакон Борис Семенов, находившийся в ссылке вместе со священномучеником епископом Августин (Беляевым). Он пишет, что в комнате у владыки Августина собирались люди на молитву¹².

Вскоре после этих событий, в октябре 1924 года, в результате национально-территориального размежевания Средней Азии была образована Таджикская Автономная ССР, которая до октября 1929 года входила в состав Узбекской ССР. В процессе этих перемен Пенджикент отошел в Таджикскую Автономию и тем самым вышел из состава самаркандского Благочиния. Дальнейшая судьба церкви в Пенджикенте и ее общины остается невыясненной. По воспоминаниям старожилов, церковь Святителя Николая находилась в самом центре на площади и была разрушена приблизительно в годы Великой Отечественной войны при перепланировке города.

В 2018 году православные жители Пенджикента начали дело о возрождении церкви. При поддержке Главы Среднеазиатского Митрополичьего округа митрополита Викентия было получено разрешение от властей на выделение участка земли на местном кладбище. 19 апреля 2019 года состоялась закладка храма-часовни во имя святителя Луки Крымского, но по причине разногласий между членами новообразованной общины начатое дело затянулось. В январе 2020 года в Самарканд приехал иподиакон, назначенный из Душанбе, вместе с двумя жительницами Пенджикента, которые занимались вопросами постройки будущего храма. Во время беседы выяснилось, что одна из женщин – Ирина Васильева – проживает в старинном доме, находящемся в самом центре Пенджикента. Оказалось, что хозяином этого дома прежде был Андрей Можаяев – тот самый председатель религиозной общины в Пенджикенте, при котором в 1924 году была закрыта Свято-Никольская церковь...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обзор Самаркандской области за 1899 год. – Самарканд: Самаркандский обл. стат. ком., 1900. С.100.

² Обзор Самаркандской области за 1901 год. – Самарканд: Самаркандский обл. стат. ком., 1902. С. 94.

³ *Свт. Лука Крымский (Войно-Ясенецкий)*. «Я полюбил страдание». Автобиография. – Минск: Белорусская Православная Церковь, 2019. С. 21.

⁴ Самаркандский областной государственный архив. Ф. 67. Оп. 1. Д. 20. Л. 48.

⁵ Там же. Л. 9.

⁶ Там же. Л. 57.

⁷ Там же. Л. 59.

⁸ Там же. Л. 60.

⁹ Там же. Л. 56.

¹⁰ Там же. Л. 46.

¹¹ Там же. Л. 45.

¹² Августин Беляев, еп. // База данных «За Христа пострадавшие». Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX веке (URL: http://martyrs.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html?charset/ans)

Православные храмы в пограничных войсках Таджикистана: история и современность

В 1895 году было проведено разграничение между Россией, Афганистаном и Китаем. По договору, подписанному в августе этого года, Россия получила право организовать свою пограничную охрану на Западном Памире (Горном Бадахшане).

Осенью того же года в кишлаке Хорог был создан российский пограничный пост, а через несколько лет штаб Памирского пограничного отряда, располагавшегося на «посту Памирский» (ныне поселок Мургаб), был перенесен в Хорог, который стал фактически и центром административного управления Горного Бадахшана, формально входившего в состав Бухарского ханства.

С момента основания в Хороге пограничного гарнизона местная православная община, состоявшая из пограничников и их семей, окормлялась священниками, изредка наезжавшими сюда из Ходжента. Однако необходимость в православном храме возрастала год от года. В 1905 году полковник Елагин, служивший в свое время на Памире, пожертвовал «на постройку православного храма в одном из высокогорных пограничных пунктов на границе с Афганистаном» 10 тысяч рублей. Генерал-лейтенант Александр Самсонов, бывший тогда Туркестанским генерал-губернатором, приказом по Туркестанскому военному округу от 2 декабря 1909 года определил обратить этот капитал на постройку православного храма в Хороге. В комитет по постройке храма вошли начальник Памирского отряда, начальник Хорогского поста и инженер Ферганской инженерной дистанции.

В следующем, 1910 году, инженером-полковником Александром Бурмейстером* были составлены смета и план строительства, после чего пограничники при-

* Александр Бурмейстер (1850 – после 1909) – полковник, военный инженер, архитектор. По его проектам построены в Ташкенте храм преп. Сергия Радонежского (1893–1897; не сохранился), храм св. великого князя Александра Невского на Боткинском кладбище (1903–1904); перестроен в восточном стиле особняк А.А. Половцова (ныне Музей прикладного искусства Узбекистана). (Прим. ВС.)

ступили к заготовке стройматериалов. Почти все материалы, за исключением камня, были привезены во вьюках и волоком из Ферганской долины – колесная дорога из Оша в Хорог еще не была разработана.

Строительство церкви в Хороге на высоте 2600 метров над уровнем моря продолжалось свыше пяти лет и было завершено к середине 1916 года. Возводили стены храма солдаты-пограничники и местные жители, таджики-шугнанцы.

Освящение храма состоялось 24 июня 1916 года (по старому стилю). Оно было приурочено к 25-летию создания Памирского отряда. Из Ташкента в Хорог прибыл священник Петр Любский*.

Так стал служить на благо воинам-пограничникам первый и единственный православный храм на Памире, один из самых высокогорных христианских храмов в мире.

(В 1918 году начальник Памирского отряда полковник Валериан Фенин, участник антисоветского заговора, организовал переход отряда через Гиндукуш в Индию.)

В годы советской власти храм был закрыт, обезглавлен, помещения его использовали как конюшню и сеновал. Здание церкви на территории Хорогского ПОГО пограничных войск Таджикистана сохранилось благодаря своей основательной и крепкой конструкции и использовалось в качестве офицерской гостиницы. Однако после ухода российских пограничников оно пустует и постепенно разрушается.

Новый этап в истории духовного окормления православных воинов в Таджикистане наступил в начале 1990-х. В условиях гражданской войны в Таджикистане в 1993–1994 годах был возведен православный храм в одном из гарнизонов Гатчинской 201-й мотострелковой дивизии (МСД) Вооруженных Сил РФ в Душанбе. Инициатором строительства храма был командир танкового полка 201-й МСД полковник Григорий Дёмин. На средства этой воинской части была возведена пристройка к зданию полкового клуба, а позже – колокольня. Из-за нерешенности кадровых вопросов в отношении штата полковых священников первый священник, протоиерей Алексей Буланушкин**, был поставлен на довольствие в танковом полку на сержантскую должность.

19 ноября 1994 года церковь во имя Георгия Победоносца была освящена прибывшим для этого в Душанбе архиепископом Ташкентским и Среднеазиатским Владимиром (Икимом). Архиепископ освятил и полковые знамена 201-й МСД¹.

Церковь Георгия Победоносца стала первым войсковым храмом в российской армии после 1917 года. Помимо постоянных богослужений и исполнения треб для военных и гражданских служащих 201-й МСД, отец Алексей часто выезжал в расположение Пянджского, Московского и Калаихумбского пограничных отрядов. Священник храма Георгия Победоносца был обязательным участником всех военных учений российских войск в Таджикистане, в том числе и в рамках Договора коллективной безопасности и Шанхайской организации сотрудничества.

* *Петр Любский* (1873 – после 1916) окончил 2 класса Тверской семинарии, с 1903 г. служил в Туркестанской епархии. В 1903 г. рукоположен во диакона, служил в ташкентском Спасо-Преображенском соборе; в 1914 г. рукоположен во иерея. (Прим. В.С.)

** *Алексей Буланушкин* (1951–2006) окончил Московскую духовную семинарию; в 1979 г. был рукоположен во диакона, в 1980-м – во иерея; служил в приходах Таджикистана, Туркменистана и Киргизстана. (Прим. В.С.)

В период 1994–1997 годов о. Алексей освящал колонны автотранспорта и боевой техники с грузами гуманитарной помощи, а также благословлял военнослужащих 201-й МСД, отправлявшихся в составе этих конвоев для поддержки голодающего населения Горно-Бадахшанской автономной области республики.

В Таджикистане находились военнослужащие погранвойск России; на их долю пришлось основные боевые потери, как в боестолкновениях на границе, так и в результате террористических актов в Душанбе. В июле 1993 года командование ГПВ РФ в Республике Таджикистан через общину казаков «Амударьинская линия» обратилось в Свято-Никольский храм г. Душанбе с просьбой провести отпевание воинов, погибших при нападении боевиков на 12-ю погранзаставу Московского ПОГО. Из-за спонтанности этого решения отпевание первых двенадцати погибших солдат-пограничников было проведено протоиереем Стефаном Бочаровым прямо на аэродроме, внутри ИЛ-76, куда были погружены гробы с погибшими воинами.

Вскоре, по инициативе начальника Центра подготовки сержантского состава Группы российских погранвойск в Душанбе полковника Николая Берсенёва, на территории Центра была построена часовня, а в 1996 году в гарнизоне Пянджского ПОГО (пос. Пяндж) была обустроена молельная комната для православных военнослужащих. Здесь же, через стену, в тех же целях, была устроена мечеть для пограничников-мусульман.

Отец Алексей Буланушкин с 1993 года одновременно являлся войсковым священником казачьей общины «Амударьинская линия», организованной в Таджикистане в июне 1991 года. Эту небольшую по численности организацию составляли как выходцы из различных казачьих войск России, в разные периоды истории оказавшиеся на территории Таджикистана, и их потомки, так и российские солдаты и офицеры, временно проходившие службу в этом среднеазиатском государстве. Первым войсковым священником (и одним из основателей Общины) был протоиерей Владимир Лизунов, который героически проявил себя в период гражданской войны, защищая своих прихожан в Курган-Тюбе в сентябре 1992 года².

«Амударьинская линия» выпускала газету «Восточный форпост», а также регулярное приложение дивизионной газеты «Солдат России» «За други своя» (издавалось с 1993 по 1998 гг.). Его готовили молодые члены общины Сергей Стаценко (ныне – настоятель ташкентского Александро-Невского храма), Олег Чекунов и другие. Всего было издано двадцать пять выпусков приложения.

В период гражданской войны в Таджикистане, из-за транспортной блокады и трудностей издания, «Солдат России» был одной из немногих русскоязычных газет, которую активно читало и гражданское население страны. Для этого, по договоренности руководства Общины с командованием 201-й МСД, тираж газеты был увеличен.

После окончания гражданской войны в Таджикистане в российских войсках, расквартированных в стране, начались преобразования. В 2004 году из Таджикистана были выведена большая часть российских пограничников, а 201-я МСД была преобразована в военную базу. В результате здание полкового храма Георгия Победоносца в 3-м городке 201-й МСД было снесено, а на территории базы в ноябре 2007 года был построен новый храм – Иверской иконы Божьей Матери. Храм

строился на добровольные пожертвования всего личного состава военной базы. В строительстве также активное участие принимали представительство «РусАл» в Таджикистане, коллектив ЗАО «Контех и К⁰» (Челябинск), командование 6-й отдельной дивизии особого назначения и ряд других организаций³.

Храм 201-й военной базы взял на себя функции полкового храма для военнослужащих Министерства обороны Российской Федерации, проходящих службу на территории Республики Таджикистан.

В мае 2009 года при храме была открыта православная библиотека, появился профессиональный хор из четырех человек, трое из которых были военнослужащими 201-й базы. Регентом хора стала заслуженный преподаватель одной из музыкальной школ Душанбе Алёна Пикулива⁴.

В июне 2011 года началось строительство колокольни Иверского храма. А 10 ноября того же года на территорию 201-й военной базы были привезены семь отлитых воронежскими мастерами колоколов весом 280 кг и один весом 24 кг – для Кулябского гарнизона⁵.

В декабре, в день памяти святого Апостола Андрея Первозванного, колокола Иверского храма были освящены митрополитом Ташкентским и Узбекистанским Викентием и епископом Бишкекским и Киргизстанским Феодосием. На освящении присутствовали посол России в Таджикистане Юрий Попов, командование 201-й военной базы, военнослужащие, а также гражданский персонал военной базы.

Иверский полковой храм продолжает окормлять воинов 201-й базы, не оставляя их своим попечением даже во время многочисленных войсковых учений (временный храм для богослужений развертывается прямо в лагере базирования), что является продолжением традиций русского военного духовенства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Дубовицкая И. Освящение знамен // Солдат России, 1994, 22 ноября.

² За проявленное мужество в защите прихожан протоирей Владимир Лизунов был награжден в 1993 г. казачьим орденом «За Веру, Волю и Отечество».

³ Там же. С. 2.

⁴ Там же, С. 3.

⁵ Там же.

Роман ДОРОФЕЕВ

«Люди знают из них только тысячу имен...»

Взгляды памирских исмаилитов конца XIX – начала XX веков на сотворение мира

Региональный вариант низаритского исмаилизма*, распространенный среди народов Западного Памира, пока не исследован в достаточной степени. Не опубликованы многие базовые тексты¹, не прояснены важные даты истории низаритства в регионе; малоизвестны или совсем не известны биографии многих выдающихся памирских исмаилитов.

Изучение доступного материала² показывает, что памирский исмаилизм является самобытной религиозной традицией, включающей в себя не только яркий фольклор и уникальные ритуалы, но и достаточно оригинальные философские идеи.

Несмотря на удаленность Бадахшана конца XIX – начала XX веков от культурных центров мусульманского мира и экономическую неразвитость региона, здесь возникла собственная прослойка интеллектуалов. В нее, по всей видимости, входили религиозные лидеры (*пир*ы и *халифа****) и те из рядовых верующих, которые владели грамотой и могли переписывать для себя сочинения философского, мистического или поэтического характера. Из-за недоступности для памирцев исна'ашаритского*** или суннитского духовного образования большинство из этих людей обучались в собственных семьях и черпали знания почти исключительно из местной рукописной литературы³. Однако многие из бадахшанских интеллектуалов владели несколькими языками помимо памирских⁴ и оценивались представителями российской администрации как умные и начитанные люди⁵.

При общении с прибывшими в 1912 году в Ташкент шугнанскими исмаилитами известный востоковед Александр Семенов отмечал большую степень осведомленности даже среди неграмотных членов низаритской общины в вероположениях их религии:

* Низариты – ответвление исмаилитской ветви шиитского ислама.

** Пир – глава общины исмаилитов; халифа – помощник пира.

*** Исна'ашариты (иснаашариты) – преобладающее направление в рамках шиитской ветви ислама, преимущественно распространенное в Иране, Азербайджане, Бахрейне, Ираке и Ливане.

...Лично мне казалось удивительным в шугнанцах крайне единодушное, хотя и в общих чертах, понимание философских тезисов исповедуемой ими религии; странно было слышать от этих простых, безграмотных и оборванных людей, казалось бы, столь далеко стоящих от всякой отвлеченной мысли, идеи возвышенные и скорее предназначенные для более возвышенных умов. Очевидно, *халифá* (помощники пиров), на обязанности которых в Шугнани лежит обучение народа догматам веры (*талкйн*), слишком хорошо выполняют свою роль и слишком часто ведут беседы с народом на религиозные темы⁶.

Точное время зарождения интеллектуальной прослойки в Бадахшане трудноопределимо, но известны имена (или *тахаллусы* – псевдонимы) творивших в XVIII–XX веках местных поэтов, получивших систематическое образование. Это Шах Зийайи Шугнани, Назми, Ханджари, Мухибби, Саййид Джафар (или Джафари), Мирза Ибад Шидзи и Шах Абдуллах⁷. Особое место среди них занимает Мубарак Вахани (ум. в 1905 г.) – поэт, художник, музыкант и астроном, оставивший после себя обширное литературное наследие⁸.

Из разных источников можно почерпнуть более-менее подробную информацию и о бадахшанских интеллектуалах, живших в конце XIX – начале XX веков. Среди них следует назвать хуфского пира Шо Хусейна, который «слыл человеком очень начитанным и благодаря этому пользовался большим почетом среди верующих»⁹; Шо-Задэ Мамада, прекрасного каллиграфа и знатока исмаилитской догматики (ум. в 1932 г.)¹⁰, приходившегося родным братом знаменитому пиру Юсуфу Али-шо^{*}; двух авторов исторического сочинения «История Бадахшана» – Курбон Мухаммад-зода (охун Сулаймон) и Мухаббат Шох-зода (*саййид* Футур-шо) (ум. в 1959 г.)¹¹, причем саййид Футур-шо, помимо прочего, был известен как самобытный поэт и отличный каллиграф¹²; а также Хайдар-шо Муборакшо-задэ (Хайдаршо Муборакшоева), о личности и теологических воззрениях которого подробнее будет сказано ниже.

Этими именами отнюдь не исчерпывается список бадахшанских интеллектуалов прошлого (хотя даже наиболее выдающиеся из них практически неизвестны за пределами Таджикистана). Неудивительно, что многие из них занимались осмыслением низаритского теологического наследия и созданием собственных оригинальных философских построений. Теоретической основой для этого были как передававшиеся устно сведения об исмаилитской религии, так и теолого-философские трактаты, широко циркулировавшие на территории Бадахшана. Первый источник – устная передача вероучения – давал представление о распространенной в пределах Бадахшана редакции исмаилизма и был, так сказать, общей версией господствующего на Западном Памире низаритского *мазхаба*. Второй –

^{*} Юсуф Али-шо Фаррухшоев (ум. 1932) – исмаилитский пир, один из выдающихся религиозных деятелей Памира конца XIX – начала XX вв. Постоянно проживал в кишлаке Поршнив (Шугнан). Сын пира Фаррух-шо, на должность утверждён имамом Ага Ханом III. Во времена правления на Памире Бухарского эмирата был награждён титулом «урак» (князь); из-за происков политических противников вынужден был перебраться на афганскую территорию, затем вернулся обратно в Шугнан. Активный сторонник передачи Памира Российской империи. В 1917 г. поддерживал назначенного Туркестанским комитетом Временного правительства районного комиссара И.И. Зарубина в борьбе с претендовавшим на эту должность большевиком Т.Н. Беловым. Примерно в 1918 г. пытался объявить Шугнан отдельным ханством. В 1921–1922 гг. участвовал в так называемом «заговоре пиров»; был приговорен к высшей мере наказания, но помилован. В декабре (по другим данным – осенью) 1932 г. был арестован, принял яд и скончался в кишлаке Нишусп.

трактаты – был более разнообразным и включал в себя не только собственно исмаилитские сочинения, но и трактаты суфийской направленности¹³. Приобщение к живой традиции могло заложить *общий* фундамент мировоззрения бадахшанских интеллектуалов, а самостоятельное изучение богословских сочинений – предоставить им материал и инструментарий для *индивидуального* переосмысления низаритской теологической традиции.

Хотя трудно даже частично реконструировать эволюцию богословских воззрений памирских интеллектуалов, доступные публикации и документы позволяют составить общее представление о том, как именно преломлялся в их сознании, а также в сознании основной массы памирцев-низари общеисмаилитский подход к основным богословским темам – *тахухиду* (учению о единобожии) и космогонии (учению о сотворении мира).

При этом следует предупредить, что данные, имеющиеся в нашем распоряжении, касаются воззрений, бытовавших только среди жителей Шугнана, и ограничиваются периодом первых десятилетий XX века.

Из известных источников в первую очередь следует указать на давно уже ставшую классической статью Александра Семенова «Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов» (1912). В ней ученый, тогда еще находившийся на службе в колониальной администрации, дает описание многих аспектов шугнанского «прочтения» низаритского вероучения. Пишет он, в том числе, и о представлении шугнанцев о Боге и сотворении мира. Материалом для статьи стали беседы Семенова с двадцатью четырьмя уроженцами Шугнана, добравшимися весной 1912 года до Ташкента; он общался с ними по долгу службы, а затем – руководствуясь научными интересами. Несколько месяцев общения с ними открыли ученому доступ к доселе закрытому для посторонних миру памирского исмаилизма¹⁴. Как указывает он сам, основными респондентами для него послужили два шугнанца¹⁵: один из них не владел грамотой, но был человеком пожилым и умудренным жизненным опытом¹⁶; второй, несмотря на молодость, относился к числу шугнанских интеллектуалов и имел хорошее домашнее образование¹⁷. Таким образом, несмотря на ограниченное число информантов, Семенову удалось собрать уникальный нарративный материал, отражающий исмаилитские представления как рядовых верующих, так и представителей местной интеллектуальной прослойки.

Попробуем изложить информацию, опубликованную Семеновым, снабдив ее необходимым сравнительным анализом.

Открывая раздел статьи, непосредственно посвященный теологии шугнанцев-исмаилитов, ученый пишет следующее:

По учению исмаилитов, во главе всего мира стоит Бог (*Хузōй*¹⁸), Существо непостижимое человеческим разумом и потому стоящее выше людского понимания¹⁹.

В этом пункте воззрения шугнанцев не расходятся с установками классической исмаилитской теологии. Далее, однако, Семенов приводит данные, позволяющие предположить, что у них существовало представление о неполном присутствии Бога в материальном мире:

Бог не живет везде и всюду, потому что много есть нечистых мест, недостойных Его пребывания, но Он может быть повсюду, где захочет²⁰.

Таким образом, некая ограниченность Бога в мире не рассматривается как вынужденная и объясняется Его добровольным отказом от присутствия в «нечистых» местах. Это не означает, что Он пребывает только в «святых местах».

...для Него не может быть определенных, угодных Ему мест, где Ему было бы приятно принимать человеческие молитвы. Ввиду сего Бог не нуждается в храмах, почему таковых у исмаилитов нет²¹.

Возможно, таким был ответ памирских исмаилитов на вопрос о причинах отсутствия у них мечетей. В исламе храмом в подлинном смысле этого слова считается только *Масджид ал-Харам* (Кааба), а рядовые мечети, вне зависимости от размеров, – молитвенными зданиями, в которых совершается положенный *джума-намаз*²². Представление о том, что храм – это особое место пребывания Бога, свойственно не исламскому, но православному сознанию (и на богословском, и на обрядовом уровнях)²³. По всей видимости, Семенов, будучи воспитан в православной традиции, мог подсознательно перенести православное представление о храме на мусульманские мечети, что и повлияло на формулировку вопроса к его респондентам.

Отрицательное отношение шугнанских исмаилитов к антропоморфизму Семенов передает следующим образом:

Так как люди никогда не видели Бога, то стремятся Его, Существо сверхразумное, очеловечить, ввиду чего и в разговоре, и в книгах говорят: рука Бога, ладонь Его и т.п. Все эти выражения, как учат пиры, надо понимать в смысле духовном или воображаемом. Так как Бог есть Всеобщий Разум (*акл-и-кулль*), а человек есть атом (*зарра*) этого Всеобщего Разума, то он стремится придать человеческую природу Началу всех вещей, Богу. Если бы частица Всеобщего Разума пребывала, например, в корове (*жоу*), то по ее представлению Бог несомненно имел бы образ коровы²⁴.

Подобная критика антропоморфизма вполне понятна и находится в контексте исмаилитской традиции. Остается, однако, не вполне ясным, почему здесь отождествляются непостижимый Бог и *Акли кулл* (Мировой разум), который, как будет показано ниже, сам был его творением. Ошибка ли самого Семенова или переданное ему мнение одного из шугнанских пиров? На этот вопрос пока еще трудно ответить однозначно.

Взгляд шугнанских низаритов на акт мирозидания и на роль в этом Мирового разума и Мировой души в изложении Семенова выглядит так:

Прежде всего Бог создал две сущности, из которых проистекло все, что мы видим, познаем и ощущаем: самое совершенное начало – Разум (*акль*) и другое менее совершенное начало – Душу (*нафс*). Разум есть основа (*усуль*) всего, а душа есть жизнь (*зэндэгэ*), одушевляющая человека (*чбръэк*), животных (*джондбр*), растения (*вош*) и проч. Совокупность проявлений Разума и Души во всех их взаимоотношениях есть мир (*джихбн, дуньб*). Таким образом, вселенная слагается из всеобщего мирового Разума и всеобщей мировой Души²⁵.

Обрисованная картина мало соответствует космогонии философов фатимидской эпохи. Мировые разум и душа в шугнанском варианте исмаилитской космогонии не столько иницируют процесс мирозидания, сколько, сочетаясь между собой, составляют основу и жизнь мира. Скорее всего, в изложенном Семеновым фрагменте общей картины вероучения шугнанских исмаилитов мы имеем дело с оригинальной трактовкой низаритского наследия, возможно, принадлежащей одному из местных пиров или восходящей к неизвестному ныне шугнанскому философу XIX века. Но, в любом случае, в сообщениях респондентов Семенова нашли отражение те богословские теории, которые имели хождение в Шугнана и были здесь если не доминирующими, то, по крайней мере, не идущими вразрез с общепринятыми религиозными воззрениями.

Другим свидетельством является текст из составленного агентом ОГПУ/НКВД и ученым-востоковедом Андреем Станишевским (Азизом Ниалло) «Сборника документов по истории Горного Бадахшана»²⁶. В нем содержится переведенная А.П. Востровым на русский язык речь ученого исмаилита, шугнанца по происхождению, *сайида* Хайдар-шо Муборакшо-задэ²⁷. Муборакшо-задэ был человеком образованным, полиглотом, автором опубликованной Семеновым «Истории Шугнана»²⁸. Эта речь была произнесена им в Хороге, в 1929 году, во время диспута с пешаварским муллой Мухаммад Салихом, и содержит в себе сжатый очерк исмаилитского вероучения в его памирской редакции. Этот документ позволяет нам заглянуть в философский мир исмаилита-интеллектуала и проследить, насколько преломились в нем основные философские установки исмаилитской теологии.

Речь *сайида* Хайдар-шо Муборакшо-задэ начинается с эзотерического истолкования первой части *шахады*:

Мусульмане каждый день повторяют слова тафхида²⁹ /формула единства и почитания/: «нет Бога, кроме Бога, и Мухаммед пророк Его». Они сами не понимают того, что говорят. Что такое единство? Разве может быть оно там, где наряду с Богом существует дьявол? Не может быть двух начал у одной вещи. Не может в одном мире существовать добро рядом со злом. Мир един, ибо Божество едино, но Оно так многообразно, что мы определить нашим разумом Его не можем. Мы познаем только отдельные проявления и, осознав их, называем Бога одним из тысячи имен. Те божественные грани, которые были показаны людям, получили тысячу и одно имя. Люди знают из них только тысячу имен, тысяча первое остается сокровенной тайной³⁰.

Как мы видим, *сайид* Хайдар-шо настаивает на *одновременном* единстве и многообразии Божества. При этом он говорит о *познаваемости* отдельных проявлений Бога и отождествляет их с Божественными именами.

Далее *сайид* Хайдар-шо, отталкиваясь от определения некоторых Имен, рассказывает о генезисе Мирового разума и Мировой души:

Среди имен Божьих, известных нам, наиболее почитаемые нашим народом три имени: Бори-и-Сухбано – Великое Чистое; Ишкикуль – Всепоглощающая любовь и Калима-и-Ало – Великое слово. Однажды Творческое Желание /это тоже одно из проявлений [Божества], а, следовательно, и имен Божьих/ соединилось с другой гранью Божества – с Великим Сло-

вом. От их воссоединения был произрожден Акликуль – Мировой Разум. После этого Мировой Разум, стремясь к Божеству и постигнув Великое Слово, породил Нафсикуль – Мировую Душу³¹.

‘Акли кулл у него – это порождение двух Божественных проявлений/имен, а Нафси кулл – плод стремления Мирового разума к постижению Божества.

Неоплатоническая диада ‘акл – нафс у шугнанского интеллектуала получает неожиданную интерпретацию: она уже не обычный для исмаилитской метафизики тандем первотворений, но некое проявление внутренней множественности единого Бога:

Акликуль является божественным первоначалом, предшествующим, а Нафсикуль, будучи сотворен вторым, уже не был единицей, обозначающей собой все сущее, и обозначается числом «два», показателем первоначальной множественности. Став господином первоначальной множественности, Мировая Душа явилась источником всего сущего во вселенной. Родилась на земле жизнь, умножился род человеческий...³²

Изойдя из плеромы*, ‘Акли кулл и Нафси кулл становятся первоначалами универсума, разнообразие которого, возможно, является отражением множественности Божества.

Богословские воззрения *сайида* Хайдар-шо, в изложении Вострова, производят впечатление стройной философской системы. Однако недостаточная исследованность теологической речи не дает возможности точно заключить, транслирует ли *сайид* Хайдар-шо воззрения своих наставников или излагает собственный взгляд на исмаилитские метафизику и историософию. Для точного прояснения этого вопроса необходимо выявление новых документов, которые могли бы прояснить для нас философские представления *сайида* Хайдар-шо Муборакшоева и дать более подробное представление о тех теологических теориях, которые, возможно, имели место в среде шугнанских интеллектуалов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из опубликованного можно назвать следующие издания: Семенов А.А. Насыри-Хосров о мире духовном и материальном // Сборник Туркестанского Восточного Института в честь профессора А.Э. Шмидта. – Ташкент: Типография № 2 Туркгосиздата, 1923. С. 124–133; *Он же*. К догматике памирского исмаилизма. (XI глава «Лица Веры» Насыр-и-Хосрова). – Ташкент: Востказгосиздат, 1926. *Он же*. Взгляд на Коран в восточном исмаилизме // Иран. Т. I. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 59–72; *Фидаи*. *Китаб би хидайат ал-муминин ат-талибин* («История исмаилизма») / Издал по таджикской рукописи, снабдил предисловием и примечаниями А.А. Семенов. («Памятники литературы народов Востока»). Тексты. Малая серия). – М.: Изд-во восточной литературы, 1959; Пять трактатов на тему

«Афак ва анфус» (о соотношениях между человеком и вселенной. /Критический текст, указатели и введение в изучение памятника А.Е. Бертельса. Под редакцией и с предисловием Б.Г. Гафурова и А.М. Мирзоева. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1970; *Носири Хусрави Кубодиёни*. Ваҷҳи дин / Таҳия ва тадвини Девонакулов А., Амиршоҳи Н. – Душанбе: Амри илм, 2002; *Ишбулдина К.Р., Ишбулдин А.Р.* Правовые основы общины исмаилитов Памира начала XX в. // Кунсткамера. 2019. № 2 (4). С. 80–88.

² См.: Семенов А. Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов // Мир ислама. Т. I. № 4, 1912. Русский перевод речи исмаилита Хайдар-шо Муборак-Шо-задэ. Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). Ф. Р-2464. Оп. 1. Д. 3. Л. 392–397. Опре-

* *Плерома* (др.-греч. – наполнение, полнота) – в греческой философии и в гностицизме обозначение божественной полноты. Мы используем этот термин, поскольку он представляется здесь наиболее адекватным.

деленный нарративный материал по восприятию исмаилитской философии у современных шугнанцев (в основном постоянно проживающих в Душанбе) был получен автором данной статьи во время полевых исследований 2005–2006 гг.

³ См.: *Бертельс А.Е.* Отчет о работе Памирской экспедиции Отдела востоковедения и письменного наследия Академии наук Таджикской ССР // Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР. Вып. 2 (29). – Душанбе, 1962. С. 12–14.

⁴ См.: *Семенов А.* Из области религиозных верований... С. 526–527.

⁵ НА РУз. Ф. Р-2464. Оп. 1. Д. 3. Л. 226, 229. *Семенов А.* Из области религиозных верований... С. 526–527.

⁶ Там же. С. 526.

⁷ См.: *Гафуров Б.Г., Мирзоев А.М.* Предисловие // *Бертельс А., Бакоев М.* Алфавитный каталог рукописей, обнаруженных в Горно-Бадахшанской Автономной области экспедицией 1959–1963 гг. – М.: Наука, 1957. С. 8.

⁸ Там же. С. 9.

⁹ *Абаева Т.Г.* Исследования А.В. Станишевского (Азиза Ниалло) о Памире // Страны и народы Востока. Вып. XVI: Памир. – М.: Наука, 1975. С. 121.

¹⁰ См.: *Бертельс А.Е.* Указ. соч. С. 13. *Абаева Т.Г.* Указ. соч. С. 271–272.

¹¹ *Искандарова Б.И.* Предисловие // *Курбон Мухаммадзода (Охун-Сулаймон), Мухаббат Шох-зода (Сейид-Футур-шо).* История Бадахшана / Издание текста, примечания и указатели А.А. Егани. – М.: Глав. ред. вост. лит-ры, 1973. С. 5–7.

¹² *Бертельс А.Е.* Указ. соч. С. 13.

¹³ См.: *Гафуров Б.Г., Мирзоев А.М.* Указ. соч. С. 8.

¹⁴ См.: *Литвинский Б.А., Акрамов Н.М.* Александр Александрович Семенов (Научно-биографический очерк). – М.: Наука, 1971. С. 61–62.

¹⁵ Хотя, по всей видимости, А.А. Семенов беседовал об исмаилитской религии и с другими их соотечественниками. См.: *Семенов А.* Из области религиозных верований... С. 524–525.

¹⁶ Как пишет А.А. Семенов: «Первый [шугнанец – Р.Д.] – пожилой и неграмотный, помимо своего шугнанского языка, знал еще рошанское наречие [т.е. рушанский язык – Р.Д.] и языки таджикский и узбекский. Подолгу жила в разных местах Бухары и прочих местах, вообще человек бывалый» (*Семенов А.* Из области религиозных верований... С. 526).

¹⁷ Там же. С. 526–527.

¹⁸ Ко времени написания статьи еще даже не ставился вопрос о научном способе транслитерации звуков шугнанской речи, поэтому А.А. Семенов дает собственное написание шугнанского слова «Бог», поясняя, что «третий звук в этом слове звучит почти как английское th в слове they». В наше время это слово принято транслитерировать как *Хубдӣ*, используя для обозначения особого звука шугнанского языка греческую букву «дзета».

¹⁹ *Семенов А.* Из области религиозных верований... С. 534.

²⁰ Там же. С. 534–535.

²¹ Там же. С. 535.

²² См.: *Большаков О.Г.* Масджид // Ислам. Энциклопедический словарь // Ответственный редактор С.М. Прозоров. – М.: Наука, 1991. С. 160; *Кантен Л.* <В соавторстве с *Григорьев К.-И.*>. Понять ислам: Ключевые слова. – М.: Диля, 2008. С. 100.

²³ К примеру, православный богослов конца XIX – начала XX вв. протоиерей Н. Малиновский пишет следующее: «Если Бог вездесущ, то как понимать те места Св. Писания, в которых говорится об особенном Его присутствии, напр., на небесах (Пс. 113, 24), в храме (3 Цар. 9, 3), в человеке (2 Кор. 6, 16), или явлениях Его людям в определенных местах? Ответом на этот вопрос может служить следующее. Бог присутствует во всем мире: нет места, в котором бы Его не было. Если же указываются места особенного присутствия Божия, то это говорится или применительно к нашей ограниченности, или потому, что в некоторых местах бывает особенное проявление присутствия Божия, сообразно с приемлемостью тварей (т.е. сообразно со способом восприятия сотворенных существ – Р.Д.)» (*Малиновский Н., прот.* Очерк православного догматического богословия. Выпуск 1. Сергиев Посад, 1911. – С. 78–79).

²⁴ *Семенов А.* Из области религиозных верований... С. 535.

²⁵ Там же. С. 536.

²⁶ НА РУз. Ф. Р-2464. Оп. 1. Д. 3.

²⁷ Там же. Л. 392–397.

²⁸ История Шугнана / Перевод с персидского и комментарии А. Семенова // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год XXI. (11 октября 1915 г. – 11 декабря 1916 г.). – Ташкент, 1917.

²⁹ Так в тексте.

³⁰ НА РУз. Ф. Р-2464. Оп. 1. Д. 3. Л. 392.

³¹ Там же. Л. 392–293.

³² Там же. Л. 392–293.

Даниил МЕЛЕНТЬЕВ

Гендерная история советского Узбекистана в фотообъективе Макса Пенсона

В 1920-е – 1930-е годы советская власть осуществила в Средней Азии несколько масштабных социальных и культурных проектов. Одним из наиболее важных среди них было раскрепощение женщин. Этот проект ставил целью изменить не только их быт, но и мировоззрение, вывести их из религиозного и семейного «рабства». В его осуществление, помимо членов коммунистической партии и представителей мусульманской и европейской¹ интеллигенции, были вовлечены агитаторы и люди искусства (что подчас совпадало).

Одним из активных участников этого проекта был корреспондент газеты «Правда Востока» Макс Захарович Пенсон (1893–1959).

Фотографии Пенсона не раз были представлены на всесоюзных выставках. Широкая аудитория впервые увидела его работы в 1936 году на персональной выставке при организационном комитете Союза советских художников Узбекистана в Ташкенте. Затем в 1937-м – на I Всесоюзной выставке фотоискусства в Москве; в 1940 году – на выставке в рамках празднования 15-летия образования Узбекистана в Ташкенте; в 1945-м – на персональной выставке в Союзе художников Узбекской ССР и в 1958 году – на Первой республиканской выставке художественной фотографии в Ташкенте. Фотографии Пенсона участвовали и в международных проектах, например, экспонировались на Парижской Всемирной выставке в 1937 году, о чем будет подробнее сказано ниже².

Советской визуальной культуре в Средней Азии – кино, плакатам, живописи как произведениям искусства, а также инструментам агитации – посвящен ряд работ³. О Максе Пенсоне имеется биографическая справка искусствоведа Александра Боровского⁴, в которой Пенсон представлен «летописцем» тоталитаризма. В недавно вышедшем исследовании Хелены Хольцбергер он показан как «летописец» советской индустриализации Узбекистана⁵. Хольцбергер доказывает, что снимки Пенсона нельзя считать обыкновенной пропагандой, не имевшей ничего общего с реальностью. Исследовательница рассматривает творчество фотохудожника как

своеобразный мост, соединявший Центр с периферийным Ташкентом, что делало Узбекистан видимым на ментальной карте «многонациональной советской империи».

Борис Чухович, например, считает внимание к персоне и творчеству Макса Пенсона гиперболизированным. По мнению исследователя, Пенсон был заурядным фотографом и агитатором, а его награда за фотографию «Узбекская Мадонна» (или «Мать») на международной выставке в Париже в 1937 году – мистификация⁶.

В позднесоветское время очерки-воспоминания о Максе Пенсоне оставил его зять Файзулла Ходжаев⁷. Воспоминания – это сложный и изменчивый источник, зависящий от личных отношений и симпатий человека, который описывает прошлое. Главная цель воспоминаний Ходжаева – рассказать о творчестве своего знаменитого тестя, «вшить» его личность в ткань узбекской культурной истории, подчеркнуть признание его со стороны центральных фигур советской творческой элиты.

Совсем недавно скончалась дочь Пенсона Дина Ходжаева-Пенсон; в настоящее время в Ташкенте живут его внуки Мирон и Максим, которые занимаются популяризацией наследия мастера⁸.

В последние два десятилетия издано несколько альбомов/каталогов московских искусствоведов, в которых представлены фотографии, а также новые аспекты биографии Макса Пенсона⁹. Современные биографы благосклонны к творчеству выдающегося фотографа. В посвященных ему исследованиях нет разоблачений или демонстрации безукоризненной преданности партии, но подчеркивается любовь Пенсона к Узбекистану, его народу, истории и культуре. Альбомы ограничиваются искусствоведческой оценкой творчества фотохудожника, без социального анализа. Авторы этих изданий рассматривают его вклад в развитие визуальной культуры Узбекистана, однако при этом отсутствует исторический контекст, с которым было неразрывно связано творчество фотографа.

Архив Пенсона насчитывал несколько десятков тысяч снимков¹⁰. Часть сам Макс Захарович сжег во время «большого террора» 1937–1938 годов, поскольку на фотографиях были запечатлены репрессированные представители узбекской элиты. В 1939 году и сам Пенсон по ложному доносу был арестован ташкентским ОГПУ–НКВД, но сразу же освобожден за отсутствием доказательств¹¹. После его смерти родственники передали тысячи фотографий в государственный архив Узбекской ССР. Но руководство архива посчитало, что это собрание фотографий не представляет исторической ценности, поэтому снимки были выброшены¹². Землетрясение 1966 года разрушило дом Пенсона; под обломками оказались погребены его личные вещи и фотографии. В настоящее время фотоархив Пенсона распылен по миру: что-то хранится у родственников, что-то в европейских музеях современного искусства. Дополнительную сложность представляет то, что фотографии мастера сложно идентифицировать, например, установить название, год или место съемки: Макс Захарович редко подписывал свои снимки. Оригинальные названия имеют лишь наиболее известные фотографии; некоторым давал названия Ф. Ходжаев.

Задачей нашего очерка является анализ гендерной политики в Узбекской ССР

в первые два советских десятилетия на материале фотографий Макса Пенсона. Хотя нельзя сказать, что все наследие фотографа было инструментом советской пропаганды, оно безусловно отражало определенные идеологические установки и служило политическим целям. Одной из таких целей было конструирование образа «новой женщины советского Востока».

Фотограф в водовороте событий

Макс Захарович Пенсон родился в бедной еврейской семье в небольшом городке Велиж в Витебской области (ныне Смоленская область России). В 1914 году в Вильно (ныне Вильнюс) он окончил художественную школу Сергея Южанина (1862–1933)¹³. Отъезд Пенсона в Туркестан был связан с Первой мировой войной и немецкой оккупацией западных губерний Российской империи. После Октябрьской революции Макс Захарович принял решение остаться в столице Туркестанской республики, но в 1921 году был вынужден перебраться в Коканд, поскольку в Ташкенте не смог найти работу. В Коканде его приняли в местное отделение Народного комиссариата просвещения и предоставили возможность открыть художественную студию. В ней Пенсон обучал детей рисованию, черчению и переплетному делу¹⁴.

Тем временем в Ташкенте при ЦК Коммунистической партии Туркестана появился в 1920 году Центральный отдел по работе среди женщин (женотдел). Его появление ознаменовало начало осуществления гендерной политики большевиков в Туркестане. Целью женотделов была реализация программы раскрепощения женщин: обеспечение взаимодействия женщин-мусульманок с партией через делегатские собрания, привлечение их к общественному труду в артелях и кооперативах, просвещение в школах ликвидации неграмотности, ликвидация «бытовых пережитков»: калыма, многоженства, ранних браков¹⁵.

Однако до 1923 года местные женотделы фактически не работали, поскольку большевики были вынуждены идти на уступки вооруженной оппозиции (*басмачам*), требовавшей остановить «раскрепощение»¹⁶.

Выступая в 1924 году на I Краевом совещании женотделов, председатель Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) Исаак Зеленский заявил, что подлинно советскими среднеазиатские республики станут, только когда произойдет раскрепощение мусульманок¹⁷.

В 1926 году советская власть достаточно укоренилась в Узбекистане. Открылся «идеологический фронт», который предполагал чистку рядов коммунистов и интеллигенции¹⁸. На III Краевом совещании женотделов Зеленский призвал ускорить темпы раскрепощения. На этом же совещании заслушали доклад уполномоченного ЦИК ВКП(б) Дмитрия Манжары, который также считал нужным покончить с «антипартийными поступками», связанными с бытовыми пережитками: многоженством, калымом, ношением чадры¹⁹.

Так была заложена идеологическая основа Худжума (узб. «наступление») – кампании по борьбе с отсталым бытом и религиозными традициями коренного населения.

Прямых доказательств сотрудничества Макса Пенсона с женотделами нет. Но можно предположить, что он участвовал в выполнении их заказов в области фотопропаганды, как многие местные и российские художники (карикатуристы Дмитрий Моор и Виктор Дени, фотограф Александр Родченко и др.), которые создавали в 1920-е годы агитационные плакаты о раскрепощении мусульманок советского Востока²⁰.

В 1926 году Пенсон устроился фотокорреспондентом в газету «Правда Востока».

При этом он тогда совершенно не умел фотографировать. Новому ремеслу он учится в кокандском фотоателье Я.М. Клемперта. Сам Клемперт был далек от искусства и экспериментирования и, по воспоминаниям, любил снимать «покойников, группы и головки для альбомов»²¹, на которые существовал устойчивый спрос.

Поначалу Пенсон пользовался фотоаппаратом, который выглядел как громоздкий ящик, а при производстве снимка нужно было накрывать себя черным сатином²². Делать спонтанные репортерские снимки с помощью такой техники было невозможно. Позднее у него появились компактные «Фотоколор», «ФЭД», а в 1930-е – «Лейка». Последний аппарат позволял «щелкать затвором» оперативно, а кассета была рассчитана на 36 кадров, кроме того, на смену стеклянным пластинкам пришла целлулоидная пленка²³. Пенсон много фотографировал – по долгу службы и для себя. По словам близко знавших его современников, он стремился запечатлеть повседневную жизнь узбекского народа или хотя бы ее особенности. У Пенсона, по словам Файзуллы Ходжаева, было два любимых сюжета – «свободная женщина Востока» и спорт²⁴.

8 марта 1927 года началось «Наступление» (именно так называли кампанию сотрудницы женотделов в русскоязычных документах и прессе) на старый быт и культуру коренного населения Узбекистана. Главной целью раскрепощения мусульманок являлось увеличение электоральной поддержки советской власти²⁵, рывок от религиозного общества к светскому, а также привлечение дополнительных рабочих рук на фабриках и заводах. Кроме того, Худжум был борьбой молодого поколения местных активистов и интеллигенции за власть и влияние (против интеллигенции дореволюционной)²⁶.

Все это вызвало серьезное сопротивление коренного населения. Во время Худжума, активная фаза которого длилась с 8 марта по 1 мая 1927 года, «Правда Востока» публиковала материалы в стиле военных сводок. Газета пестрила такими фразами: «Лобовая атака в день 8 марта закончилась успехом», «Ташкентский боевой участок», «Наступление идет по всему фронту», «Противник обороняется упорно», «Убито 16 женщин, снявших паранджу» и т.д.²⁷. Подобный стиль был выбран не случайно: военная риторика использовалась в отношении «раскрепощения» и советской партийной элитой. На ташкентском митинге 8 марта 1927 года руководительница восточной группы женотдела ЦК ВКП(б) Серафима Любимова назвала Худжум «объявлением войны врагам советской власти»²⁸.

Главный редактор «Правды Востока» рассказал Пенсону о деле Алайды Ишмуратовой, на которую, после того, как она сбросила паранджу, бросился с ножом муж²⁹. Эта история, которую планировали опубликовать в газете, потрясла Пенсо-

на. Для репортажа были необходимы фотографии, и фотокорреспондента отправили в Самарканд. По воспоминаниям Ходжаева, Макс Захарович, очень нежно относившийся к своей супруге, не понимал, как можно истязать женщину. Слыша о деле Ишмуратовой, групповых изнасилованиях, убийствах мусульманок, снявших паранджу, или сотрудниц женотделов, а также о социально-психологическом терроре – распускании грязных слухов, клеймении женщин как проституток, прилюдных оскорблениях, – он постоянно повторял: «Откуда такая ненависть? За что?»³⁰.

В 1927 году было совершено более двухсот убийств из-за снятия паранджи, а в 1928 и 1929 годах – еще больше. После этого ЦИК Узбекской ССР принял закон, по которому любое нападение на женщину квалифицировалось как террористический акт: за него полагался расстрел³¹. Однако долгое время никакой поддержки и защиты женщинам, сбросившим паранджу, государство не оказывало, хотя соответствующие распоряжения были приняты и разосланы по судам, прокуратурам и пунктам милиции³².

При этом ошибочно было бы полагать, что только сотрудницы женотделов совершали ошибки при проведении «раскрепощения». На местах коммунисты-мусульмане (мужчины), чтобы продемонстрировать свою лояльность советской власти, зачастую игнорировали женотделы и проводили «раскрепощение» самыми жесткими методами.

Следствием непрекращающегося ответного насилия стало «Отступление». Многие мусульманки вновь надели паранджу (даже те, кто ранее ее не носил), чтобы обезопасить себя³³. Сотрудницы среднеазиатских женотделов осенью 1927 года писали в «Правде Востока», что успехи Худжума были преувеличенными³⁴. Худжум оказался провальной кампанией, которая имела скромные успехи и сопровождалась многими жертвами³⁵. В ноябре 1927 года на V среднеазиатском краевом совещании провал признал Исаак Зеленский³⁶, а также заведующий Отделом по работе среди женщин ЦК РКП(б) Александра Артюхина, чья речь была опубликована в «Правде Востока»³⁷. Кроме того, специальное расследование московского Отдела по работе среди женщин, которое было проведено в 1928 году и опубликовано в журнале «Коммунистка», установило, что Худжум способствовал прекращению всякого раскрепощения в Средней Азии³⁸. Худжум поддерживал узкий слой коренной интеллигенции и коммунистов-мусульман, большинство же молчаливо или явно сопротивлялось раскрепощению женщин, о чем сообщали секретные сводки Восточного отдела ПП ОГПУ³⁹.

Осмысляя «закрепощение»

Будучи привлечен к кампании по «раскрепощению», Пенсон уделял много времени сбору информации, чтобы лучше понимать, какую композицию нужно создать⁴⁰. Фиксировал свои наблюдения в записной книжке, собирал услышанные на базарах и в чайханах образчики фольклора, свидетельствующие о приниженном социальном статусе женщины. Например, поговорки вроде: «Собака – верность, женщина – ложь и обман»; «Роди лучше камень, чем девочку. Камень сгодится при постройке дома, а девочка на что?»⁴¹.

Фотографируя среднеазиатских женщин, Пенсон не стремился сделать красивый кадр, передать игру света и тени и другие псевдоживописные детали: он считал это, на фоне трагедий Худжума, проявлением безвкусицы и безнравственным поступком⁴². Он хотел показать страдания и борьбу за уважение, ту «тяжелую правду», которая ему представлялась смыслом визуального искусства XX века⁴³.

Вместе с тем, Пенсон пытался избегать ориентализации Узбекистана. По словам Ходжаева, мастер хотел продемонстрировать колорит республики, но на снимках старался не допускать ошибок других фотографов, увлекавшихся восточными костюмами и экзотическими деталями⁴⁴. В 1920-е – 1930-е годы Узбекскую ССР посетили многие выдающиеся фотографы: Георгий Липскеров, Александр Хлебников, Борис Кудояров, Дмитрий Дебабов... Однако, по замечанию Александра Боровского, они не смогли показать ничего оригинального, поскольку были «запрограммированы» на иллюстрацию жанровой типологичности: рапорт о достижениях, лирический репортаж, народный праздник, визуализация местной экзотики⁴⁵.

Фотографии Пенсона встречают зрителя легкой иронией, восхищают образом живого человека, а не схемой. Главное, чем захватывают внимание и запоминаются фотографии, – это искренность и эмоциональность, отсутствие фальши⁴⁶. Пенсон делал фотографии в пикториальной манере*, эстетика которой ориентировалась на прошлое и не обязательно совпадала с официальным советским каноном изображений светлого будущего⁴⁷. Кроме того, Пенсон виртуозно использовал эстетику конструктивизма, влияние которой ощущается в создании диагональных композиций, ракурсной съемке, крупных и неожиданных планах⁴⁸. Некоторые оригинальные находки Пенсона мы можем увидеть на фотографиях среднеазиатских женщин, считавшихся закрепощенными. Это закрепощение проявлялось через фиксацию стереотипов, понятных советизированному обывателю, в сознании которого существовала связь между паранджой и исламом.

Одна группа фотографий изображает повседневную жизнь городских мусульманок 1920-х годов. В наследство от колониального периода советской власти осталось разделение городов региона на «старую», мусульманскую часть, и «новую», европейскую. «Старый» и «новый» города отличались по планировке улиц, архитектурному стилю, наличию коммуникаций и объектов светской инфраструктуры; например, в «старой» части не было театров, музеев, магазинов⁴⁹. Вплоть до 1917 года в Средней Азии фотографии мусульманок были постановочными. Это заметно по неестественным позам и надуманным сюжетам; кроме того, позировать соглашались только представительницы интеллигенции и бухарские еврейки (а также женщины легкого поведения)⁵⁰. Зафиксировать естественную повседневную жизнь, таким образом, было невозможно. Относительно фотографий Пенсона, выполненных в 1920-е годы, также возникают вопросы: не боялись ли мусульманки фотоаппарата и незнакомого европейца, который спрашивал у них разрешения на съемку? Представлялся ли Пенсон своим «моделям» журналистом из местной газеты? Ведь если фотография появится в прессе и люди узнают, кто

* Пикториализм (англ. *pictorialism* от *pictorial* «живописный») – течение в европейской и американской фотографии второй половины XIX – начала XX вв. Подразумевает использование изобразительных и технических приемов, сближающих фотографию с живописью и графикой того времени.

на ней запечатлен, женщины вполне могли пополнить список жертв домашнего и социального насилия.

По названию одной из фотографий («В ликбез») понятно, что мусульманки идут в школу, однако это никак не отражено в экспозиции. Снимок образно отражает путь к знанию и модернизации, к которым по улицам «старого» Ташкента или Коканда, пока еще под паранджой, идут мусульманки. Одновременно это дорога к просвещению и раскрепощению.

На другой фотографии («Следуют за мужем») мужчина-многоженец идет впереди, а за ним семят три жены. Этим снимком порицается полигиния: он должен был заставить задуматься об отсутствии в ней морально-нравственных норм, присущих моногамным отношениям, и искренних чувств к партнеру. Фотография показывает: брак и семья для среднеазиатских мусульман – это всего лишь экономическая сделка (отдача калыма и махра), о чем неоднократно писали сотрудницы женотделов. Большинство мужчин держали своих жен дома и не позволяли им появляться в общественных местах.

Подобные фотографии – комбинация вымысла и действительности. Нам неизвестно, кто скрывался под паранджами: «обычные» мусульманки, актрисы местных театров или сотрудницы женотделов. Пенсон хотел показать, насколько местная женщина физически и морально скована, она – тень позади мужчины, олицетворявшего власть и регулировавшего ее отношения с внешним миром. Фотографии отражают необходимость превращения мусульманок в полноценных членов общества.

Помимо воспевания грядущего и зримого раскрепощения «женщины Востока», Пенсон любил фотографировать спортсменов. Обе темы удалось совместить в одном кадре – «Первый стадион, первые болельщики» (1920-е годы).

Фотография провокативна. Мы видим мусульманок в паранджах, которые наблюдают за бегом полуобнаженного мужчины-спортсмена. Мусульманкам было запрещено присутствовать на тренировках или спортивных состязаниях. Однако, как мы видим, некоторые нормы приличия стали более либеральными, либо фотограф хотел, чтобы мы так думали. Действие происходит в «старгородской» части Ташкента или Коканда, что можно определить по постройкам на заднем плане. На фотографии в фокусе внимания скорее не спортсмен, а наблюдающие за ним женщины в парандже. За их спиной стоит парень, который смотрит на женщин и в сторону камеры. На них направлен взор и аксакала (старейшины), стоящего чуть поодаль.

Кроме фиксации повседневного быта Пенсон создал серию фотографий, зримо иллюстрирующих стратегию, которая признавалась женотделами единственно верной, – раскрепощение через просвещение⁵¹. В 1920-е годы советские школы не пользовались популярностью среди мусульманок по разным причинам: начиная от недостатка женщин-педагогов, введения совместного обучения мальчиков и девочек (с 1923 года) и заканчивая трудными условиями обучения (неотапливаемые классы, плохие здания, отсутствие учебников)⁵². Советские школы посещали в основном мусульманки из среды местной интеллигенции или жены коммунистов. Представительницы коренного населения, обучавшие-

ся в советских школах, стигматизировались как «испорченные» (об этом пишет в автобиографии сотрудница ташкентского центрального женотдела Муаззама Махзумова⁵³).

На этой серии фотографий мастера мы видим ташкентские женские школы по ликвидации неграмотности. На одном снимке изображены женщины, полностью укрытые паранджами, сидящие спиной к доске. Это постановочное фото: вероятно, Пенсон попросил сделать в классе перестановку, чтобы изменить ракурс съемки. На доске написан математический пример: $35-18=17$; 17, возможно, было отсылкой к году Октябрьской революции, которая, в свою очередь, ассоциировалась с началом раскрепощения женщин.

На другой фотографии за партой сидят пять молодых мусульманок, откинувших паранджу. Это ученицы школы колхоза «Красные шахматы», о чем говорит надпись, сделанная рукой Пенсона на обороте снимка⁵⁴. По мнению Ходжаева, то, что женщины сидят, «чинно сложив перед собой руки», – проявление «молитвенного отношения к невидимой нами учительнице и уроку», и «поэтому, при всей драматической напряженности снимка, героини вызывают доброе, оптимистическое чувство»⁵⁵. На мой взгляд, ничего подобного фотография не передает: девушки сконфужены, и момент, который мы наблюдаем, кажется неловким. Первые три ученицы слева смотрят в объектив несколько враждебно, вторая справа позирует, а крайняя справа отвела глаза.

Фотографии, сделанные Пенсоном в 1920-е годы, демонстрируют, что, несмотря на некоторую секуляризацию, ожидавшегося «перерождения» внешнего облика и сознания женщин не произошло. В первой половине 1930-х на улицах узбекских городов еще можно было встретить немало женщин в паранджах, которые не успели или не захотели адаптироваться к новым культурным тенденциям.

Худжум отгремел. В январе 1930 года перестали существовать женотделы, на их место пришли женские секторы, уже не имевшие собственной повестки и прежнего энтузиазма, полностью подконтрольные партии. В 1934 году и их ликвидировали; годом позже на «советском Востоке» при партийных ячейках ввели должность инструктора по работе среди женщин. Ликвидация женотделов ознаменовала конец плюрализма в гендерной политике СССР.

Однако гендерная тема не ушла из творчества Пенсона. С начала 1930-х годов он все больше увлекается фотографиями спортсменок, показывая спорт и физическую культуру как новый способ раскрепощения.

«...Оденут в интернациональные трусы»

В Туркестане развитие массового спорта и физкультурного движения началось в 1920 году. Тогда в Ташкенте создали Высший совет физической культуры при Главном управлении всеобщего военного обучения (Всевобуч), который координировал работу по охране здоровья молодежи. Спорт и физкультура в СССР были милитаризованы, их развитием занимались военные специалисты из Красной армии. В Туркестане особое внимание уделяли военной и физической подготовке коренных жителей, поскольку Красной армии требовалось нацио-

нальные бригады, батальоны и дивизии. Спортивное и физкультурное движение делилось по этническому и гендерному признаку: существовали европейские и мусульманские секции, движения и общества. Например, в «старом» Ташкенте работало Тюркское гимнастическое общество «Ласточка» и военно-спортивная школа, которая в 1922 году была реорганизована в военно-стрелковую спортивную школу⁵⁶.

В том же 1922 году в Ташкенте состоялась I Туркестанская спартакиада, главным девизом которой было: «Через физкультуру к раскрепощению мусульманки»⁵⁷. В 1928 году прошла II Всеузбекская спартакиада, в которой приняли участие двадцать три узбечки⁵⁸. В том же году узбекистанки прибыли в Москву на I Всесоюзную спартакиаду и показали неплохие результаты, заняв второе место по метанию диска и прыжкам в длину, а в общекомандном зачете республика показала шестой результат. Однако в соревнованиях от Узбекской ССР участвовали только девушки и женщины некоренных национальностей, узбечки лишь продемонстрировали национальные танцы⁵⁹. По итогам I Всесоюзной спартакиады ташкентская газета «Комсомолец Востока» писала: «Двадцать узбечек, бывших на спартакиаде, оденут в интернациональные трусы еще сотни. Паранджа – пыль легенд – пеплом развеется в воздухе»⁶⁰.

В 1930-е годы развитие спорта и физкультурного движения в СССР было приоритетным направлением культурного строительства. В одной из брошюр спорт и физкультура рассматривались как методы «раскрепощения женщины-националки от старых бытовых традиций»⁶¹. Советские спортивные эксперты призывали перевести на среднеазиатские языки русские спортивные термины, поскольку те были «взяты из чуждых местному населению культуры, быта и этнографических условий»⁶².

Предлагалось поддерживать среднеазиатские этнические виды спорта и даже порицать тех, кто навязчиво пропагандировал европейские, например, футбол, как «русских великодержавных шовинистов»⁶³. В Узбекистане следовало формировать смешанные спортивные команды, например, в том же футболе⁶⁴. Таким образом, спорт должен был пропагандировать «дружбу народов», которая помогла бы преодолеть этническую сегрегацию в Узбекистане. Однако узбечки и другие представительницы «восточных» народов не проявляли энтузиазма в отношении занятий спортом и физкультурой⁶⁵.

В 1930-е спорт и физкультуру ждала дальнейшая милитаризация, которая была связана с подготовкой СССР к новой мировой войне. В 1931 году были приняты нормы комплекса «Будь готов к труду и обороне» (БГТО). В него входили физические упражнения, знание санитарного дела и стрельба. В 1936 году при дворцах пионеров были открыты курсы «Ворошиловский стрелок» и «Будь готов к санитарной обороне СССР» (БГСО)⁶⁶. В марте 1933 года в Ташкенте состоялись первые женские соревнования по стрельбе в рамках БГТО. Однако до середины 1930-х в Узбекистане не было тренеров-женщин ни по одному из видов спорта, а также высших спортивных учебных заведений. Только в 1934 году был организован Ташкентский техникум физической культуры. Первые тренеры-женщины прибыли в Ташкент из Москвы и Ленинграда в 1936 году⁶⁷.

На протяжении 1920-х – 1930-х годов в СССР наблюдался широкий интерес к спортивной эстетике. Снимки атлетов в движении, во время тренировок и состязаний являлись доказательством мастерства и хорошего владения фотоаппаратом⁶⁸. Затронуло увлечение спортивной тематикой и Пенсона. Возможно, интерес к изображению человеческого тела был связан с прошлым Макса Захаровича как живописца.

На протяжении столетий спорт и военное дело в Средней Азии считались «мужскими» занятиями. Фотографиями узбечек военизированного облика Пенсон стремился показать, что этот стереотип пора пересмотреть. Его фотоработы утверждают, что женщины могут нести военную службу и стоять на страже советского государства.

Фотографии узбечек с винтовками можно интерпретировать как символ консолидации власти и общества в национальных республиках перед лицом возможной войны. Это было важно: многие еще помнили восстание 1916 года, вызванное призывом туркестанских мусульман на фронты Первой мировой. Этими фотографиями подчеркивалось, что более никакого восстания произойти не может. На фотографиях стоит обратить внимание на наряды узбечек: девушки занимаются стрельбой в разноцветных халатах, тубетейках и с заплетенными косичками. Вероятно, снимки сделаны в Хорезме: на одной из фотографий девушки стоят в форме, на которой написано «Хорезм». Можно предположить, что узбечки участвовали в городских или республиканских соревнованиях в рамках БГТО, о чем говорит символ этой организации с шестеренкой и бегущим внутри красной звезды атлетом. На двух других фотографиях девушки также в национальных узбекских нарядах, но они похожи на каракалпачек, которые проживали в северо-западной части Узбекской ССР. Фотографии должны были показать, что во второй половине 1930-х годов в Узбекистане спортивное и физкультурное движение стало массовым и охватило все народы республики.

Фигуры спортсменок на фотографиях Пенсона напоминают античные изображения атлетов. Однако в античности обнажали лишь мужчин-спортсменов; Пенсон же воспекает женщин-спортсменок. Этот эффект достигается ракурсом съемки, несколько снизу вверх, что придает снимкам ощущение объемности и величественности. Женщины словно находятся на постаменте.

На I Среднеазиатской спартакиаде (1934) за соревнованиями наблюдали с трибун самого крупного на тот момент ташкентского стадиона «Спартак» около 10 тысяч болельщиков⁶⁹. Проведение спортивных состязаний способствовало популяризации здорового образа жизни и пополняло команды Узбекистана представительницами местных национальностей. Спортивные соревнования должны были стимулировать женщин стремиться к успеху, самореализации и самосовершенствованию. Занятия спортом и физкультурой показывали, что женщины так же свободны в выборе рода деятельности, как и мужчины. Фотографии Пенсона, на которых запечатлены спортивные состязания в советском Узбекистане, должны были представить для советской и зарубежной публики раскрепощение женщины как свершившийся факт.

«Узбекская мадонна»

Пенсон восхищался итальянской живописью; особенно его вдохновляли «Мадонна Литта» Леонардо да Винчи, «Сикстинская Мадонна» Рафаэля и «Мадонна Дони» Микеланджело. Возможно, любовь к итальянскому искусству Пенсону привил его учитель Сергей Южанин, какое-то время живший и работавший в Италии. В архиве Пенсона сохранилось множество репродукций полотен итальянских мастеров. Вдохновленный этими картинами, фотограф стремился найти не просто красивую женщину, а идеал женской красоты узбекского народа⁷⁰. Трудно при этом говорить о том, что фотограф думал или преследовал цель продемонстрировать подчиненность коренного населения Узбекистана европейцам, которые находились во главе республики и всей страны, о чем, например, пишут Сергей Абашин и Борис Чухович⁷¹.

Пенсон хотел сфотографировать именно узбечку, которая грудью кормит ребенка, запечатлеть момент «целомудренной откровенности»⁷². Свою «мадонну» Пенсон встретил в 1934 году, но снимок его не удовлетворил, и он не хотел его публиковать. Однако коллега Пенсона из журнала «Огонек» уговорил его прислать фото в редакцию. «Узбекская мадонна» впервые была опубликована в номере «Огонька», посвященном десятилетию образования Узбекской ССР⁷³.

«Узбекская мадонна» действительно произведение искусства, фотография-эпоха и вместе с тем – свидетельство раскрепощения узбекских женщин. На этой фотографии не прочитываются смущение или неуверенность: модель излучает любовь к младенцу, радость от своего материнского предназначения. «Узбекская мадонна», говоря словами Вальтера Беньямина, не утратила свою ауру, она оригинальна и не является «клонированием» известных работ мастеров Ренессанса, что в контексте эпохи технической воспроизводимости искусства говорит о ее высокой художественной ценности⁷⁴. Этот знаменитый снимок стал символом триумфа советской гендерной модернизации.

Существенной частью ее выступила и модернизация узбекского женского национального наряда. Были четко установлены его признаки: разноцветный халат, тубетейка и косы. Если в первые годы советской власти женские халаты ничем не отличались от дореволюционных, то с развитием в Узбекистане текстильной промышленности появились халаты из хан-атласа. Именно такой халат мы видим на «Узбекской мадонне». Правда, из-за дороговизны материала его могла позволить себе не каждая жительница республики⁷⁵. Соответственно, модель на фотографии Пенсона – из зажиточной семьи. По воспоминаниям дочери фотографа, для снимка позировала либо актриса ферганского театра, либо делегатка одного из женских съездов⁷⁶.

«Канон» утверждает, что «Узбекская мадонна» была удостоена золотой медали на Всемирной выставке в Париже в 1937 году.

Борис Чухович, как уже говорилось выше, считает это сообщение мистификацией, созданной родственниками фотографа (по мысли исследователя, видимо, с корыстной целью). В доказательство Чухович указывает на нестыковки в интервью дочери фотографа (например, он получил только грамоту; фотография, как утверждалось, была помещена на обложке советского журнала «Огонек», хотя на

самом деле опубликована на 24 стр.), делая вывод, что Макс Пенсон, скорее всего, участвовал в выставке, но никакой почетной награды не получал. Этот вывод подкреплен изучением документов Парижской выставки в Национальном архиве Франции⁷⁷.

В любом случае, само присутствие этой фотографии на выставке было важно для имиджа советского государства. Она демонстрировала возможности социалистической системы, способной осуществить фундаментальные изменения мировоззрения и быта «феодалных обществ». Фотографии Пенсона формировали образ нерушимой интернациональной «семьи народов» в СССР и представляли Узбекскую ССР как своего рода «витрину социализма» на «советском Востоке».

Снимки «раскрепощенных» женщин предназначались не только для «внутренней аудитории» (жителей Узбекистана), но и для партийных функционеров и вождей, ташкентских и московских. Не случайно в 1930-е годы Пенсон уже не фотографировал мусульманок в паранджах, так как это могло бы свидетельствовать о неудаче проекта по их «раскрепощению».

Подведем итоги. Фотографии Макса Пенсона 1920-х годов – это часть официально проводимой борьбы против паранджи как главного врага «раскрепощения» женщин. Советская власть и ее пропаганда, использовавшая современное искусство, стремились одновременно и сгладить, и сделать видимыми этнокультурные различия. В советском Узбекистане внешний облик женщин и занятия спортом являлись показателем раскрепощения и обретения интернационального сознания. Выступления на республиканских и всесоюзных соревнованиях под взглядами тысяч болельщиков были одним из главных аргументов в пользу успехов «раскрепощения». Фотографии Пенсона 1930-х годов – это вызов все еще архаичному настоящему, которое он хотел изобразить как прошлое. Фотографии девушек-узбечек с оружием – еще одна грань «гендерной революции» на советском Востоке, поскольку они служили доказательством достижения равенства между мужчинами и женщинами. Апогей творчества Пенсона – «Узбекская мадонна», которая стала символом «новой женщины советского Востока», утверждением ее телесной и духовной свободы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под этим термином понимались русские, поляки, евреи и другие немусульманские народы, проживавшие в регионе.

² См.: Рыжков Л. Дина Ходжаева-Пенсон: «Отец так и не получил медаль из Парижа». (<https://uz.sputniknews.ru/20180419/penson-uzbekistan-foto-7994306.html>) (дата последнего посещения 12 июня 2022 г.).

³ Drieu C. Cinema, Local Power and the Central State: Agencies in Early Anti-Religious Propaganda in Uzbekistan // Die Welt des Islams. 2010. № 50. P. 532–558; Drieu C. Fictions nationales: cinéma, empire et nation en Ouzbékistan (1924–1937). – Paris: Karthala, 2013; Плакат Советского Востока, 1918–1940 / Сост. М. Филатова, В. Бобровни-

ков / Отв. ред. С. Архангелов, И. Алексеев / Фото А. Жукова, Г. Анфилов. – М.: Изд. дом Марджани, 2013; Bobrovnikov V. Islamic Discourse of Visual Propaganda in the Interwar Soviet Orient (1918–1940) // Islamology. 2017. Т. 7. № 2. P. 53–73; Arbuthnot M. The People and the Poster: Theorizing the Soviet Viewer, 1920–1931 // Slavic Review. 2019. Vol. 78. Issue. 3. P. 717–737; Мелентьев Д.В. Воображая раскрепощение мусульманок советского Туркестана // Islamology. 2020. Т. 10. № 1. С. 83–104.

⁴ См.: Borovsky A. Max Penson in Uzbekistan // History of Photography. 1998. № 22 (1). P. 80–84.

⁵ См.: Holzberger H. Max Penson: The Rise of a Soviet Photographer from the Margins / Photographing Central Asia.

From the Periphery of the Russian Empire to Global Presence / Ed. by Svetlana Gorshenina, Sergei Abashin, Bruno De Cordier and Tatiana Saburova. – Berlin: De Gruyter, 2022. P. 267–298.

⁶ Чухович Б. «Мать» Макса Пенсона: две стороны медали // Сайт ТВС Bank. 19 июля 2023 г. URL: <https://tbcbank.uz/ru/blog/181/mat-maksa-pensona:-dve-storonny-medali> (дата обращения 25.01.2024).

⁷ См.: Ходжаев Ф. Макс Пенсон. – М.: Планета, 1973; *Он же. Узбекистан открытым сердцем. Повесть о жизни и творчестве Макса Пенсона.* – Ташкент: Изд. литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1989.

⁸ См.: Соколов Б. Дина Пенсон: метресса в хан-атласе // Новый мир искусства. 2007. № 5(58). С. 68–69.

⁹ См.: Макс Пенсон (1893–1959). Фотоархив Дины М. Ходжаевой. – М.: Скорпион, 2006; Макс Пенсон. Советский Узбекистан 1920-х–1930-х. Каталог. – М.: Мультимедийный комплекс актуальных искусств, 2006; Галеев И., Пенсон М. Макс Пенсон. Фотограф узбекского авангарда (1920–1940). – Stuttgart: Arnoldsche Art Publishers, 2011.

¹⁰ См.: Галеев И., Пенсон М. Указ. соч. С. 16.

¹¹ Там же. С. 17.

¹² Там же. С. 30.

¹³ См.: Ходжаев Ф. Узбекистан открытым сердцем... С. 7.

¹⁴ См.: Ходжаев Ф. Макс Пенсон... С. 5.

¹⁵ См.: Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм (1860–1930) / Пер. с англ. И.А. Школьниковой, О.В. Шныровой. – М.: РОССПЭН, 2004. С. 453.

¹⁶ См.: Любимова С.Т. Восток // Коммунистка. 1923. № 11. С. 28–30.

¹⁷ См.: Резолюция по докладу Зеленского о задачах партии в работе среди женщин в Средней Азии // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 62. Оп. 2. Д. 419. Л. 117–118.

¹⁸ См.: Любимова С.Т. Борьба на идеологическом фронте // Коммунистка. 1926. № 9. С. 74–75.

¹⁹ См.: Николаева А. Первые итоги // Коммунистка. 1927. № 8. С. 52–54.

²⁰ См.: Плакат Советского Востока, 1918–1940 / Сост. М. Филатова, В. Бобровников / Отв. ред. С. Архангелов, И. Алексеев / Фото А. Жукова, Г. Анфилов. – М.: Изд. дом Марджани, 2013. С. 3.

²¹ Ходжаев Ф. Узбекистан открытым сердцем... С. 17.

²² См.: Ходжаев Ф. Макс Пенсон... С. 8.

²³ См.: Ходжаев Ф. Узбекистан открытым сердцем... С. 40.

²⁴ См.: Ходжаев Ф. Макс Пенсон... С. 8–10.

²⁵ См.: Massell G. The Surrogate Proletariat. Moslem Women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919–1929. – Princeton: Princeton University Press, 1974. P. 76, 128.

²⁶ См.: Халид А. Создание Узбекистана. Нация, империя и революция в раннесоветский период / Пер. с англ.

К. Тверьянович, А. Рудаковой. – СПб.: Academic Studies Press, 2022. С. 510–521. Эта интерпретация Худжума кажется более убедительной, чем мнение Дугласа Норттропа, считающего, что «наступление» проводилось исключительно руками «русских колонизаторов», желавших исполнить свою «цивилизаторскую миссию» (Northrop D. Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia. – London: Cornell University Press, 2004. P. 7–8, 37).

²⁷ См.: Худжум – значит наступление / Сост. С.А. Дмитриева. – Ташкент: Узбекистан, 1987. С. 32–33.

²⁸ Торжественная речь С.Т. Любимовой 8 марта 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1206. Л. 10–12.

²⁹ См.: Ходжаев Ф. Узбекистан открытым сердцем... С. 24.

³⁰ Там же.

³¹ См.: Бочкарева Е., Любимова С. Светлый путь. Коммунистическая партия Советского Союза – борец за свободу, равноправие и счастье женщин. – М.: Политиздат, 1967. С. 129.

³² См.: Суздальцев А. Туркестан и сопредельные страны (Бухара, Кашгар, Афганистан, Персия и Хива) / Под ред. Ю.Ю. Рустейко, П.М. Войтик. – Самара: Политотд. туркфронта, 1919. С. 90.

³³ См.: От «наступления» к систематической работе. К обследованию работы в Средней Азии // Коммунистка. 1928. № 1. С. 57–63.

³⁴ Пути намечены – основа за работу. На Всеузбекском совещании работников среди женщин // Правда Востока. 11 октября 1927 г. № 233. С. 3.

³⁵ См.: Нухрат А. Октябрь и женщина Востока. – М.: Партиздат, 1932. С. 27.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1196. Л. 39–56.

³⁷ Доклад т. Артюхиной на Среднеазиатском краевом совещании работников среди женщин // Правда Востока. 29 ноября 1927 г. № 272. С. 3.

³⁸ От «наступления» к систематической работе. К обследованию работы в Средней Азии // Коммунистка. 1928. № 1. С. 57–63.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1214. Л. 1–5.

⁴⁰ См.: Ходжаев Ф. Макс Пенсон... С. 12.

⁴¹ Там же. С. 12.

⁴² См.: Ходжаев Ф. Узбекистан открытым сердцем... С. 29.

⁴³ Там же. С. 31.

⁴⁴ Там же. С. 7, 12–13.

⁴⁵ См.: Галеев И., Пенсон М. Указ. соч. С. 12–17.

⁴⁶ Там же. С. 8–9.

⁴⁷ См.: Макс Пенсон. Советский Узбекистан 1920-х – 1930-х. Каталог. – М.: Мультимедийный комплекс актуальных искусств, 2006. С. 3.

⁴⁸ Там же. С. 3.

⁴⁹ См.: Суздальцев А. Указ. соч. С. 36–39.

⁵⁰ См.: Мелентьев Д. Этнография и эротика в Русском Туркестане // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. Т. 38. № 2. С. 308–344.

⁵¹ См.: Любимова С.Т. На пути к раскрепощению. К 5-летию работы женотделов в Средней Азии // Коммунистка. 1924. № 12. С. 36–39.

⁵² См.: Смирнова А. Женское образование в Узбекистане // Коммунистка. 1928. № 8. С. 82–83.

⁵³ См.: Автобиография Муаззамы Махзумовой // РГА-СПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 433. Л. 1.

⁵⁴ См.: Ходжаев Ф. Указ. соч. С. 34.

⁵⁵ Там же. С. 38–39.

⁵⁶ См.: Асатова Г. Проблемы физической культуры и спорта в Узбекистане в межвоенный период (1920–1930 гг.) // Общество и инновации. 2022. № 2. С. 342–355. Там же. С. 342–355.

⁵⁷ См.: Казиева Р. Развитие женского физкультурного движения в Узбекистане. – Ташкент: Узбекистан, 1979. С. 22.

⁵⁸ Там же. С. 31.

⁵⁹ Там же. С. 34.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Ецин Д., Пустовалов А. Национальный вопрос в физкультурном движении. – М.: ОГИЗ, 1932. С. 42.

⁶² Там же. С. 26.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. С. 28.

⁶⁵ См.: Grant S. Physical Culture and Sport in Soviet Society. Propaganda, Acculturation, and Transformation in the 1920s and 1930s. – New York: Routledge, 2013. P. 20.

⁶⁶ См.: Казиева Р. Указ. соч. С. 46.

⁶⁷ См.: Асатова Г. Указ. соч.

⁶⁸ См.: Harte T. Faster, Higher, Stronger, Comrades! Sports, Art, and Ideology in Late Russian and Early Soviet Culture. – Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 2020. P. 181–182.

⁶⁹ См.: Казиева Р. Указ. соч. С. 39–40.

⁷⁰ Там же. С. 40.

⁷¹ Чухович Б. «Мать» Макса Пенсона...

⁷² Казиева Р. Указ. соч. С. 44.

⁷³ Там же. С. 47.

⁷⁴ См.: Гройс Б. Комментарии к искусству. – М.: Художественный журнал, 2003. С. 190–195.

⁷⁵ См.: Зунунова Г. Материальная культура узбеков Ташкента: трансформация традиций (XX – начало XXI века). – Ташкент: Extremum-press, 2013. С. 137.

⁷⁶ См.: Рыжков Л. Указ. соч.

⁷⁷ Там же.

Владимир ТРУХАЧЕВ

«Европейская культура напоминает сильно накрашенную женщину...»

Исмаил Гаспринский о европейской цивилизации

Проблема цивилизаций, их сущности и особенностей интересовала мыслителей разных эпох. Дипломаты, путешественники, купцы, бывая в разных странах, всегда отмечали множество чего-то нового, необычного, не свойственного жизни на их родине. Это, например, нашло отражение в записках и книгах западных дипломатов, побывавших в XV–XVI веках в России. Или другой пример. Захираддин Бабур, оказавшись в Индии, так описал новый для себя мир: «Хиндустан ... это удивительная страна; в сравнении с нашими землями это иной мир, горы, реки, леса, степи, города, области, животные, растения, люди, язык, дожди и ветры – все там не так, как у нас»¹. Но из-за недостатка фактического материала цивилизационные особенности разных стран и народов долго не становились предметом глубокого научного изучения.

Ситуация изменилась к концу XIX века, когда на планете почти не осталось неизведанных земель. Были открыты многие ранее неизвестные народы, языки, культуры. Это послужило толчком к дальнейшему развитию лингвистики, этнографии, востоковедения. Но особый интерес ученых вызвали различные типы цивилизаций, формировались крупные школы по изучению их особенностей, ценностей, значения для тех или иных народов.

Здесь стоит упомянуть английского историка и социолога Арнольда Тойнби, выделившего и изучившего различные типы цивилизаций. Его концепция отличается грандиозностью замысла – охватить всю человеческую историю и описать все появившиеся в ее ходе цивилизации².

Насколько европейская цивилизация, ее ценности приемлемы для других народов, универсальны ли они?

Свой ответ на этот вопрос попытались дать мусульманские мыслители России, Средней Азии, которые стали интересоваться особенностями западной цивилизации. Это было связано с тем, что Восток, органичной частью которого был Турке-

стан, к концу XIX века по уровню своего экономического и политического развития значительно уступал западным странам. Практически весь мусульманский Восток был почти полностью подчинен европейским державам, и даже некогда могучая Османская империя утратила свой суверенитет, оказавшись под контролем Франции, Великобритании и Германии.

Сложившуюся ситуацию ярко и образно описал Абдурауф Фитрат в своих «Рассказах индийского путешественника»:

Туркестан, светлая звезда небес цивилизации, блестящая страница книги человечества, очутился в таком положении, о котором стыдно беседовать не только с друзьями, но и с недругами³.

В этих условиях зарождался джадидизм, как движение за обновление и реформирование общества, за то, что можно назвать исламской модернизацией. В центре этого движения первоначально находилась идея реформирования образования. Однако значительное внимание уделялось и изучению истории, опыта других народов, чему способствовали развивавшиеся торгово-дипломатические отношения с сопредельными странами, например с Россией.

Одним из первых среднеазиатских интеллектуалов, кто описал некоторые стороны ее жизни, был Ахмад Дониш. Он в составе бухарских дипломатических миссий трижды побывал в России. Постепенно расширялся круг людей, посещавших эту страну. В 1900 году была организована экскурсия туркестанской молодежи в Москву и Петербург с целью ознакомления с экономической и культурной жизнью России. Этой поездкой руководил переводчик при военном губернаторе Самаркандской области Шер Али Лапин. Вскоре он поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, окончил его и стал видным общественным деятелем.

Постепенно другим объектом интереса мусульманских общественных деятелей стала Европа. Она по многим, если не по всем цивилизационным параметрам отличалась от России. Европейская культура, отличающаяся от русской и мусульманской, нашла свое отражение в трудах Исмаила Гаспринского.

Историки знают его в основном как основателя нового метода в образовании, выступавшего за реформу мусульманской школы и введение европейского образования. Но в поле зрения историков, изучающих наследие Гаспринского, очень редко попадает важный, актуальный и сегодня аспект: его взгляд на европейскую цивилизацию, изложенный им в романе «Французские письма»⁴. Освещению этого аспекта и посвящен данный очерк.

Гаспринский побывал в Европе, познакомился с жизнью Франции, где встретился с Иваном Тургеневым и некоторое время работал его секретарем. Имел встречи с рядом выдающихся деятелей культуры – Анатолем Франсом, Эдуардом Мане. Повествование во «Французских письмах» ведется от имени Моллы Аббаса Франсови, ташкентца 22 лет, окончившего ташкентское медресе (какое именно, не указано). Он побывал в Москве, Оренбурге, Одессе, других частях России. Но постепенно, как отмечает Молла Аббас,

западные страны все более и более начали меня интересовать... В Европе есть много такого, чего нет в наших краях, надо все это видеть, ибо все видеть и все знать есть достоинство человека⁵.

И далее он с некоторым сожалением признается:

В то время, когда всякий порядочный мусульманин, имея средства, стремится к священной Аравии, мне суждено было попасть в страну френгов (европейцев – *В.Т.*), о коих у нас на Востоке ходят столь интересные слухи и сказания⁶.

Молла Аббас описывает «европейскую Бухару» (т.е. Париж), Вену, Богемию, Галицию, их обычаи, понятия, культуру. Париж – это «чудесный, безупречный, необычный город, в котором воплощены ум, гений, слава французов»⁷. В другом месте Молла Аббас отмечает блеск Вены и мизерные лачужки родного Ташкента. Автор быстро перемещается по городам Европы, так как «железные дороги повсюду, не то что наша Азия»⁸. На первых порах Молла Аббас не скрывает своего восхищения практически всеми сторонами жизни в Европе. Он, например, отмечает высокую грамотность населения. По его мнению, из ста французов не встретить и десяти неграмотных. Подробно описывается система образования, в которой большое внимание уделяется истории, географии, физике, химии, политической экономии. Учащихся знакомят с законами производства, торговли, накопления богатств. И вывод Моллы Аббаса: «Как много нового, как много удивительного я узнал и понял... Я видел теперь, каким неучем был до сего»⁹. И далее он делает откровенное признание:

Будучи в Ташкенте, я считал себя знающим человеком и ученым-муллою – какая иллюзия. Десятилетний французский мальчуган понимал людей и знал вещи лучше, чем я¹⁰.

Здесь можно вспомнить другого виднейшего джадида, Садриддина Айни, считавшего существовавшую в те годы систему традиционного образования в Средней Азии абсолютно застывшей, не соответствовавшей требованиям времени. Некоторых студентов, получавших такое образование, даже называли «говорящими животными»¹¹. Еще более резкую характеристику этого образования дал Абдурауф Фитрат, также яркий представитель движения джадидов¹². Да и сам Гаспринский нелестно характеризовал образование в медресе, в котором главный метод – «долбление и зубрение, зубрение и долбление»¹³.

Молла Аббас познакомился с деятельностью бирж, банкирских контор и был поражен, увидев в одной из таких контор мешочки с золотом: «У нас в хлебной лавке не найдешь столько мешков с хлебом, сколько тут золота»¹⁴. Действительно, в этот период Европа поднималась к пику своего социально-экономического развития. Об этом свидетельствовала знаменитая Лондонская промышленная выставка 1851 года. В ней участвовали тысячи фирм из десятков стран, представлявших образцы паровых судов, хлопкопрядильные машины, телеграфные аппараты и другие новейшие достижения «золотого века» индустриального общества.

Но постепенно восторг Моллы Аббаса начинает спадать. В Париже он познакомился с шейхом Джелалем из Магриба, давно живущим в столице Франции. Тот от-

крыл глаза молодому ташкентцу на многие только внешне благополучные стороны жизни европейцев. Он признался Молле Аббасу, что изучал жизнь европейцев, чтобы, «если будет угодно Аллаху, высказать мнение, которое, может быть, будет небесполезно для народов, готовых идти по стопам Европы»¹⁵. Молла Аббас понял, что, с одной стороны, искусство и знания европейцев делают их господами «мирового базара» и мировой торговли, с другой же – все неевропейские народы, как черно-рабочие, работают на них¹⁶. Описывая Испанию, Молла Аббас отмечает, что эта страна долго жила богато за счет золота из своих американских колоний. Это породило паразитизм, отучило испанцев работать. Теперь они бедны, живут в лачугах, хотя это тоже Европа. Прямая противоположность испанцам – англичане. Они хотят и умеют работать, при этом собирают дань со всех народов, жируют за их счет. Автор «Французских писем» подчеркивает, что 30 млн. англичан живут за счет 250 млн. других народов. Такова же политика и Франции: «Есть кого ободрать, так обдеру»¹⁷.

Постепенно, изучив разные стороны жизни Европы, автор ставит вопрос: что такое цивилизация? В чем суть европейской цивилизации, и приемлема ли она для других народов?

Этой проблеме Гаспринский посвятил работу «Критический взгляд на европейскую цивилизацию» (1885)¹⁸. Да, признает автор, эта цивилизация распространяется по миру, сами европейцы надеются, что она объединит, сплотит народы. Но он приводит и противоположную точку зрения панславистов, утверждавших, что европейская цивилизация не подходит к мышлению славянских народов. И Гаспринский задается вопросом: «Если это так, не будет ли она опасна для мусульман?»¹⁹. Тем более, если эта цивилизация распространяется пушками, «погружая в кровь человечество»²⁰.

По мнению Гаспринского, цивилизация – это такое состояние людей, которое обеспечивает им лучшую жизнь. Чем лучше и выше цивилизация, тем лучше и обеспеченнее живут люди. Так, например, в работе «Ислам и цивилизация» (1883) основатель джадидизма утверждает: «Цивилизация – нечто такое, что способствует и служит улучшению человеческой жизни»²¹. Величие цивилизации заключается не только в количестве фабрик, крепостей, пушек с ядрами. Величие цивилизации – это то, что всем приносит пользу.

И, наконец, вывод:

...Цивилизация способствует, создает лучшие способы и средства для человеческой жизни. Но в то же время сама цивилизация находится в зависимости от степени прогресса знаний, искусств, нравственности людей. Всякий, кто старается о развитии знаний, о лучшей нравственности, служит цивилизации и тем самым всему человечеству²².

Соответствовала ли западная цивилизация этим критериям?

Пожив в Европе, Гаспринский был поражен глубоким имущественным расслоением. В работе «Критический взгляд на европейскую цивилизацию» он писал:

С какой бы стороны ни взглянуть на Европу – это большая губерния с миллионным населением, где угнетенный и бесправный, как скот, народ является рабом и инструментом для существования одного герцога, пяти баронов, пятнадцати шевалье и сорока священников²³.

Главным смыслом жизни европейца, повторяет Гаспринский, стали выгода, прибыль, деньги. И выносит следующий приговор: «Европейский уклад жизни и форма цивилизации построены на гнилых и дефектных основах»²⁴. Поэтому он соглашается с панславистами, ставившими под сомнение основы европейской цивилизации, и задается вопросом:

Если русские панслависты утверждают, что русскому миру не подходит европейская цивилизация, тогда, может, исламскому миру выбрать независимый путь прогресса и поискать <более> совершенную цивилизацию?²⁵.

Известно, что в самой Европе начинали ощущать наступление духовного кризиса. Именно из этих обстоятельств через несколько десятков лет выведет свою идею о «закате Европы» Освальд Шпенглер в знаменитом одноименном труде.

Но вернемся к Исмаилу Гаспринскому. Наблюдение за жизнью Европы, проникновение в суть ее цивилизации привело его к образному, но пессимистическому выводу:

...Европейский уклад жизни и культура напоминают сильно накрашенную, роскошную и симпатичную женщину, но только если быть внимательнее, то у этой женщины зубы вставные, волосы накладные, а пышный бюст набит ватой... А если стянуть с нее эти наряды из тончайшей тафты, то наткнетесь на раны и болячки, увидев которые вы отвернетесь [от отвращения]²⁶.

Гаспринского поражило и моральное разложение западного общества. Он отмечал, что в нем «не осталось веры в церковь и Библию», а на улицах Парижа и других городов много девушек, продающих себя²⁷.

Еще один момент, настороживший Гаспринского: опасность революции в Европе. Несмотря на высокий уровень развития экономики, накопленные богатства, в западном обществе обозначился глубокий раскол. Как следствие – идеи социализма и, говоря словами Гаспринского, – «ужасающей революции».

Гаспринский абсолютно отвергает идею социализма, но задается вопросом: откуда она возникла? И делает вывод: социалисты разочаровались в европейской цивилизации, хотят построить новую. Для этого нужны перемены, реформы, революции. Они должны привести к тому, что все – «недвижимость, собственность, торговля, капитал, даже женщины и дети – все должно быть общим»²⁸. Он отвергает эти утопии как аморальные и безнравственные, ведущие общество в казарму. Можно отметить здесь близость взглядов Гаспринского взглядам русского антизападника Федора Тютчева: «Революция – болезнь, пожирающая Запад, а не душа, сообщающая ему движение и развитие...»²⁹.

Исключить подобный сценарий развития событий может только общество, где будет господствовать не выгода, а справедливость. Именно она должна лежать в основе отношений между людьми.

Антиподом западной цивилизации должны стать цивилизации русская и исламская. Просветитель развивал эту мысль в своей работе «Русское мусульманство: мысли, заметки, наблюдения мусульманина», написанной в 1881 году:

В будущем, быть может недалеко, России суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств, что, я думаю, нисколько не умаляет ее значения как великой христианской державы³⁰.

Завершая краткий анализ взглядов Исмаила Гаспринского на развитие европейской цивилизации, стоит отметить, что некоторые его оценки эмоциональны, не затрагивают более глубоко ее экономические, политические основы. Это вполне естественно, ибо эту проблему и сами европейцы только начинали в то время серьезно изучать. Однако многие наблюдения Гаспринского сохраняют актуальность и сегодня.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Бабур Захир ад-дин Мухаммед*. Бабур-наме. – Ташкент: Главная редакция энциклопедий, 1993. С. 273.

² См.: *Тойнби А. Дж.* Исследование истории / Пер. К.Я. Кожурина: В 3 тт. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2006.

³ *Фитрат А.* Рассказы индийского путешественника (Бухара как она есть). – Самарканд: Издание Махмуд-ходжа Бегбуди, 1913. С. 2.

⁴ *Гаспринский И.* Французские письма // *Гаспринский И.* Полное собр. соч. Т. 1. Лит.-худ. произведения / Гл. ред. Р.С. Хакимов; сост. С.А. Сеитмететова, Г.Ю. Сеитваниева. – Симферополь: ООО Форма, 2016. С. 19–134. Частично этот вопрос рассмотрен в ст.: *Ваниев Э.С.* «Французские письма» как составная часть государственно-правовых взглядов И. Гаспринского // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2021. № 12. (URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frantsuzskie-pisma-kak-sostavnaya-chast-gosudarstvenno-pravovyh-vzglyadov-i-gasprinskogo>; дата обращения: 02.10.2023) и *Васькив Н.* Париж как центр мировой культурной, политической, финансовой жизни и морально-этической деградации во «Французских письмах» Исмаила Гаспринского // International Paris Conference on Social Sciences. Proceedings book. Paris, 2021. (URL: https://elibrary.kubg.edu.ua/id/eprint/38802/1/M_Vaskiv_5IPCSS.pdf; дата обращения 21.10.2023).

⁵ Там же. С. 23.

⁶ Там же. С. 19.

⁷ Там же. С. 41.

⁸ Там же. С. 35.

⁹ Там же. С. 47.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Айни С.* Воспоминания / Пер. с тадж. А. Розенфельд. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 205.

¹² *Фитрат А.* Цит. соч. С. 3, 25, 29.

¹³ *Гаспринский И.* Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения // *Гаспринский И.* Полное собр.

соч. Т. 2. Ранняя публицистика: 1879–1886 гг. / Гл. ред. Р.С. Хакимов; сост. С.А. Сеитмететова. – Симферополь: ООО Форма, 2016. С. 82–111. С. 109.

¹⁴ *Гаспринский И.* Французские письма... С. 63.

¹⁵ Там же. С. 66.

¹⁶ Там же. С. 64.

¹⁷ Там же. С. 63.

¹⁸ *Гаспринский И.* Критический взгляд на европейскую цивилизацию / Пер. и прим. к тексту Э.Э. Абибуллаевой // *Гаспринский И.* Полное собр. соч. Т. 2. Ранняя публицистика: 1879–1886 гг. / Гл. ред. Р.С. Хакимов; сост. С.А. Сеитмететова. – Симферополь: ООО Форма, 2016. С. 66–81.

¹⁹ Там же. С. 67.

²⁰ Там же. С. 68.

²¹ *Гаспринский И.* Ислам и цивилизация // *Гаспринский И.* Полное собр. соч. Т. 2. Ранняя публицистика: 1879–1886 гг. / Гл. ред. Р.С. Хакимов; сост. С.А. Сеитмететова. – Симферополь: ООО Форма, 2016. С. 141.

²² *Гаспринский И.* Мусульманская цивилизация // *Гаспринский И.* Полное собр. соч. Т. 2. Ранняя публицистика: 1879–1886 гг. / Гл. ред. Р.С. Хакимов; сост. С.А. Сеитмететова. – Симферополь: ООО Форма, 2016. С. 224.

²³ *Гаспринский И.* Критический взгляд на европейскую цивилизацию... С. 71.

²⁴ Там же. С. 75.

²⁵ Там же. С. 81.

²⁶ Там же. С. 75.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 74.

²⁹ *Тютчев Ф.И.* Россия и Запад / Пер. Б.Н. Тарасова // *Тютчев Ф.И.* Полное собр. соч. и писем: в 6 тт. – М.: Издат. центр «Классика», 2002–2004. Т. 3. Публицистические произведения. – 2003. С. 179.

³⁰ *Гаспринский И.* Русское мусульманство... С. 85.

Чарльз УИЛЬЯМС

Схождение Голубя

Краткая история Святого Духа в Церкви*

*Перевод с английского, предисловие и примечания
диакона Евгения АБДУЛЛАЕВА*

Глава II. Примирение со временем

С середины II века в истории Церкви появляются пять ярких имен: Монтан, Марк Аврелий, Тертуллиан, Климент и Ориген. Все они олицетворяют своего рода примирение между Церковью и обычным ходом вещей, пусть в одном случае это и приняло форму жесточайшего конфликта¹. Было бы неверным сказать, будто Церковь согласилась на то, чтобы ее исключительность ослабла; скорее, она оказалась готова включить в себя все то, что связано с обычным человеческим существованием. Изменились ее методы, стали более заметны уступки, на которые она шла с первых своих шагов. Церковь страдала, диспутировала, организовывала и мыслила. Всё это она делала и прежде, но теперь это стало устойчивым образом ее поведения.

В одном случае, как было сказано, примирение происходило через конфликт. В 161 году на престол взошел Марк Аврелий Антонин. При этом энергичном императоре, любившем подводить под всё, включая мораль, рациональное обоснование, преследование христиан стало меняться. Под воздействием интеллекта и личности императора оно приняло более осознанную форму. Прежние гонения порождались раздражением, яростью, кипением крови; теперь они оформились в целенаправленную и рациональную политику. Давление Христианского мира на Рим стало слишком сильным; Империя решила освободиться от этого расстрой-ства своего разума, этой язвы на своем теле.

Политика эта была целенаправленной и длительной. «Преследования при Марке Аврелии продолжались на протяжении всего его правления. Они были жестокими и целеустремленными... Они имели прямую личную санкцию императора. Они вспыхивали во всех частях Империи: в Риме, в Малой Азии, в Галлии, в Африке; возможно, также и в Византии»². «Хорошие» императоры³ относились

* Продолжение. Начало в № 1-2 (LXII), 2023.

к христианству как к злу, как это склонны делать все толерантные и гордые нехристианские умы. «Хорошие императоры» имели самое высокое представление о своем долге перед безопасностью государства. Кроме того, они обладали сильным чувством внутреннего морального равновесия и были начисто лишены чувства необходимости искупления грехов. «Плохие» императоры – Коммод и Гелиогабал – преследовали христиан из религиозного страха, который, однако, был ближе к духу Евангелия. Все, что касается божественного, лучше понимается грешными умами, чем стоическими⁴.

В Азии был убит Поликарп, в Риме – Иустин Философ, в Галлии – Ириней и многие другие⁵. Среди мучеников, пострадавших при императоре Севере, была одна рабыня, которая не только претерпела мученическую смерть, но и одной своей фразой определила суть христианской веры. Ее звали Фелицитата, она была карфагеняжкой; в тюрьме, куда ее заключили, у нее начались роды. Во время схваток она закричала. Тюремщики спросили ее, как же тогда она собирается вытерпеть смерть от зверей. Она ответила: «Сейчас страдаю я, а там во мне будет страдать Другой, так как я готова страдать с Ним». Этим ответом Фелицитата навсегда вписала свое имя в число великих африканских учителей Церкви.

На эти и последующие гонения Церковь отвечала поразительной лояльностью властям и возражала тем, кто сомневался в ней. Она не только признавала существование Империи; даже страдая от имперских властей, она воспринимала имперский порядок как убежище и защиту. В каком-то смысле так было уже во времена апостолов. Рим не только сдерживал германцев; он сдерживал и появление Антихриста. *Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь. И тогда откроется беззаконник*⁶.

Бог, таким образом, находился в самом Риме, в существовании Рима и его порядке. Мир продолжал существовать; «мирское» время играло в жизни христиан все более значимую роль; общественный порядок, республика обретали для них все большую ценность. Сразу после того, как преследование со стороны Аврелия потерпело неудачу и сошло на нет при его преемнике, бездарном Коммодe, Тертуллиан снова провозгласил ценность спасения во времени (*temporal salvation*). В своей «Апологии против язычников» («Апологетике») он заявил, что христиан не только не удалось подавить, но, напротив, они присутствуют повсюду. «Вопят, что государство наполнено христианами, что христиане находятся в деревнях, городах, на островах; сокрушаются о том, что люди всякого пола, всякого возраста, всякого звания и всякого сана принимают христианство, как бы о великом бедствии»⁷. Но правители Империи не провели настоящего исследования: «Какое жестокое постановление вы делаете, говоря: вам не позволено быть»⁸.

И все же Тертуллиан, как и почти все христиане, желал жить в священных пределах Рима. «Мы знаем, что предстоящая всему земному шару величайшая катастрофа и самый конец мира, грозящий страшными бедствиями, замедляется римскою властью. <...> Мы знаем, что в них (в императорах) есть то, чего Бог пожелал, и потому хотим для них блага»⁹. Христиане не могут молиться Гению Императора, но они могут и должны молиться о его «благоденствии»¹⁰. Многие римляне-

нехристиане и некоторые императоры (возможно, даже сам Марк Аврелий) согласились бы, что благоденствие императора гораздо важнее, чем его гений или приписываемая императору божественность. Между двумя умеренными взглядами, христианским и римским, было много общего. Но их разделение к тому времени было уже окончательным. Церковь, организуясь для существования внутри мирского времени, настаивала на том, что ее члены, как и она сама, должны строить свое существование на основе веры. И главным условием этой веры было то, что Божество является единым, высшим и *отличным* <от всего мирского>. Без этого различия не могло быть Примирения <между ними>. И Примирение было высшей целью Церкви.

Две вещи последовали (видимо, неизбежно) из этой организации ради существования во времени. Первой было исчезновение необыкновенных сверхъестественных импульсов. Возможно, сам Господь Дух Святой прекратил их; да и сама Церковь, похоже, всё меньше стремилась их испытывать. Сама природа Церкви предполагает, что всё, что происходит, кроме разве что совершаемых людьми грехов, является правильным. Это, конечно, дает большое преимущество в споре с Церковью любому враждебно настроенному острому и скептическому уму, но от этой веры вряд ли можно отказаться из-за подобного интеллектуального неудобства. Христос, по-видимому, как-то дал понять, что в Церкви, как и в повседневной жизни христиан, Он будет соотносить свои действия – хотя бы до некоторой степени – с решениями Своих созданий. Если Церковь определилась в чем-то, то это что-то должно быть истиной; можно утверждать, что Мессия родился от Пречистой Девы, и потому, что Церковь верит этому, и по любому иному основанию, – вся остальная реальность будет соотноситься с этой верой.

В любом случае, пророчества и «говорения на языках» начали исчезать. Была попытка вернуть их. Она известна как монтанистская ересь, по имени ее основателя Монтана. Она возникла во Фригии во время гонений Аврелия и распространилась по всей империи. Это был первый и последний бунт против обычаев Вселенской Церкви. Последний, поскольку эта ересь еще имела какое-то отношение к действительной жизни молодой Церкви; это не было стремлением вернуться к чему-то, что исчезло много веков назад. Этот бунт был последним и в том смысле, что он все еще разделял основные вероучительные положения Церкви. Но он был и первым, – в более позднее время возникли другие еретические движения, которые пытались добиться аналогичной строгости и такой же свободы. Поражение монтанизма выявило Церковь именно как социальный институт – и институт, приверженный примирению (а не компромиссу) с обычными людьми.

Монтанизм был крайне ригористическим течением. В морали, как и во всем, существует два противоположных мнения. Первое говорит: «Нет важных и неважных поступков; все по-своему важно». На что второе отвечает: «Да, это так. Но простой здравый смысл не позволяет нам считать всё важным одинаково. Необходимо различие; необходимо “более” и “менее”; необходимо безразличие». Спор этот сложен. Строгий взгляд необходим для стяжания святости; более спокойный – для сохранения здравомыслия. Союз их не исключен, но труднодостижим. Стоит одному из них взять верх, как он тут же начинает подпитываться далеко не мораль-

ными побуждениями. Грубостью, гордыней, обидами – первый, ригористичный; снисходительностью, ложью, круговой порукой – второй.

Была попытка примирить две эти благие (и одновременно пагубные) крайности. Возникла идея «сверхдолжных дел», как это названо в Статьях Англиканской церкви¹¹. «Если же сделаешь что-либо доброе сверх заповеданного Господом, – писал Ерма, – то приобретешь себе еще большее достоинство и будешь пред Господом славнее, нежели мог быть прежде»¹². Это трудная и опасная задача; ее не облегчает даже грубоватая аргументация – стяжание для себя славы, – к которой прибегает Ерма. Тем не менее, эта идея задержалась в Церкви и была отчасти сформулирована в учении о Пути Заповедей и Пути Блаженств¹³. С одной стороны, подчинение Богу должно быть полным, и в этом едва ли может иметь место что-то «сверхдолжное». С другой – есть некое общее мнение, что существуют, так сказать, дела любви и самопожертвования, которые не являются абсолютно необходимыми. Но как тогда абсолютная покорность Богу может потенциально содержать в себе что-то неабсолютное?

Ответ, по-видимому, кроется в учении о Призвании. Кто-то призван к строгости, кто-то к мягкости. Естественно, строгость, будучи более трудной, считалась более высоким призванием. Что касалось трудности, это верно; но мягкость не менее свята и праведна, хотя ее и сложнее проповедовать. Но прекрасное освежение этого мира, порожаемое мягкостью одних, не противоположно величественной суровости других; Христианский мир пронизан глубокими взаимосвязями; и если мы по молитвам святых преуспеваем в чем-то, то наша радость питает и их. Корень всего – жизнь Искупителя; всё это – внутри Церкви, которая (как сказал своим высоким стилем тот же Ерма) «сотворена... прежде всего, и для нее сотворен мир»¹⁴.

Для нас даже самая мягкая мораль Церкви II века достаточно строга. Но монтанистам она представлялась полным забвением христианских норм. Они стремились возродить первоначальное благочестие – увеличивая посты, запрещая второбрачие, а также любые сношения с государством (например, в образовании). Особенно строго относились они к грехам, совершаемым после Крещения. Они не допускали, чтобы кто-либо из верующих пытался избежать преследований. Они словно говорили верующим об обычной жизни: «Выйдите из нее, люди мои». Обычная жизнь христиан того времени казалась им слишком мирской, святотатственной и идолопоклоннической. И обычные христиане с не меньшей горячностью, за которой порой скрывалась нехватка доводов, отвечали им. Пытаясь оправдать себя, они приписывали монтанистам совершенно фантастические деяния, вроде детоубийства и людоедства. Обвинения в нарушении благочестия носились от одной стороны к другой и обратно; к этому добавились еще два различия, на которые оба лагеря делали особый упор.

Первое касалось пророков и толкователей. Попытки монтанистов стяжать непосредственное вдохновение Духа часто приводили к злоупотреблениям. За пророчества и толкования взималась плата; само по себе это было безобидным, поскольку деньги являются всего лишь средством обмена, но потенциально опасным. Священникам могли платить, хотя чаще не платили; это была их работа. Но в том-то и дело, что получение пророчеств не могло быть гарантировано; Дух дей-

ствовал *proprio motu*¹⁵. Подобное было возможно на раннем этапе развития священнического служения; тогда, с возникновением Церкви, Господь, действительно, соизволил действовать в Таинствах через людей и исполнить Свое соглашение с ними по их требованию. Но уже в конце первого века пророк был «кое-где весьма почитаемым, но единичным явлением»¹⁶.

Изменилось и его служение. Пророчество когда-то было «голосом, непосредственно передающим откровение», но уже «для Поликарпа, как и для Оригена, это была сила толкования, которая открывает за буквальным смыслом Священного Писания тайны, невидимые глазу простого здравого смысла»¹⁷. Из молитвенного собрания пророчество перебралось в кабинет, хотя и там у него все еще были ученики. Что-то, конечно, было при этом приобретено; но что-то потеряно. Как бы то ни было, пророчество покинуло дом молитвы. Монтанисты попытались вернуть его. Они были вполне ортодоксальны; они сохранили систему священства, ее порядок, ее форму. Но они предлагали «оживить» ее, подчинив пророческому служению и вдохновенному речению. И в этом они по-своему были правы.

Более того, они разработали для этого грандиозное обоснование. Они были вполне правоверны в отношении природы Христа; они, как говорят, даже первыми использовали слово *ἰσοούσιος*, *единосущный*, имеющее для Церкви такое громадное значение. Но при этом они слишком выделяли третье Лицо Троицы, Дух Святой, говоривший через пророков¹⁸. Они даже утверждали, что уже начался какой-то особый Его век и Его осуществление. Говорят, что именно они первыми назвали Его Богом; если так, то Он попустил, чтобы это верное Его наименование возникло у раскольников и было определено в контексте ошибочного учения. Монтанисты заявили, что именно в их поведении Он явил Свою моральную строгость и в их пророках – Свою волю.

В возникшей полемике монтанисты потерпели поражение; пророки исчезли; нравственный ригоризм – смягчен. Вселенская Церковь сохранила свою мягкость к людям и свой завет с Богом. Но Святой Дух при этом продолжал именоваться Богом.

Таким образом, с одной стороны, Церковь заявляла о своей лояльности и требовала защиты своих гражданских прав, с другой – организовывалась в регулярную и надежно устроенную систему. Она отвергла (если можно так сказать) безответственные вспышки и моральные крайности Духа ради данных Христом заповедей и нравственной дисциплины. Она установила ту систему Покаяния, которая является единственным судом, заканчивающимся прощением. Грехи не должны быть забыты; их следует помнить. В тех частях христианского мира, где исповедь не совершается священником, еще сохранилась практика непосредственной исповеди Богу. Вину, прегрешения следует предать Богу: обретение благодати требует, чтобы человек вспомнил всё, так как для Бога всё пребывает в настоящем. Человек и Бог вместе могут радостно познать всё; человек же без Бога...

Впрочем, требовалось скорректировать отношение и к интеллектуальной деятельности. После победы над философствующим гностицизмом Церкви было не просто определить свое отношение к философии. Во всех ее епархиях, среди всех ее учителей господствовало мнение, что философия по сравнению с Евангелием

ничтожна. Но как следовало относиться к ней как к науке: с великодушием или с осуждением? Должен ли христианин понимать ее язык и говорить на нем?

Великие умы Церкви отвечали на это по-разному. Около 200 года в Северной Африке были сформулированы два противоположных взгляда. С первым выступил в Карфагене Тертуллиан (вскоре ставший монтанистом). Со всей энергией своего красноречия он провозглашал неприятие разума этого мира. Философия, писал он, «есть материя языческой мудрости, безрассудная толковательница Божественной природы и установления. Как раз от философии сами-то ереси и получают подстрекательство»¹⁹. В доказательство он ссылался на пример гностиков. Валентин, писал он, был платоником, Маркион²⁰ – стоиком. Как философы – эпикурейцы, Зенон, Гераклит²¹, – так и еретики проводят время, задаваясь вопросами, откуда пришло зло и почему; откуда и как пришел человек; и даже (как Валентин), откуда пришел Бог. «Жалкий Аристотель! Он сочинил для них диалектику!»²².

Из другого североафриканского города прозвучал более приятный голос. Александрия, последнее прибежище античной философии, стала и родиной вселенского богословия. Среди множества школ там возникло Огласительное училище христиан. Основанное, как считалось, апостолом Марком (что маловероятно), оно первоначально предназначалось, как и прочие подобные школы, для оглашения верующих перед Крещением. Однако постепенно оно сделалось местом диспутов о высоких и тонких умозрениях. Образованных людей следовало убеждать так же, как и необразованных; им не нужно было отрекаться от своего образования и отказываться ради Веры от своих интеллектуальных способностей. Со времен Афин почти нигде не было таких дискуссий, как в Александрии, и в Александрии было больше тем для них, чем в Афинах. И со времен Александрии до сегодняшнего дня почти нигде не было таких свободных интеллектуальных бесед; свободы у нас, возможно, не меньше, но интеллект наш не выше.

Философия, писал Климент Александрийский, «полезна как средство привлечения к истинному благочестию. Она представляет собой предварительное образование для таких людей, которые к вере приходят не иначе как путем доказательств... Возможно, философия изначально была даром Бога эллинам до того, как Он обратился к ним явно»²³. Философия, полагал Климент, была способом подготовки человека, которому предстояло войти в «совершенство Христово». Он без колебаний думал и говорил о *гносисе*, то есть знании. Его собственный учитель «запечатлевал в душах слушателей чистую и святую мудрость»²⁴. Мне кажется, писал Климент, что существует спасительный «переход от язычества к вере, а следующей ступенью будет переход от веры к гносису»²⁵.

Означало ли это, по Клименту, что между философом-гностиком и христианским гностиком не было различия? Конечно, различие было; хотя Тертуллиан мог бы счесть его недостаточным. Это было «проявление милосердия», «любовь к Богу». Знание, писал Климент, «приводя к любви, соединяет любящего с любимым, познающего с познаваемым»²⁶; тот, кто достигает этого, становится «светом пребывающим и вечным»²⁷. Здесь уже намечены стадии того, что стало называться мистическим Путем: Очищения, Просветления, Единения.

Первое изменение происходит в вере; второе – в открытии любви. Вдохновен-

ные рассуждения Климента о чистой Любви не отрицали наличие небесного порядка. «За каждого из нас предал Он Свою, стоящую всей вселенной, жизнь. Он желает и от нас пожертвования этого друг за друга»²⁸. Это любовь; именно это и надлежит открыть; души подлинно существуют, лишь постигнув это светлое знание. Если в Карфагене и был заложен великий фундамент богословия, то сделал это не Тертуллиан, а та, что сказала: «Там во мне будет страдать Другой, так как я готова страдать с Ним». Два африканских города словно перекликались богословскими голосами, и хотя восклицание карфагенской рабыни более красноречиво, чем учение александрийского философа, именно Клименту мы обязаны началом той философской традиции, которая удержала многих мыслящих христиан от вероотступничества, даже если и не могла ему полностью воспрепятствовать.

Так в Александрии соединились язык апостола Павла и язык Иоанна Богослова. Движение, начавшееся с Климента и позднее достигшее кульминации при Афанасии, сохранило для Церкви античный гуманизм.

Непосредственный преемник Климента, читавший лекции в Школе и беседовавший со своими учениками дома, был даже более велик, чем Климент, хотя, возможно, менее, чем Афанасий; это был Ориген.

Ориген всегда вызывал подозрения. Его осудили и разоблачили.

И все же сохранялось мнение
В Церкви, что Ориген был святым²⁹ –

и не только святым, но и мудрым, и не только мудрым, но и правым. Его подозревали в сильной ортодоксальности, а Церковь не всегда чувствовала себя комфортно с теми, кто был слишком ортодоксален.

Он продолжил традицию и дело Климента. Было бы неверным – по крайней мере, отчасти, – сказать, что отличительной чертой александрийской школы было то, что все ее представители были благородного происхождения. Нельзя отказывать в этом звании другим святым и учителям Церкви. И все же в них чувствуется *естественность* христианства, в отличие от его катастрофической сверхъестественности у представителей других школ. Пусть Климент призывал к покаянию и нравственной аскезе, а Ориген довел этическое учение христианства до болезненной и аморальной крайности, ереси и членовредительства³⁰. Но в их трудах не было ничего мрачного, фанатичного; никакого привкуса извращения. Климент любил философию, а Ориген занимался наукой. Он составил первый многоязычный свод Ветхого Завета из шести текстов. Он был великим комментатором, пророком (в новом смысле), великим литературным критиком (в самом благородном смысле) в духе своего времени. Он первым разработал аллегорический метод библейской критики: метод, с помощью которого то, что буквально означало одно, в этическом или мистическом смысле или по аналогии могло означать другое. Через эту интерпретацию постигалось величие текстов и их ценность; эти значения должны были быть самоочевидны, как только они выявлялись, поскольку они не могли быть доказаны. Как и в случае с молитвой, их настоящая цель – внутреннее убеждение. Как мы созерцаем поэтические образы, так и сторонники аллегорической интерпретации изучали тексты Священного Писания. Это ценный, быть мо-

жет, единственно возможный метод работы с большей частью Библии. Но также очевидно, что он способен породить и самые дикие произвольные интерпретации. Скажем, на него опирались адамиты³¹, простодушно обожеествившие природу и полагавшие, что если мы вернемся к нагоде (как в Эдеме), то вернемся и к невинности (как в Эдеме), и наоборот.

Ориген, как и все просвещенные читатели и в те времена, и сейчас, понял, что необходима проверка собственного ума, и нашел ее там, где ее нашли все христиане, – в решениях Вселенской Церкви. Ее авторитет он признавал; связи с ней он желал. Признание авторитета – это не только желание единства, но и осознание того, что человек сам по себе может ошибаться. «Государство» Церкви было и «Государством» Небесного Града. Раскол был худшим грехом, поскольку сводил на нет ту справедливость, из стремления к которой он обычно и возникал. Какими бы верными ни являлись идеи отдельного человека, они неизбежно приводят к заблуждениям, если он вынашивал их сам. Ценность догмата, помимо фиксации фактов, состоит в том, что догмат дает отдельному человеческому уму возможность войти в Общение Святых – или, скажем, Общение Мыслящих. Этим индивидуальное мышление оживляется, и к этому оно стремится. «Люди, – писал Климент, – противясь церковному преданию и следуя вместо него еретическим воззрениям, перестают быть людьми Бога и лишаются звания верных рабов Господа»³².

Но Ориген не просто настаивал на подчинении авторитету Церкви на земле; он возвел послушание к таинственному небесному порядку. Менее чем через пятьдесят лет после его смерти в Африке родились два великих противника, Арий и Афанасий. Последователи обоих считали Оригена своим учителем. Это любопытное двойное утверждение возникло из-за истолкования, которое, возможно, само по себе имеет несколько иное значение. Учение о Троице ко времени Оригена более или менее устоялось. Отец был Создателем всего; Сын – Богом и Человеком; Святой Дух – Святым Духом. Ориген придерживался этого; он сказал о Сыне Божиим: *Non est quando non fuerit* – «нет никакого “тогда”, когда бы Его не было»; никогда еще эти два грамматических времени, прошедшее и настоящее, так возвышенно не освещали славу Божию. Но он сделал больше. Он решительно отстаивал принцип, хотя и не им открытый, добровольного подчинения Сына Отцу; он созерцал в Самом Божестве радость послушания – послушания, которое является особым источником радости, и единственным источником этой особой радости.

Сын равен Отцу (как считал Ориген и как было определено впоследствии), но при этом Сын послушен Отцу. Это единство равенства и подчинения, столь сладостное в человеческой любви, присутствует и за пределами человеческого разума, в самых сокровенных тайнах Неба. Ибо Сын в своем вечном *сейчас* желает подчинения, и оно принадлежит Ему. Он желает этого; Он послушно и сыновне присутствует в Отце, как Отец властно и по-отечески присутствует в нем. И все Три Личности вместе вечны и равны. Ариане впоследствии это отрицали, но в последней борьбе победил Афанасий и представители античного гуманизма. Пусть до сих пор унитарные течения³³, отрицающие любовь к Богу, кроме как посредством Его творения, настаивают на разделенности Отца и Сына. Но Церковь не по-

верила, что в Нем недостает какого-либо вида любви (понимаемой по аналогии): из всех видов Любви – самой святой, *non est quando non fuerit*.

Воображение александрийских отцов было учтивым; их взгляды – человеколюбивыми. Ориген расширил это человеколюбие настолько, что стал учить об окончательном спасении всего сущего, включая даже бесов. Невозможно, чтобы подобная мечта не возникла в каком-нибудь учтивом уме, но преподавание ее как доктрины почти всегда заканчивается отрицанием свободы воли. Если у Бога есть воля, а у человека есть выбор, то вечное отвержение Бога человеком должно быть признано возможным; то есть ад должен остаться. Участь же бесов вообще не касается человека. Благотворительность Оригена зашла слишком далеко; он провозгласил доктриной то, что может быть только пожеланием. Это было одной из причин, по которой его осудили; а также за своего рода докетизм³⁴ – пренебрежение к плоти. Он не был манихеем³⁵, но в его высоких рассуждениях телесные потребности ужимались почти до небытия; где-то он говорил о том, что тело Господа Иисуса Христа воспринималось разными людьми, видевшими Его, по-разному. С другой стороны, «он был первым из христианских мыслителей, кто широко говорил о человеческой душе во Христе, и первым, кто описал союз божественного и человеческого в Нем составным словом Богочеловек»³⁶.

Ориген вырос под мрачной тенью преследований Септимия Севера в начале третьего века; почти пятьдесят лет спустя он подвергся пыткам во время преследований Деция и умер от их последствий. Всё столетие сохранялся, с небольшими периодами затишья, начатый Марком Аврелием натиск на Церковь. Сам Деций, как сообщают, сказал, что он предпочел бы иметь рядом с собой в Риме второго императора, чем епископа. При Септимии, при Деции, при Галле и Валериане, как и при Аврелии, издавались указы против христиан. Ориген в свое время еще мог сказать, что число казненных за веру было не так уж велико; в наступившие затем времена так сказать уже было невозможно.

Гонения создавали для Церкви и ряд других проблем, и это требовало от нее всё более прибегать к здравому смыслу. Воплощением этого здравого смысла стал Киприан, тоже из Карфагена; тот самый, который препятствовал практике сподвижниц (*subintroductae*)³⁷. Упомянем кратко три пункта, вокруг которых тогда возникли споры: вопрос о бегстве от преследований, вопрос об отступниках и вопрос об исповедниках.

Первое. Монтанисты, и не только они, считали, что бегство и скрытность для христиан недопустимы. Среди них разгорелся дикий энтузиазм в отношении мученичества. Они сами являлись на трибуналы, требуя смерти. Соборный разум Христианского мира не одобрил этого. «Мы не восхищаемся теми, кто сами доносят на себя, – писала Церковь в Смирне Церкви в Филомелионе, – и Евангелие нас не учит этому». Сам энтузиазм должен быть очищен; никто не имел права вовлекать себя или правительство в «пролитие крови». Климент Александрийский в свое время бежал от преследований; то же самое сделал Поликарп; так же поступил и Киприан. Епископы управляли своими церквями из укрытий; дело было не в индивидуальных потерях или выгодах, а в том, как сохранить управление всем церковным организмом. Применялась максима апостола Павла, немного из-

мененная: «Ты связан? не стремись освободиться. Ты свободен? не стремись быть связанным»³⁸. Ничто из этого *не имело значения*; все, что имело значение, – это вера, молитва и любовь.

Второе. Предметом многочисленных дискуссий был вопрос об отступниках. Как следовало поступать с теми, кто под пытками или просто из страха отрекся от Веры? Вопрос был более важным, чем это может показаться. По определению, верующие *могли* (по благодати) сохранять стойкость; и не было большего зла, чем отрицать из страха или от физической боли тот Путь, который был основой всего их существования. Если этот грех можно было простить, то тогда можно было бы простить вообще любой грех: отступничество было грехом против Святого Духа, самым страшным, который может совершить человек. Однако боль и страх соблазняли и ломали людей, и мнение Церкви в отношении их склонилось к милосердию и к более полному осуществлению своей Природы, которая есть природа искупленного греха. Но вопрос осложнялся позицией тех, кто не отступил, и их торопливой готовностью «поделиться» частью своих заслуг.

Действительно (третье), весь Христианский мир относился к исповедникам, оставшимся в живых, с восхищением. Считалось, что они своими страданиями приобрели священническую власть. Это зафиксировано в «Канонах Ипполита» (III век)³⁹: исповедникам не нужно рукополагаться, ибо Святой Дух уже рукоположил их непосредственно. Иногда они даже даровали формальное отпущение грехов.

Такое признание их заслуг было понятным, однако в плане организации Церкви как института таило в себе опасность. Оно нарушало священническую иерархию, оно имело тенденцию к выделению в некое самостоятельное служение, осуществляемое исповедниками, как в высшую духовную ступень. Это создавало – что было очевидно и для Киприана, и для Римской Церкви, – и другую проблему. У человека могло хватить твердости стать исповедником и даже мучеником, но при этом недоставать ее для ведения святой или хотя бы просто добродетельной жизни. К тому же священство должно быть достаточно образованным, а среди исповедников встречались и люди неграмотные. После многих споров церковные власти определились в этом вопросе. Пусть во священство будет рукоположено как можно скорее и как можно больше исповедников. Но если они не рукоположены, они не должны исполнять священнические функции. В церковной иерархии они могут иметь нечто большее, но вне ее они этого не имеют. Так было навсегда установлено, что управление духовными делами не зависит напрямую от личности управляющего. Человек может наделять пищей других, а сам умирать от голода; проповедовать другим, сам будучи во грехах.

Примечательная ситуация возникла в Карфагенской Церкви. Она была вызвана оппозицией части местных клириков и паствы епископу Киприану⁴⁰, но содержала в себе семена великой идеи – идеи духовного замещения и обмена, афористически выраженной Фелицитатой и сформулированной Климентом. В Карфагене было много отступников, и была тенденция к их полному и окончательному отлучению. Некоторые из раскаявшихся отступников сдавались имперским магистратам. Но и в Карфагенской Церкви были свои исповедники, и отпавшие прибегли к ним за помощью. Они убеждали исповедников «покрыть своими заслугами грехи

отпавших и дать *libelli pacis* на восстановление церковного общения»⁴¹. Оппозиция даже стала давать индульгенцию, или отпущение грехов, «от всех исповедников всем отпавшим» и желала, чтобы Киприан обнародовал ее. Киприан отказался; это было противно принципу священной иерархии. Вселенская Церковь на соборах в Карфагене и Риме, на Синоде в Антиохии под руководством епископа Александрийского последовала примеру Киприана. Действительно, было невозможно принять подобное требование, если Церковь желала сохранить хоть какой-то разумный контроль над своими членами. Тем не менее, оно было основано едва ли не на самой глубокой загадке из всех, что хранила Церковь, и столетия спустя догмат о Сокровищнице заслуг⁴² и практика выдачи индульгенций узаконили таинственные и нерегулярные попытки исповедников Карфагена по замещению одних заслуг другими.

Последнее гонение III века произошло в 257 году; при нем Сикст II был убит в Риме во время проповеди, а Киприан обезглавлен в Карфагене. Но в 261 году Галлиен отменил антихристианские указы и формально терпел существование Церкви: «пусть никто не притесняет вас». В течение сорока лет, за небольшими исключениями, царил мир. Он был нарушен, когда «господин и бог» Диоклетиан начал величайшую и последнюю атаку на Церковь – Великое гонение.

Какими бы ни были причины, приведшие к нему, это гонение стало последним. Сначала оно не предполагало убийство христиан; скорее, целью его было поставить Веру вне закона. Начали разрушать церкви; было приказано сжечь все христианские книги; было подвергнуто унижению всех христианское священство. Вскоре Диоклетиан приказал заключать духовенство в тюрьму. Атака снова была направлена на Церковь как институт; Диоклетиан разумно старался не провоцировать у христиан энтузиазма мученичества. Христианский мир должен был исчезнуть из-за недостатка ресурсов; церкви, документы, таинства должны были быть упразднены; брать христиан на государственную службу запрещено; Церковь должна была быть отброшена назад, к изоляции, бедности, невежеству, тяготам, к жизни под вечным подозрением и презрением. Такова была практика некоторых более ранних гонений; она была снова возобновлена.

Трудно переоценить значение этих гонений; трудно и не рассматривать их как параллель с событиями наших дней⁴³, особенно если принять во внимание природные таланты и трудолюбие этого императора. Он «на время восстановил порядок в Империи, защитил государство от внешних врагов, поставил пределы бушующему потоку страстей и амбиций и осуществил разумную и обширную программу реформ в общественной и частной жизни»⁴⁴. Историк, которому принадлежат эти слова, объясняет неудачу Диоклетиана и имперской власти упадком творческой силы. «Вся оставшаяся творческая сила отвернулась от этого мира и его нужд и училась тому, как познать Бога и соединиться с Ним»⁴⁵. Но вряд ли было это так. В противном случае гностики, отвергавшие этот мир, не потерпели бы поражение, и требование примирения со временем не стало бы необходимым условием христианской жизни. Новая ересь – манихейство, – вторгшаяся с Востока, действительно стремилась исключить из своего учения материальный мир. Но ортодоксальная Церковь, основанная на союзе между Богом и его материальным творением, по-

ступала иначе. Ее выживание, ее успех во многом объяснялись взаимной благотворительностью ее членов, принятыми в ней обычаями делиться своим богатством, ее глубоким знанием общества. Ее учение определялось именно общей верой; ее епископы, несмотря на все раздоры и разногласия, представляли собой единую корпорацию, избираемую отчасти священноначалием, отчасти народом; ее проблемами были проблемы организации времени и мира.

Чтобы познать Бога, надо было любить братию – сначала как бы по склонности и выбору, а потом уже от Него и через Него. *Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас. Кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец*⁴⁶. Фелицитата определила этот божественный порядок: «Другой для меня, а я для Него». Климент утвердил его среди верующих: «Он требует от нас жизни ради друг друга».

То, что было сказано мученицей и богословом, возвестил из пустыни и другой голос. Во время правления Диоклетиана между Нилом и Красным морем подвизался святой Антоний, первый из христианских отшельников; житие его написал Афанасий. Этот аскет, ведший уединенную и суровую жизнь, дал Церкви аналогичную формулу: «От ближнего зависит твоя жизнь и смерть»⁴⁷.

И все же, возможно, величайшее высказывание на эту тему принадлежит Игнатию Богоносцу (начало II века), хотя и звучит оно неоднозначно. Он произнес его на пути к своей мученической смерти: «Мой Эрос распят»⁴⁸. Ученые спорят о точном значении этого слова: может ли слово «эрос», с его ярко выраженной отсылкой к телесному влечению, относиться к Христу? Или это скорее относится к телесной природе самого Игнатия? Для нас, так жестко отделивших свою телесную природу от природы Христа, нелегко усмотреть тождество этих двух значений. Но они объединяются, и из них возникают другие. «Моя любовь распята», «Моя Любовь распята», «Любовь моя за мою Любовь распята»; «Моя Любовь в Моей любви распята».... Телесное и духовное больше не разделены: Тот, кто есть Бог, есть и Человек; в Нем – все образы человека. Распятый Эрос снова оживает и живет по-новому: это было открытием Веры. Эрос пятисот лет Греции и Рима должен был жить по-новому: так неожиданно возникал великий, почти романтический образ. «Мой Эрос распят; так невероятно возникало великое учение о духовном взаимобмене внутри Церкви как Граде Божиим. «Другой во мне». «От ближнего зависит и жизнь и смерть». «Они во Мне, и Я в них»⁴⁹.

Тем временем с окраины Империи, с севера, с Британских морей приближалась еще одна фигура – будущий император Константин. Империя снова была расколота на воюющие между собой части; гонения на христиан прекращались, возобновлялись, слабели, затихали и разгорались снова. Шесть августов правили различными провинциями. Константин, сын Констанция и Елены, появился в Галлии и прекратил там гонения на Церковь. Он пересек Альпы; один август совершил по его приказу самоубийство в Марселе, другой потерпел поражение у Мульвийского моста. В Милане Константин заключил союз с третьим, Лицинием. Миланский эдикт провозгласил терпимость ко всем религиям; Константин и Лициний объединились против последнего августа, Максимиана, гонителя христиан на Востоке. Потерпев поражение в Адрианополе, тот бежал обратно в Азию и в Каппадокии

тоже издал эдикт о терпимости. Но легионы Константина и Лициния следовали за ним по пятам; Максимин бежал в Тарс; и когда христиане Империи благословляли наступивший мир, самый яростный из его врагов умирал в агонии. Диоклетиан тоже уже был мертв.

Два оставшихся августа полностью признали существование Церкви; ее служение поощрялось, ее имущественные права были восстановлены. По формулировке Миланского эдикта, терпимость распространялась не на одно христианство, а на все религии: «открытое и свободное исповедание своей религии предоставляется всем остальным, а также христианам». Действия Константина значительно способствовали улучшению морального климата в Церкви, а также ее единству. «Защита всех религий быстро превращалась в покровительство одной»⁵⁰. Как блуд, так и моральный сверх-ригоризм (приведший к донатистскому расколу⁵¹) одинаково строго наказывались; рабы получили возможность быть отпущенными на свободу, а преступникам больше нельзя было ставить клеймо на лице, «ибо оно создано, – как начертал этот император, предвосхищая Данте, – по подобию Небесной Красоты». Тем временем его соправитель Лициний склонялся к старым, языческим богам. Конфликт между ним и Константином продлился десять лет; началась война, и в 323 году Лициний умер в Фессалониках.

Константин стал полновластным хозяином Империи; но он желал большего. «Я назначен, – сказал он, – епископом по связям Церкви с внешним миром»⁵². Внутри Церкви шли споры; их следовало урегулировать. Он видел себя уже на самой трудной из всех должностей, в высшей точке соединения сверхъестественного и естественного. Он созвал первый Церковный собор; в Никее собралось более трехсот епископов. Они заседали в большом зале императорского дворца, где их венценосный, хотя еще некрещеный покровитель предстал пред ними во всей своей славе. «Он явился посланцем от Бога, покрытый золотом и драгоценными камнями, – фигура великолепная, высокая и стройная, полная грации и величия»⁵³, – писал историк Евсевий. Император залился румянцем; он не поднимал глаз от земли; епископы подали ему знак; он сел на золотой престол и стал держать речь. Он представил присутствующим стопку писем с обвинениями, написанными многими против многих; призвав всех к прощению, миру и радости, он торжественно сжег их. Затем его августейшее снова смирил себя; началось богословие. Наконец, спустя два месяца, эта великая ассамблея обнародовала свои решения.

Нарядно одетая фигура императора, восседающего на троне среди трехсот двадцати епископов, выслушивающего и возвещающего вместе с ними свидетельство всех церквей об апостольском предании, значила многое. В этом в полной мере проявилось христианское принятие времени; для развития общества была заложена новая – метафизическая – основа. Римское прошлое было отвергнуто; начало создаваться средневековье. Была реабилитирована интеллектуальная деятельность; был реабилитирован брак; была реабилитирована обычная, повседневная жизнь. То, что было сказано в видении апостолу Петру, приобретало более широкий смысл: *что Бог очистил, того ты не почитай нечистым*⁵⁴. Природа Церкви не изменилась; только глупцы могли полагать обратное. Она, как и

прежде, заключалась в примирении со временем и в искуплении греха. «Мой Эрос распят»; «Другой во мне». Это было провозглашено теперь всемогущим властителем этого мира, любимцем епископата. Это стало Символом веры, продолжая быть Евангелием.

Продолжение следует.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет об императоре Марке Аврелии (см. ниже).

² *Lightfoot J.B. Apostolic Fathers. Part II. In 3 vols. – London: MacMillan and Co., 1885–1889. Vol. 1. P. 526.* Уильямс, как он сам это отмечает, цитирует Лайтфута по: *Kidd B.J. History of the Church to AD 481. – Oxford: Clarendon Press, 1922. P. 249–250.*

³ Имеются в виду так называемые «пять хороших императоров» – пять последовательно правивших римских императоров из династии Антонинов: Нерва, Траян, Адриан, Антонин Пий, Марк Аврелий; время их правления (96–180 гг. н.э.) отличалось стабильностью и миром и считается периодом наивысшего расцвета Римской империи.

⁴ Марк Аврелий был представителем стоической философии.

⁵ *Поликарп Смирнский* (ок. 69 – 155) – епископ Смирны, священномученик; *Иустин Философ* (ок. 100 – 165) – богослов, апологет, мученик; *Иринеи Лионский* (130–202) – богослов, апологет, епископ Лиона.

⁶ 2 Сол. 2, 7-8.

⁷ «Апологетик» (I, 7). (Творения Кв. Септ. Флор. Тертуллиана. Ч. 1. Пер. Н. Щеглова. – Киев: Тип. «Петр Барский, в Киеве», 1910. (URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Tertullian/apologetik/#source>)

⁸ Там же (IV, 4).

⁹ Там же (XXXII).

¹⁰ Там же.

¹¹ «39 статей» (*39 Articles of Religion*) – символ веры церкви Англии. Имеется в виду статья 14: «О делах, добровольно совершённых более и свыше Божиих заповедей, называемых сверхдолжными делами, могли учить только высокомерные и неблагочестивые. Ибо тем самым эти учителя заявляли, что они не только полностью выполнили свой долг перед Богом, но и сделали во имя Его более, чем от них Бог требовал. А между тем Христос ясно сказал: *Когда исполните всё повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие*».

¹² Писания мужей апостольских. [Воспр. изд. 1895 г. с доп.]. – М.: Изд. совет РПЦ, 2008. (URL: https://azbyka.ru/otechnik/Erm/pastyr_hermy/22). Ерм (II в.) – автор раннехристианского апокрифа «Пастырь», встречающегося в древних рукописях рядом с каноническими текстами Нового Завета и пользовавшегося авторитетом у ранних христиан.

¹³ Уильямс имеет в виду принятое в католическом (и отчасти в православном) богословии разделение за-

поведей Божиих, которые требуется беспрекословно соблюдать, и блаженств (советов Божиих), исполнение которых превосходит соблюдение заповедей, однако является результатом свободного выбора человека. Первые, в основном, выражены в Десяти Заповедях; вторые – в Нагорной проповеди.

¹⁴ Писания мужей апостольских...

¹⁵ По собственному побуждению (*лат.*).

¹⁶ *Bigg Ch. The origins of Christianity / Ed. by T.B. Strong. – Oxford: Clarendon Press, 1909. P. 76.*

¹⁷ *Ibid.* С. 105.

¹⁸ Из 8-го члена Символа Веры: «(Верую) и в Духа Святого, Господа, подающего жизнь, исходящего от Отца, поклоняемого и прославляемого равно со Отцом и Сыном, говорившего через пророков».

¹⁹ *Тертуллиан. О прескрипции против еретиков / Пер. А.А. Стоярова // Тертуллиан. Избр. соч. – М.: Прогресс-Культура, 1994. (De praescriptionibus adversus haereticos, 7). (URL: https://azbyka.ru/otechnik/Tertullian/o_prescript/#note14_return).*

²⁰ *Валентин* (II в.) – основатель гностической секты валентинианцев; о том, что Валентин – «ученик Платона, а не Христа», писал другой христианский апологет, св. Ипполит Римский (*Refutatio VI, 29*). *Маркион* (ок. 80 – ок. 160) – основатель гностической секты маркионитов. В молодости увлекался стоической философией.

²¹ Ср.: «А эпикурейцы особенно настаивают на мнении, что душа погибает. <...> А где материя уравнивается с богом, там учение Зенона; где речь идет об огненном боге, там выступает Гераклит» (*Тертуллиан. Там же*).

²² Там же.

²³ Климент Александрийский, «Строматы» (*Strom. 1.5.28*). *Климент Александрийский. Строматы / Пер. с древнегреч. и ком. Е.В. Афонасина. В 3-х тт. – СПб.: Изд. Олега Абышко, 2003. Т. 1. (URL: <http://www.platonizm.ru/content/kliment-aleksandriyskiy-stromaty>)*

²⁴ *Strom. 1.1.1.* Там же.

²⁵ *Strom. 7.10.57.* Там же. Т. 3.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ *Климент Александрийский. Кто из богатых спасется (Quis div. 37) (Климент Александрийский. Увещание к язычникам. Кто из богатых спасется / Пер. с древнегреч., вступ. ст., коммент. и указатель А.Ю. Брату-*

хина. – СПб.: Изд. Олега Абышко, 2006. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kliment_Aleksandrijskij/kto_iz_bogatyh/#source

²⁹ Источник цитаты обнаружить не удалось.

³⁰ Ориген Адамант (185–253) возглавлял Александрийскую богословскую школу в 217–232 гг. В морали придерживался крайне аскетических взглядов. По некоторым сообщениям, поняв буквально слова Иисуса: *Есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного* (Мф. 19, 12), оскотил себя.

³¹ Адамиты – секта, возникшая, вероятно, в конце II в. в Северной Африке. Основу ее учения составляло убеждение в необходимости восстановления догреховной невинности Адама во всех аспектах, включая наготу и отсутствие связанного с ней стыда.

³² Strom. 7.16.95. *Климент Александрийский*. Строматы... Т. 3.

³³ Унитаризм – движение в Протестантизме, отвергающее догмат о Троице.

³⁴ Докетизм – христианская ересь, сторонники которой отрицали Воплощение Христа и реальность его плоти и физических страданий.

³⁵ Манихейство – дуалистическое религиозное учение, возникшее в III веке и активно конкурировавшее с христианством. Манихеи, как и гностики, проповедовали крайнее умерщвление плоти.

³⁶ Kidd V.J. Op. cit. P. 424.

³⁷ Киприан Карфагенский (†258) – богослов, священномученик. Имеется в виду его «4-е послание к Помпонию, о девственницах». *Сподвижницы* – девственницы, которые жили с мужчинами, посвятившими себя безбрачию, чтобы заботиться об их домашних делах. См. начало публикации перевода книги Уильямса: ВС, № 1-2 (LXII), 2023. С. 101–103.

³⁸ Ср.: *Соединен ли ты с женой? не ищи развода. Остался ли без жены? не ищи жены* (1 Кор. 7, 27).

³⁹ «Каноны Ипполита» – литургико-канонический памятник древней Церкви, приписываемый св. Ипполиту Римскому. Сохранились в арабском переводе, выполненном с утерянной коптской версии. Об исповедниках говорится в 6-й главе «Канонов».

⁴⁰ Имеется в виду ситуация, возникшая в Карфагенской Церкви, в которой с началом гонений Деция (249 г.) возросло число отрекшихся от веры. Вернувшись в Карфаген после прекращения гонений, епископ Киприан столкнулся с проблемой отпавших, многие из которых желали вернуться в Церковь. Киприан сделал послабления для тех отступников, кто с помощью подкупа получили удостоверения в том, что они якобы совершили все необходимые языческие церемонии. Против Киприана выступила часть общины во главе с пресвитерами и исповедниками прежних гонений; они отказывались принимать в общение отпавших, кроме как перед самой смертью. Эта группа также обвиняла Киприана в бегстве во время гонения. Ревнителю пытались добиться содействия в Риме, у папы Корнелия, но там в это время также назревал раскол по вопросу об отпавших, и Рим поддержал Киприана.

⁴¹ Kidd V.J. Op. cit. P. 443. *Libelli pacis* («Письма о примирении») – письменные свидетельства о восстановлении церковного общения и допущения к Евхаристии.

⁴² *Сокровищница заслуг* (Thesaurus meritorum), или *Сокровищница Церкви* (Thesaurus Ecclesiae) – догмат, введенный в Средние века в католическое богословие: совокупность добрых дел, совершенных Иисусом Христом, и сверхдолжных дел, совершенных святыми. Согласно данному догмату, этой сокровищницей распоряжается Католическая церковь в лице Папы Римского; он может брать из нее накопленные в ней богатства и передавать их (через индульгенции) грешникам для их спасения, поскольку своих собственных дел у них недостаточно. В Православии (и в протестантских деноминациях) отрицается как учение о сверхдолжных делах, так и наличие их «сокровищницы».

⁴³ Уильямс имеет в виду преследование Церкви в советской России; о нем он отдельно напишет в конце книги.

⁴⁴ Rostovtzeff M.I. A History of the Ancient World: in 2 vols. Vol. 2: Rome / Transl. from Russian by J.D. Duff. – Oxford: Clarendon Press, 1927. P. 320.

⁴⁵ Ibid. P. 365.

⁴⁶ 1 Ин. 4, 19-20.

⁴⁷ «Он же <Авва Антоний> говорил: от ближнего зависит и жизнь и смерть. Ибо, если мы приобретаем брата, то приобретаем Бога: а если соблазняем брата, то грешим против Христа» (Алфавитный патерик, или Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов / Пер. митр. Евсевия (Орлинского). – М.: Сретенский монастырь, 2009. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Evsevij_Orlinskij/dostopamyatnyeskazaniya-o-podvizhnichestve-svjatyh-i-blazhennyh-ottsov/#0_1).

⁴⁸ Из Послания сщмч. Игнатия Богоносца к римлянам: «Моя любовь распялась (ὁ ἐμός ἔρωσ ἐσταύρωται), и нет во мне огня, любящего вещество, но вода живая (т.е. Святой Дух – Е.А.), говорящая во мне, взывает мне изнутри: иди к Отцу». (Антология: Ранние Отцы Церкви. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1988; URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ignatij_Antiohijskij/poslanie-k-rimljanam/#source).

⁴⁹ Неточная цитата из Ин. 17, 23: *Я в них и Ты во Мне*.

⁵⁰ Kidd V.J. Op. cit. P. 10.

⁵¹ *Донатисты* – инициаторы церковного раскола в Карфагенской Церкви в IV в.; требовали особой праведности от епископата и не признавали таинства, совершаемые недостаточно праведным, с их точки зрения, епископом.

⁵² Не совсем точно приведенный пассаж из «Жизни Константина» Евсевия (Vita Constantini IV, 24): «...Угощая некогда епископов, Константин справедливо сказал, что и сам он епископ (приводим собственные его слова, произнесенные при нас): «только вы – епископы внутренних дел Церкви, а меня можно назвать поставленным от Бога епископом дел внешних» (ἀλλ' ὑμεῖς μὲν τῶν εἰσῶ τῆς ἐκκλησίας, ἐγὼ δὲ τῶν ἐκτὸς ὑπὸ θεοῦ καθεσταμένος ἐπίσκοπος ἂν εἶην) (Сочинения

Евсевия Памфила, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской духовной академии: В 2-х тт. Изд. 2-е. – СПб.: Тип. Е. Фишера, 1848–1852. Т. 2. 1852. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Evsevij_Kesarijskij/ozhizni-blazhennogo-vasilevsa-konstantina/4; греческий оригинал: URL: <http://kharzarzar.skeptik.net/books/eusebius/vc/gr/04.htm>).

⁵³ Еще один неточный (слишком сокращенный) пассаж из того же сочинения (*Vita Constantini III*, 10); Уильямс, по всей видимости, заимствовал эту цитату из английского перевода четырехтомного труда немецкого католического епископа, богослова и историка Церкви Карла Йозефа фон Гефеле «*Conciliengeschichte*» («История соборов») (1855–1874) (*Hefele Ch.J. A History of the Christian Councils: From the Original Documents, to the Close of the Council of Nicaea, A.D. 325. Vol. 1. – 2-nd edition, revised. – Edinburgh: T. & T. Clark, 1894. P. 280*);

хотя Уильямс не дает здесь ссылки, он ссылается на этот труд в следующей, 3-й, главе. Значительно ближе к оригиналу русский перевод: «То был будто небесный ангел Божий, которого торжественные одежды блистали молниями света, которого порфира сияла огненными лучами и украшалась переливающимся блеском золота и драгоценных камней. Таково было украшение его тела. А душа его, очевидно, украшена была благоговением и страхом Божьим, это выразилось в поникшем его взоре, румянце на его лице и движениями его походки. Другие признаки были не менее отличительны, он превосходил окружавших его и высотой роста, и красотой вида, и величественной стройностью тела, и крепостью непобедимой силы» (Сочинения Евсевия Памфила...) Греческий оригинал доступен по ссылке, указанной в предыдущей сноске.

⁵⁴ Деян. 10, 15.

О надежде. О монашестве

О надежде

Христианин не должен страшиться в опасностях, колеблясь в надежде на Бога. Ему надо быть смелым, потому что с ним Господь, устраивающий во благо его дела и укрепляющий во всех напастях, и с ним Святой Дух, учащий даже тому, что отвечать противникам.

Свт. Василий Великий (ок. 330 – 379)

Телесная жизнь ограничивается одним текущим, а жизнь надежды принадлежит душе <и вечности>. Но человеческое неразумие, ошибаясь в употреблении той и другой, пытается продлить телесную жизнь надеждами, а душевную жизнь тратит в наслаждениях настоящего времени. Поэтому-то душа, занимаясь видимым, по необходимости делается чуждой надежды подлинной и действительной; опираясь на непрочное и не овладев им, она не получает того, на что надеялась.

Свт. Григорий Богослов (ок. 325 – 389)

Надежда на будущие блага уменьшает трудности настоящей жизни.

Бог венчает тех, кто надеется, так же, как и тех, кто трудится, бедствует и переносит бесчисленные напасти.

Свт. Иоанн Златоуст (347–407)

Вкушение Даров Божиих рождает надежду, а тот, кто не вкушает, не может быть свободным от сомнений.

Надежда – невидимое богатство; несомненное владение сокровищем прежде получения его.

Надежда есть упокоение в трудах, она – дверь любви; она убивает отчаяние, она – залог будущих благ.

Прп. Иоанн Лествичник (525–595 или 579–649)

...Согретые надеждой не знают скорби.

Человек не может надеяться на Бога, если прежде, по мере сил своих, не исполнил воли Его.

Свет ума порождает веру, а вера порождает утешение надежды, надежда же подкрепляет сердце.

Прп. Исаак Сирин (ок. 640 – ок. 700)

Кто приобрел надежду, тот достиг цели; ему остается твердо держаться приобретенного блага, <...> жить и трудиться в надежде, под руководством надежды и для сохранения надежды. Какая это надежда? <...> Надежда на обетования Божии, надежда на Бога.

Архиеп. Евсевий (Орлинский, 1807–1883)

Надежда христианская дышит молитвой, как воздухом...

Пред. Иоанн Кронштадтский (1829–1909)

...Недоумение лютое объемлет душу, когда хочешь своим умом все предусмотреть, проникнуть в тайну грядущего, неизвестного нам, но почему-то страшного. Изнемогает ум, планы его, средства, изобретаемые им, – детская мечта, приятный сон. Проснулся человек – и все исчезло, сталкиваемое суровой действительностью, и все планы рушатся. Где же надежда? Надежда в Боге.

Преп. Никон Оптинский (1881–1931)

...Большую роль и в монашестве, и в браке играет надежда, понятая не просто как мечта, но как акт ликующей веры, уверенности. Священное Писание нам говорит, что надежда – это уже предвкушение будущего, как вера – уже уверенность в невидимом. Надежда – не мечта о том, что, может быть, в будущем станет лучше. Исходя из опыта сегодняшнего (несмотря на его мрачность и, порой, ужас), видя, что среди этого дня, полного жути, сияет свет, горит любовь, что свет во тьме действительно светит и тьма никакой силой его не может победить, – мы, благодаря надежде, преисполняемся уверенностью, что в конце концов победит свет. Это – надежда наша, и это – вера наша, и на них может вырасти победа любви...

Митр. Антоний Сурожский (1914–2003)

Да будет во мгле
для тебя гореть
звездная мишура,
да будет надежда
ладони греть
у твоего костра.

Иосиф Бродский (1940–1996)

О монашестве

Истинному монаху подобает непрестанно молиться и петь в своем сердце.

Свт. Епифаний Кипрский (310–403)

Монастыри – тихая пристань; они подобны светильникам, которые светят людям, приходящим издалека, привлекая всех к своей тишине.

Свт. Иоанн Златоуст

Те, которые любят жизнь мирскую под монашеской одеждой, низвергаются и падают в пропасти, сами того не чувствуя.

Прп. Симеон Новый Богослов (949–1022)

Быть монахом не то есть, чтоб быть вне людей и мира, но то, чтоб, отрекшись от себя, быть вне пожеланий плоти.

Прп. Никита Стифат (ок. 1005 – ок. 1090)

Инок должен вспоминать ежедневно и по нескольку раз в день о предстоящей смерти.

Затвори двери кельи твоей от людей, приходящих для пустословия, для похищения у тебя молитвы; затвори двери ума от посторонних помышлений. Затвори двери сердца от ощущений греховных и помолись.

Свт. Игнатий Брянчанинов (1807–1867)

Монашество произошло от желания жить в точности по Евангельскому учению. Потому что среди молвы городской и в заботах житейских представляется большое неудобство жить в точности по Евангельскому учению, хотя и все обязаны исполнять оное.

Прп. Амвросий Оптинский (1812–1891)

Келья — могила. Из сей могилы мысленно постройте лестницу на небо... и ходите по ней, восхождение в сердце своем полагая...

Монастырь – общество борющихся с собою Царствия ради Небесного.

Свт. Феофан Затворник (1815–1894)

Когда монашества не будет, то настанет Страшный Суд.

Хорошо было жить в монастыре – когда живешь внимательно, вникаешь во внутренний смысл жизни. Если же видеть только щи, кашу, аккуратное внешнее хождение к службам, одним словом, видеть только внешность, то так жить скучно. А если жить, вникая во внутренний смысл жизни, то увидишь дивную премудрость и глубину во всем.

Прп. Варсонофий Оптинский (1845–1913)

Монашество не правило, исключение из правил, но исключение, без которого Церковь Христова никогда не была бы тем, чем она является.

Свт. Николай Сербский (1881–1956)

Тот, кто не понимает монашества, не поймет и первохристианства.

Сергей Фудель (1901–1977)

<Монашество есть> *трепет*. Трепет по Богу. Трепет перед Богом. Ангельский, святой трепет сердца, духа. <...>

...Всякий может быть монахом – в своем сердце. Это мы видим совершенно ясно в житиях святых, в церковной истории и вокруг себя в мире. Пророк и царь Давид не одну жену имел, а был монахом: имел трепет, да еще такой, что стал самым излюбленным учителем пустынников, великим старцем всего монашества. *Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое!* (Пс. 56, 8) – вот монашество. *Не умолкну ради Сиона и ради Иерусалима не успокоюсь* (Ис. 62, 1) – вот оно иночество Небесного Единого Монастыря – Иерусалима, только образом которого являются все земные монастыри.

Архиеп. Иоанн Сан-Францисский (1902–1989)

...Правильно приходить в монастырь, а не «уходить» туда только лишь от горя. Конечно, есть случаи, когда личная трагедия особым образом открывает человеку волю Божию, но и в этих случаях движущей силой является любовь. Ибо Бог есть Любовь.

Патр. Алексей II (1929–2008)

«Гимн любви» апостола Павла

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется несправедливости, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится (1 Кор. 13, 4-8).

Любовь долготерпит

Настоящая любовь очень терпелива. Связано это с тем, что ради потенциальной возможности находиться рядом и иметь общение с человеком, мы способны терпеть те или иные его немощи.

Терпение всегда имеет смысл. Человек может вытерпеть очень многое, но при условии, что переносимые обстоятельства имеют какое-либо значение. Мучения в аду как раз страшны тем, что они бессмысленны.

Вся наша жизнь строится на терпении. Нас окружают самые разные люди со своими характерами, темпераментами, мировоззрениями. Все это порождает столкновения, порой делающие нашу жизнь невыносимой. Чем сильнее в нас развита гордость, тем тяжелее нам переносить немощи окружающих людей. Чем больше мы требуем для себя, тем тяжелее нам угодить, и от окружающих нас требуется много терпения.

Во всем этом круговороте взаимного терпения мы не помним вот о чем. Бог терпит всех нас, не отказываясь ни от кого. Каждый из нас со своим характером дорог Ему, и за каждого Он пролил кровь на Кресте. Когда мы помним об этом, то гораздо легче становится терпеть и снисходить к чужим немощам.

В помощь нам приходят еще и слова из молитвы «Отче наш»: *И остави нам долги наши, как и мы оставляем должникам нашим.* Если хочешь долготерпения Божия к своим немощам, будь долготерпелив к своим ближним. Почаще смотри на Бога, пореже на себя-любимого. При такой установке терпение приобретает смысл, и мы вместо горделивого снисхождения или презрения к «жалким людишкам» начинаем воспринимать окружающих такими, какие они есть, не подгоняя их всеми возможными средствами под свой шаблон.

Любовь милосердствует

Милосердие – одно из самых неоднозначных понятий. Нередко мы с ним путаем эгоистическую жалость, когда проявляем это чувство ради того, чтобы поставить себе «галочку» в графе «добрые дела».

Милосердие – это шанс для согрешившего против нас человека. Количество этих шансов зависит исключительно от нас и никак не регламентируется Священным Писанием. Слова Христа о том, что нужно прощать до *седмиды семидесяти* – то есть до 490 – раз (Мф. 18, 21) говорят о возможности для искренне любящего бесконечно прощать. Так нас и прощает Бог.

Однако возможно ли бесконечно прощать человека, постоянно и преступно злоупотребляющего нашей к нему любовью? Нет. С нашей стороны должна прозвучать просьба больше так не поступать, и если человек нас не услышал, то ограничить общение с ним.

При этом молитвы о согрешающем не должны прекращаться, чтобы соблюсти слова Христа *молитесь за обижающих вас* (Лк. 6, 28).

Любовь не завидует

Окакой любви вообще может идти речь, если в сердце присутствует зависть? Завидовать – значит сравнивать, значит искать изъяны в ближнем и достоинства в посторонних.

Этим часто грешат молодые пары, женившиеся в состоянии влюбленности и потом остывшие от нее. Вылезают наружу отрицательные стороны характера твоей «половинки», и невольно возникает соблазн сравнить ее с кем-либо.

Да и в обычной жизни зависть способна закрыть нам глаза на те лучшие качества, которые есть в нашем ближнем. Стремясь разглядеть понравившийся нам идеал, мы можем проглядеть множество других положительных черт.

А еще, если мы завидуем, значит считаем себя ущербными, значит жалеем себя, значит хотим удовлетворения нашей гордыни. И это повод обратить внимание на себя: может быть, то, чему я завидую в другом человеке, на самом деле является моими нереализованными возможностями? И может быть, нам дотянуться до этого уровня мешают лишь страх и лень?

Любовь не превозносится

Превознесение человека над кем-либо является признаком гордыни и представляет собой полную противоположность любви.

Превознесение подразумевает возможность использования других людей для достижения собственных корыстных целей. Во все времена самыми желанными для уха словами были «ты этого достоин». И для подтверждения этих слов люди не гнушались ничем.

Превознесение в семье рождает насилие: рукоприкладство со стороны мужа, «выпиливание мозгов» со стороны жены. Лишь немногие семейные пары познают

истинную радость служения друг другу и свои «королевские короны» хранят на пыльной антресоли.

А что же в обычных отношениях? И здесь любовь не превозносится. И здесь к каждому человеку отношение как к созданию Божию. Да, с точки зрения расхожей морали это звучит более чем наивно. Но мы живем не для того, чтобы угодить людям, *в которых нет спасения* (Пс. 145, 3). Мы живем, чтобы угодить Богу.

Любовь не гордится

Настоящая любовь не гордится тем, что она есть. Иначе это превращается в глупое самолюбование. Христианин, гордящийся тем, что у него есть сострадание к ближним и нет открытых конфликтов, подобен девушкам из Инстаграма с тысячами фоточек в одной и той же позе и с неизменно сложенными «уточкой» губами.

Гордящаяся любовь – это эгоизм, это замкнутость на себе самом. Такой любви прекрасно быть наедине с собой, а остальное человечество является либо общим фоном, либо средством для самоутверждения.

Чтобы нам избежать этого ложного чувства, стоит помнить слова Христа, сказанные ученикам: *вы, когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы, ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать* (Лк. 17, 10). Именно в любви мы можем уподобиться нашему Создателю. А если так, то зачем же гордиться тем, что мы и так должны делать?

Любовь не бесчинствует

Что такое бесчинство? Его можно определить как выход за рамки дозволенного, превышение полномочий, срыв «во все тяжкие».

Бесчинство разжигается гордостью, осознанием собственного превосходства над окружающими. Возникает соблазн использовать слабого или более низкого по карьерному или социальному положению человека для достижения собственных целей.

Так почему же любовь не бесчинствует? Потому что помнит евангельский принцип: *во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки* (Мф. 7, 12). Кто из нас хочет быть использованным? Или обманутым?

Человек, имеющий любовь, видит в каждом образ и подобие Божие. Каждый человек – икона. Как противоестественно и недопустимо осквернение иконы, так и бесчинство по отношению к ближнему.

Любовь не ищет своего

Вэтих замечательных словах заключается один из парадоксов христианской веры. Чем больше ты отдашь, тем больше приобретешь. Против этого восстаёт вся наша гордость, весь наш «здравый смысл». И тем не менее, эта истина действует.

По сути, когда мы относимся к людям с любовью, мы тем самым делаем своим должником Самого Бога: ведь именно Он заповедал нам действовать так.

Не ищите своего. Служите людям так, как послужили бы Богу. И не останетесь без награды.

Любовь не раздражается

Подавление чувства раздражения является своего рода «атлетическим инструментом» для любви. Ведь терпеть людей со всеми их немощами очень тяжело.

Нашу гордость постоянно коробит инаковость всех, кто нас окружает. Одним нравится музыка, которую мы терпеть не можем, другие ведут неправильный с нашей точки зрения образ жизни. Таких примеров можно привести десятки. И все это раздражает.

Но нам доступно и лекарство против этого недуга. Терпение. И дарование людям права жить, думать и действовать так, как они считают нужным. То же самое право дает нам и Господь, терпя наше несовершенство.

Потому, когда в очередной раз тот или иной человек вызовет у вас приступ раздражения, вспомните о том, что его любит и терпит Бог.

Конечно, если кто-то умышленно и постоянно досаждаёт нам, то необходимо указать ему на это. Но и здесь необходимо удерживать себя от раздражения, иначе все закончится обычной ссорой и не принесет никому никакой пользы.

Любовь не мыслит зла

Зло и любовь являются противоположностями. А потому не может имеющий в себе любовь замышлять злое. Это так же противоестественно, как если бы огонь вдруг стал охлаждать, а лед – жечь.

Мы мыслим много зла. Нам не нравится внешний вид людей, их манеры и слова. Что мы думаем о человеке, который опаздывает или вообще не пришел на встречу? Какие только мысли не проносятся за это время в нашей голове!

А подозрительность? А неприязнь к посторонним людям, ставшим членами нашей семьи (зятьям, невесткам и их родне)? Только любовь способна быстро свети к нулю все возникающие здесь шероховатости.

Любовь не мыслит зла. Речь идет именно о *нашем* мышлении. В нем должен быть фильтр, не пропускающий всё злобное. Этим и задается направление наших духовных усилий.

Любовь не радуется несправедливости, а сорадуется истине

Почему любовь «сорадуется истине»? Да потому, что для стяжавших дар любви предстоящий Страшный Суд не представляет никакой угрозы.

Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь

(Ин. 5, 24). Вера и послушание Богу, Имя которого Любовь, переводит человека из земной жизни с Ним в радостную вечность. И, значит, на Страшном Суде такому человеку бояться нечего.

Потому любви чужда несправедливость. Она не сортирует людей на полезных, выгодных и бесполезных. Она не выделяет любимчиков и изгоев. Она любит всех и желает *всем спастись и прийти к разумению истины* (1 Тим. 2, 4). Именно в таком состоянии преподобные молились обо всем мире. Именно к такой мере духовного подвига нужно прийти и нам.

Любовь всё покрывает

Отличие любви от страстной влюбленности в том, что она способна преодолевать различные препятствия и нестроения, от которых «конфетно-букетные» чувства разлетаются на куски. Почему? Потому что имеет четкое понимание, зачем терпеть неприятные черты характера близкого человека.

Любовь покрывает собой неизбежные минусы наших характеров. Мы помним, что за всеми житейскими нестроениями есть то главное, большое чувство, ради которого мы готовы нести несовершенство наших ближних.

Также и Бог покрывает всё своей любовью. Один из самых любимых праздников на Руси – это Покров Пресвятой Богородицы. Потому что и Она своей материнской любовью к роду человеческому покрывает наши немощи. И если мы хотим войти в Рай, тоже должны научиться покрывать любовью всё, что с нами происходит в этой жизни.

Любовь всему верит

Это высокое качество основано на особенном свойстве любви видеть образ Божий в каждом человеке и обращаться к Нему. Это взаимодействие происходит на невербальном уровне, и его очень сложно объяснить.

Но любовь *действительно* всему верит. Иногда доходя до абсурда, когда абсолютно ненадежному человеку доверят нечто важное, и это доверие преображает его. Да, такие случаи встречаются нечасто; да, нередко такие люди злоупотребляют доверием. Но чудеса случаются.

Бог верит нам. Он знает силу духа человека и верит, что мы сможем ее проявить и измениться. И мы преображаемся.

Любовь всего надеется

Надежда составляет смысл настоящей Любви. Она, относясь к ближнему, как к самой себе, не может не надеяться на благие последствия. И именно к этому благу и направляет она свои усилия и молитвы.

Она надеется, что каждый встреченный ею человек обретет более совершенное качество, сможет избавиться от той или иной зависимости, сделается Храмом Живого Бога.

Именно поэтому христиане, стяжавшие Дух любви к Богу и к ближнему, при виде согрешающего не осуждают его, а молятся о нем.

Любовь надеется на лучшее. Всегда. А иначе исчезает ее движущая сила. И это самое худшее из всех состояний, которое только можно себе представить.

Любовь всё переносит

Сила любви безгранична. Потому что безграничен Бог, являющийся ее Источником. Неудивительно, что она может переносить всё.

Конечно, речь здесь идет о любви к Богу и к ближним. Другие виды любви не могут всё переносить. Там, где замешан эгоизм, серьезное испытание приводит к разрыву отношений, будь то семья, дружба или просто деловое партнерство.

Переживание каких-либо трудностей обогащает настоящую любовь, позволяет увидеть свои слабые стороны и продумать, как их исправить. А потому никакое испытание не может стать препятствием для этой великой силы.

Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится

Заключительная часть «Гимна любви» говорит нам о том, что даже в самые темные времена, когда не видно никакого просвета, любовь действует. Несмотря на то, что время от времени человечество вгоняет себя в состояние озверения, внимая духам зла, однако эти периоды имеют и свое окончание. И это связано с деятельностью Бога, восстанавливающего мир посредством любви.

Даже во времена Антихриста будет проповедано покаяние и обращение к любви. Книга Откровения говорит, что будут посланы пророки Илья и Енох, которые силой своей проповеди и последующим воскресением после убиения обратят многих людей.

Главный инструмент дьявола – страх. Именно иллюзией своей всесильности он захватывает души людей. Однако стоит противостоять этой иллюзии твердым упованием на Бога, одно из имен Которого – Любовь, и все становится не таким уж ужасным.

«Не так страшен черт, как его малюют», гласит народная поговорка, прекрасно отражая то, как нам необходимо реагировать на приступы страха или отчаяния, время от времени овладевающие нами. И закрепить эту мысль можно словами: *Итак, покоритесь Богу; противостаньте диаволу, и убежит от вас* (Иак. 4, 7).

«Царство Божие – здесь»

Избранные записи последних лет*

Пошел наш дьякон на колокольню, проверить колокола. Приходит с колокольни и улыбается, говорит: на лестнице, ведущей на колокольню (а лестница узка, каменная, старинна и изрядна), – голубица устроила гнездо, сбоку от ступенек, и там два яичка.

А сегодня, пришед вечером после пассива, глянули в окно – а там дождь.

Диковато, конечно: дождь в Минусинске в марте (такие перепады погоды, что давление зашкаливает, и сбить не могу...). Износились погода с природой, видимо. Но штош.

Жизнь жительствоует, весна веснствует.

«Господи, помоги мне побороть мои греховные страсти!..»

Вроде бы нормальное православное воззвание, так и должно же быть, да?

А если приглядеться.

«Помоги!..» – типа это же я, я борюсь, а Ты просто пособи немного, а то рук у мастера не хватает, стремянку поддержи, подай-ка молоток, отойди и стрельни: ровно?

Или еще такое: «помоги побороть!..» – а дальше там запятая и: «...чтоб я снова мог быть доволен собой!», такое беспримесное фарисейство, чистое и наивное, как Лунтик.

Смиряться с собой, терпеть себя, увидеть, познать и принять себя-в-немощи, отдать себя Христу – как это?!.. немисливо.

Веры, о которой говорит Барт в «Послании к римлянам»**, нигде в себе обнаружить не могу.

Что я имею в виду: самость безотчетно, горячечно (как сквозь туман в парной, особенно такой, как если хмельным пивом поддавать на каменку) уверена, что мое движение к Богу, моя вера – это «моя» вера, что ее источник – естественным образом во мне. Но вот этими всеми моими грехами, немощами и паденьями – и чем

* Продолжение. Начало в №№ 2–4 (XLIII–XLV), 2017; 1–4 (XLVI–XLVIII), 2018; 1–4 (XLIX–LI), 2019; 1–4 (LII–LIV), 2020; 1–4 (LV–LVIII), 2021; 1–4 (LIX–LXI), 2022; 1–2 (LXII), 2023. (Примечания ВС.)

** «Послание к Римлянам» («Der Römerbrief», 1918–1922) – комментарий швейцарского кальвинистского теолога Карла Барта (Barth; 1886–1968) к посланию апостола Павла к Римлянам.

далее годы жизни, тем отчетливее, – словно приоткрываются во мне все новые и новые (старые, с заржавелыми петлями и заедающими замками) дверки в клетушки, и там зажигают свет: видишь, и тут веры нету, и тут ее нету, и тут один хлам (а ты думал, драгоценности), а веры-то нету.

И чем дальше, тем (неуверенно, робко, – но все-таки, все-таки) больше – произрастает «из-под глыб» некая радость: вера-то есть, вот она, но раз она не «моя», раз она вообще, с точки зрения моей самости, невозможна, – значит, она Божья, значит, это мне подарок, значит, Ты – на самом деле и подлинно.

Таков человек, что при чтении даже самых возвышенных образцов литературы могут прийти ему в голову мысли самые дурацкие. Например, перечитываю «Историю моих бедствий» Абеяра, дохожу до фразы: «...где она и проживала у моей сестры до тех пор, пока не родила сына, которого она назвала Астролябием», и думаю: «Не знаю насчет Абеяра, но ребенку с таким имечком жить – точно бедствие».

Сергей Довлатов, «Ремесло». Из «Открытого письма редактору газеты “Слово и дело”»:

«...Мы поняли одну чрезвычайно существенную вещь. Советские лидеры – не инопланетные. Не космические пришельцы. А советская власть – не татаро-монгольское иго. Она живет в каждом из нас. В наших привычках и склонностях. В наших пристрастиях и антипатиях. В нашем сознании и в нашей душе. Советская власть – это мы.

А значит, главное для нас – победить себя. Преодолеть в себе раба и циника, труса и невежду, ханжу и карьериста.

Вы пишете: “Есть только один враг – коммунизм!”

Это неправда. Коммунизм не единственный враг. Есть у нас враги и помимо обветшалой коммунистической доктрины. Это – наша глупость и наше безбожие. Наше себялюбие и фарисейство. Нетерпимость и ложь. Своекорыстие и продажность...

Когда-то Иосифа Бродского спросили:

– Над чем вы работаете?

Поэт ответил:

– Над собой...»

Кто-то перечитывает Довлатова как высокий образец изящной словесности, кто-то – как сборник афоризмов и анекдотов, кто-то даже – как архивный «документ давно минувшего времени».

А я, перечитывая, всегда внутренне озираюсь: не смотрит ли случайно кто-то в этот момент мне через плечо в эту книжку, на читаемого мною Довлатова, – одинокого, печального, веселого, умного, честного, отважного, по-человечески немого и слабого, и ни в одну-то эпоху, в какую довелось жить нашему человеку, ни при одном-то златом веке и общественном укладе, никому из истеблишмента не удобного, – с подозрением и неодобрением, готовый позвать дружинников...

Христос воскрес!

Вот и время пролетело, осталась одна неделька Великого поста.

(Чуть не опечтался, написал было: «Великого роста».

А впрочем, чего ж.

Великий рост.

Поливает нас Господь, удобряет щедро.

Время от времени наклоняется, спрашивает:

– Ну вы там как? Растете?

– Растем-растем, Господи! – торопливо и растерянно, как Варенуха, бормочем мы. – Истинным... то есть я хочу сказать, ваше ве... сейчас же после обеда...)

– О!.. Сколько лет не виделись!

– Давно, да..

– Солидный какой стал!..

– Да чего там, просто старый!..

– Нуу нет...солидный, солидный! Живот вон даже появился, как это у вас называется? – а, «аналой»!.. Нет-нет (тут же говорит торопливо, как бы извиняясь), ты не подумай, тебе идет!..

– Да я и не думаю! Я теперь, например, вот так могу.

В этом месте рекомендую выпятить живот еще больше и на нем шлепками ладоней отчетливо и узнаваемо исполнить начало «Шутки» Баха.

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

Я стал доступен утешенью;
За что на бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!*

То, что скажу далее, – это безо всякого пафоса, просто констатирую: вот у меня примерно такое же чувство бывает, когда стою у аналоя на исповеди, читаю человеку разрешительную молитву: Господи, Ты и его отпускаешь на свободу – и, может, и меня грешника, ради него.

О голубях.

Много голубей живет при Спасском соборе; в последние же дни, пользуясь тем, что скоро уж год как идет реставрация здания и в некоторых окнах пока еще нет стекол, пара голубей любила жить под куполом в районе иконостаса.

«Жить» – означает вылетать в дыры в поисках пищи, отведав же оной, исправно возвращаться внутрь и меланхолично гадить с высоты, помечая белым как солею, так и часть алтаря, ибо между иконостасом и алтарной стенкой имеется широкая щель.

На возгласы снизу типа «кыш! кшли! а ну!» и прочее такое же Божии создания нимало не реагируют; изловить же эту пару, взлезши/взлетев под купол на высоту примерно трех этажей, ни у кого нет никакой возможности.

* Стихотворение Пушкина «Птичка» (1823).

Реакция служителей алтаря на ситуацию – самая разнообразная, от смиренно-покорного: «Всякое дыхание да хвалит Господа... Великий ведь пост, искушения, надо, братия, претерпеть...» до простодушных: «А что, как там по канонам, в храме из рогатки никогда-никогда стрелять нельзя?», инженерно-технических: «Что если попросить у кого-нибудь дрон?» и прямо издевательских, типа предложения тем, кому не нравится, служить, имея в одной руке зонтик.

Мнение голубей обо всем этом по-прежнему неизвестно. Сегодня, например, во время литургии они мало того что картинно расположились вдвоем на самом виду у всех, на старинной недействующей печи близ клироса (но по-прежнему в пределах недосягаемости), так еще и имели наглость заниматься там любовью.

«Тогда руководящие священники и фарисеи созвали собрание синедриона и сказали: “Что нам делать? Ведь этот человек творит много чудес. Если мы позволим ему продолжать, все поверят в него, придут римляне, разрушат Храм и уничтожат народ”»*.

Лишь бы всё наше – сохранилось как есть; лишь бы ничего из нашего – не переменялось...

Ничто так не страшно человеку, как перемены и невозможность удержать нечто таким, как оно есть, не то что навсегда, но хотя бы на максимально долгий срок.

Ничто так не благословлено Богом в этом падшем, пропитанном смертью мире, как перемены.

Если останусь таким как есть, «сохраню себя» – мой четверодневный Лазарь останется в пещере и сгниет окончательно. Я должен вступить в перемены, вступить их в себя и стать – другим.

(Важное: стать не «другим» в смысле «кем-то еще», кто уже есть в наличии «где-то» – но стать именно собой «другим», то есть истинным самим собой, которого еще нет и не бывало нигде. Позволить Богу сотворить себя-нового из моего ничто, коряво говоря).

О подражании Христу.

Как Ему подражать?

Наверное, один из способов такой: стараться оставлять своим ближним только милость, а себе оставлять крест.

Подумал вот о чем (об этом, кстати, писала и Дарья Сивашенкова в книге «Вот Иуда, предающий Меня»**): не стоит в речи яростно употреблять троп «иуда» по отношению к кому-либо из людей или сравнивать свои грехи с предательством Иуды. Его случай – предание Бога на убийство – единственный в истории. И с отступничеством Петра он не схож, как верно замечено у Дарьи Сивашенковой, Петр не предать Христа на смерть хотел, а своих человеческих силёнок не рассчитал. Приходя на исповедь, не стоит и себя сравнивать с Иудой и предаваться мечтательному самобичеванию, но свои мелкие и большие пакости называть трезво,

* Ин. 11, 48.

** Сивашенкова Д. Вот Иуда, предающий Меня. Мотивы и смыслы евангельской драмы. – М.: Никея, 2020.

ясно и просто, как есть. Непременно помня, что Христос – жив, и среди нас, и может и хочет нас от всего этого избавить, лишь бы сами Ему не мешали.

Народного языка живаго.

Ехал как-то утром в автобусе. Впереди сидят две старушки.

– Вот полные автобусы утром. И куда-то всё едут, едут. Старичья причем полно, эти-то куда едут?!

– Да они только кряхтят. Их никакая холера не возьмет. У нас соседка на втором этаже, ей под девяносто. Тут вся изболеется, а она ходит в церкву да помаливается, и хоть бы хны. Ищцо мимо пройдет, дак вот так сквааасится: «Доброе утро!». Доброе ей утро. Бывают же вот такие вредные.

Например, еще такое представляется: среди ангелов, которых Денница подбил на мятеж, всякие были. Был один, скажем, не так уж исполненный сатанинской гордыни, и скорее даже сам по себе незлобивый, а просто не шибко большого ума и не в меру доверчивый к обольщениям (моя бабушка, видимо, вспоминая какого-то деревенского дурачка из своего уральского детства, говорила мне в сердцах по тому или иному поводу: «Тьфу, вот Савося-то полоротый!»). Когда этому ангелу назидательно говорили, действуя методом сократическим, что вот мол, если все эти нечестивые скопом пойдут топиться, дак и ты тоже что ли с ними, Савося только шмыгал носом да глуповато ухмылялся щербатым ртом, а как назидатели отвернулись, так и побежал, поддегивая штаны, за старшими хулиганами. Однако, увидя, к каким страшным последствиям привели действия коллектива, Савося все-таки перепугался и, может быть, успел раскаяться небольшою своею совестью в сердце своем, потому хотя и был вместе со всеми в наказание превращен в змею, но не совсем в черную какую-нибудь мамбу, песок и пыль грызущую бессильно, а в мирного и неядовитого ужа; потому и человек издревле имеет от Бога заповедь главу змия попирать, но ужиков не обижать.

(Перелистывая излюбленные места Мильтонова «Потерянного рая», в переводе Аркадия Штейнберга).

Встретил в ленте текст с фразой: «Кажется, Бог разуверился в нас».

Мысль не новая и вполне понятная. Если поглядеть, что мы, люди, творим вообще, ныне и третьего дня, и какие планы чего бы натворить строим на завтра.

Но какая-то все же эта мысль некачественная. Воспаленная.

И – ложная.

Думаю, вот почему: чтоб Бог «верил» в нас, прям тужился, терпел, но верил, надо, чтоб у Него на наш счет были какие-то планы и какая-то цель, и вот мы это всё не оправдали, и цель накрывается медным тазом, и Бог не добился через нас чего Он там хотел, и вот – разуверился.

Но у Бога нет никакой такой особо для Него важной и первостепенной «цели».

Его цель – это мы сами и есть.

И разувериться Он – никогда не разуверится: если кто и верует и, что бы там ни было «с родиной и с нами», не предаст своей веры и постоянен, так это Он.

Из переписки, посвященной вопросу определения, что такое христианство: «В такие времена, как нынешнее, особенно бывает заметно, что христианство в поле общественного обсуждения христианства – то, о чем молчат».

Прочитал о взрыве на Каховской ГЭС, о затоплении, о том, как в наводнении погиб зоопарк с животными...

Что мне больше всего противно в «Гамлете»? То, что отец использует сына как инструмент в собственных целях: мсти, сынок, клянись жизнь положить на это. Нет, я понимаю: невинно убиен, измена, мучения души, не могущей упокоиться, и всё такое, но... ребенку-то зачем жизнь ломать всем этим (про всякое там потерпеть-простить-смириться я вообще здесь не говорю)? Типа вот моя проблема – она же взрослая, настоящая, пуп земли и неба, а «твое»... какое еще «твое», мальчик, ты про что вообще. А рухнут ли в результате эти самые земля и небо, и твоя, сынок, жизнь заодно – да вообще вопрос не стоит, на тебе бремя большого белого человека, на твои хрупкие плечишки, это же и есть преемственность и ценности. (Я всё понимаю, и про Шекспира, и про время-такое-было, и про сакральность трона, и что отец не приказывает, а вроде как давит на жалость, и еще про всякую сопряженную, не к ночи будь помянута, проблематику – вот тоже словцо-то скабрёзнейшее!.. – и тем не менее).

В гибели диких животных есть нюанс, – по крайней мере, мне такой нюанс тут мнится: они все-таки живут и погибают относительно свободными. Что не может не вызывать некоего уважения, что ли. Погибает лиса в горящем лесу, пытается спастись, иногда и спасается, иногда – нет, Творец, сотворивший ее, принял ее обратно. Убил индеец на охоте оленя – отдал ему честь, проводил словом в поля блаженных, с достоинством поблагодарил за мясо и шкуру. Вот что-то такое, какая-то такая сквозит нота... Гибель животных домашних (и одомашненных тоже) – раздирает сердце по-особому: они полностью зависят от того, кто их приручил.

Выпученные глазенки, раззявленная в агонии маленькая пасть, слипшаяся шерсть, коготки отчаянно цепляются за штанину, – за кого еще цепляться рожденному и воспитанному в зоопарке, как не естественным образом за своего бога и создателя, за человека. А тот: извини, не до тебя сейчас, тут уж *взрослые* проблемы. Не до детей.

Вот этих, совершенно безответных, жальче всего. Они как библейская трава: сегодня цветет – завтра будет скошена и брошена в печь. А если разобраться, за что? За всё то же грехопадение и проистекшие из него последствия. В которых мы и тоном по сей день, как в наводнении.

Короче, мсти, Гамлет. Накручивай трагедию, наворачивай кишки, свои и миллионов других детей мира сего, на Великие Ценности Большого Белого Человека.

В одном посте в ФБ зашла у нас речь про Моцарта и богословие; поступил вот такой комментарий: «Когда кто-то назвал Бенедикта XVI «Моцартом богословия», я подумал: а ведь может быть Бетховен богословия (богоборец), Вагнер (тяжеловесный антисемит), Мендельсон (противоположность Вагнеру), Лист (виртуозный, но неглубокий) и даже Малер (страдающий от своего неверия атеист)».

Э, да что там, подумал я, мы видим нынче и Олегов Газмановых богословия...

Неделя святых Русской земли. Вот сегодня, давая крест после литургии, про эту русскую святость и говорил. Про кротость, милосердие, смирение, жертвенность, невзрачность, нефанфарность, сирость. Про то, что русской святости гордиться и превозноситься нечем и негоже, что символ ее, нестеровский, – береза, а чем березе гордиться, дерево она неподелочное, чай, не корабельная сосна и не кедр ливанский, не сандал какой-нибудь: только что в печи жарко горит да красивая... Про первых русских святых Бориса и Глеба да про юродивых и блаженных, которых в свое время дурачками считали и которых у нас в святцах много. И о том, что всё это – ради Христа, и хорошо бы нам вспомнить Его заповеди да к себе применять, и в молитве к русским святым просить об одном: чтоб стали вместе с нами на колени да помолились Богу – о нас самих, о нашем преображении из алгимейского вида* в человеческий, а там и в христианский.

В каком-то смысле, с Богом разговаривать проще, чем с любым из людей: Он единственный говорит именно с тобой, а не пользуется тобой как объектом для выражения себя и своего, Он ведет с тобой подлинный диалог, а не, по выражению Гаспарова, «нашинкованный монолог». Но с Ним говорить и гораздо труднее, чем с любым из людей: Он требует диалога и от тебя, от Него невозможно отгородиться монологом (вернее, может, и возможно, но Он будет совершенно против этого и нелицеприятно даст тебе это понять, в отличие от собеседника-человека).

Единственное в мире, что стоит изменить, что непременно нужно изменить, но изменить никак невозможно, – это человек, каждый. Потому мир остается и останется таким, каков есть, до самого его конца и Суда.

Сегодня в календаре – память святителя Иоанна (Максимовича), архиепископа Шанхайского и Сан-Францисского.

Рассуждая о том, кто такие блаженные и юродивые, одни видят в этом форму эпатажа, вызова миру, «чтоб не быть как все», другие – форму защиты от мира, «включай дурака, и авось не тронут». И те, и другие – отталкиваются именно от мира как от столпа и основания. Сами же блаженные и юродивые (как условна вся эта агиографическая табель о рангах!..) вовсе о таком не думают, они просто живут, пребывая самими собою: их столп и основание – не мир, но Христос.

«Селфи», самоснимки.

Записочки, наполненные ежедневными пристальными наблюдениями над собою и приносимые на исповедь, иногда напоминают мне селфи души: вот тут – душонка, а тут – ничего так, душечка.

«– Значит, я тоже служу суду, – сказал священник. – Почему же мне должно быть что-то нужно от тебя? Суду ничего от тебя не нужно. Суд принимает тебя, когда ты приходишь, и отпускает, когда ты уходишь»**.

Помню чьи-то слова (кто сказал, не помню, но помню, что – человек, пережив-

* Алгимей, алгмей – мучитель, смутьян (др.-рус.)

** Франц Кафка. «Процесс» (1925).

ший сталинские времена), примерно такие: «Читал я Кафку... Ну, этому Йозефу К. еще повезло, из него не выбивали показания на друзей и знакомых».

В библиотеку при Спасском соборе приносят всякое, не нужное приносящим. Периодически производим ревизию.

Из самого замечательного, что приносили не так давно – седьмой номер журнала «Волга» за 1991 год, где полностью напечатан «Сын Человеческий» о. Александра Меня, и увесистую Новую Женевскую учебную Библию 1998 г. изд.

А сегодня принесли номер журнала «Наука и религия», который когда-то был атеистический, а ныне – попово-окультуренческий; открыл журнал, прочитал, что музыка Моцарта – лечебная, а Патетическая симфония Чайковского – убивает исполнителей; закрыл журнал, отнес в бочку для сожжения бумаг.

Как-то остро почувствовалось и осозналось сегодня, после отпуста литургии, когда беседовали с собравшимися в храме: явление Павла из Савла, именно в качестве апостола, было не только чудесно, но и совершенно необходимо. Христианина, никогда не видевшего Христа в земной жизни, но встретившего Его живого. Если бы не было Павла, а Пётр и его поколение ушли бы из земной жизни, а потом ушло бы и следующее поколение – тех, кто видел Петра, и следующее – тех, кто видел видевших Петра, и так далее, – могло бы христианство превратиться в благочестивое и прекрасное предание, стать просто одним из культов, а потом и вовсе выродиться и одряхлеть?.. Кто знает? Возможно, вполне.

Конечно, «если бы да кабы, то в лесу б росли гробы»; сослагать и тем более фантазировать не станем, оно ни к чему, да и скучно, – но, думаю, вот в этом месте состыковки людей и поколений: «видехом Господа» – «верю, ибо вижу вот сейчас» – кроется какой-то очень важный, даже болезненный, момент. Именно это Павел пламенно проповедовал Церкви, пламенно же ее устроая (до того пламенно, что злопыхатели усмотрели повод говорить о «церкви Павловой», противопоставляя ее «церкви Христа»): Сам Христос – превыше и переданного Предания, и писанного Писания, потому что Он – жив, Он – здесь и сейчас. И каждый, кто только хочет, может встретить Его и быть с Ним.

Вопрос с Правмир.Дзена: «Может ли христианин давать клятвы?».

Ответ:

Христианин ищет основание своим действиям прежде всего в своей христианской вере. Откроем Евангелие от Матфея, главу о Нагорной проповеди, в которой Христос Спаситель говорит: *Еще слышали вы, что сказано древним: «не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои». А Я говорю вам: не клянись во все: ни небом, потому что оно престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным. Но да будет слово ваше: «да, да»; «нет, нет»; а что сверх этого, то от лукавого (Мф. 5, 33-37).*

Ему вторит соборное (то есть написанное не для какой-то одной общины, а ко всем христианам) послание Иакова, первого иерусалимского епископа, называемо-

го «брат Господень»; в нем обозначены важнейшие нравственные и духовные критерии поведения христианина: *Прежде всего, братья мои, не клянитесь ни небом, ни землей, ни какой-либо другой клятвой. Пусть ваше «да» будет настоящим «да», а ваше «нет» – настоящим «нет», чтобы вам не быть осужденными* (Иак. 5, 12).

Что это означает? Во-первых, то, что человек, клянувшийся чем-то, утверждая, что то, что он говорит, – истина в последней инстанции, тем самым ставит себя на место Бога, ведь только Сам Бог есть Истина, а такое если и не прямой грех, то огромная глупость.

Во-вторых, если человек дает какую-то клятву, имеющую бытование в светском обществе, например, клятву Гиппократа, воинскую присягу, присягу как свидетель в суде и так далее, то он должен вспомнить мудрую народную поговорку: «Не давши слова – крепись, а давши – держись», но прежде всего, конечно, если он христианин, оценить, не нарушит ли эта клятва заповеди Божией, не погрешит ли он, дав клятву, против Бога, своей веры и совести.

Ну и в-третьих, есть хорошее мудрое правило людей, опытных в духовной жизни: Богу лучше ничего не обещать и тем более не клясться: «Всё, с понедельника – больше ни разу не согрешу, даю обет!..», у Бога лучше просить, с трезвением, покаянием и смирением: «Господи, я хотел бы не грешить, хотел бы, чтоб было так-то, но я немощен, клясться и «зуб давать» не буду, а Ты Сам – помоги и управь, да будет воля Твоя!».

Выражение «домашняя Церковь» довольно затерто в православной среде и вызывает некоторую изгагу.

Между тем, выражение это, по сути-то дела, правильное, Сам Христос так и говорил: *Где двое или трое соберутся во имя Мое, там и Я между ними**.

Во имя Христово – вот что важно.

Не любая семья уж сразу и Церковь – а собравшаяся вокруг Христа; а вот это явление, согласитесь, вовсе не «затертое» – не так уж много вижу я таких семей; есть, но совсем немного...

«Днесь, благовернии людие, светло почтим/ седмерицу честную царственных страстотерпец,/ Христову едину домашнюю Церковь» – из тропаря св. страстотерпцам.

Помню, много лет назад, вероятно, еще в эпоху ЖЖ, в комментариях на меня накинулся какой-то комментатор, желчно и яростно изливаясь и на царскую семью, и на их канонизацию, приводя доводы вы и сами знаете какие, этим спорам уж сто лет в обед... От политики и монархической идеи я далек, и темпераменту у меня такого нету, потому не мог и не хотел с ним спорить в том же стиле; но, помню, пришло в голову ответить: «Ваши нападки, волей-неволей, показывают одно: эти люди как были страстотерпцы, тогда, в доме Ипатьева, так ими и остаются поныне».

Сегодня 130 лет со дня рождения Владимира Маяковского.

В школе и потом в юности – терпеть его не мог, так нам его навязывали на уроках литературы (и не его одного)... Так что спасибо жизни, что оказалась длинной, токсины успели выйти, и была возможность познакомиться с Маяковским заново.

---

* Мф. 18, 20.

К Маяковскому – ни любовь, ни нелюбовь... Но и не равнодушие, чем-то он берedit; не могу быть равнодушным и к его жизни, и к его творчеству. Есть такой у меня критерий, один из (конечно, пререкаемый и примитивный, как и все критерии, но все же): вот есть замечательные поэты – а их стихи совсем «не мое», и не помню из них ни строчки; а из любимых – помню. Маяковский здесь – из исключений: не из любимых – а впечатано в память многое.

Из комментариев к этому посту.

– У Маяковского талант – как у Грибоедова: огромное количество очень удачных крылатых выражений в язык запустил, но – не поэт (публицист, акционист, contemporary artist, кто угодно, но не поэт).

Соображение в ответ:

– На крылатые выражения поэта раздергивают – поколения читателей и цитирователей. Раздирают книгу на листы, наделяют из нее крылатых самолетиков, запускают с балконов. Вот и разодрали на афоризмы, вот и поехало-пошло в ход, вот и пошло... А поэзия – жива и продолжает поражать; из того же Гомера чего только не надрали, – отставить всё это в сторону да открыть лучше «Илиаду».

Практически у всех народов христианской ойкумены есть предания о сотворении мира и человека, в которых библейские мотивы тесно переплелись с языческими, гностическими и всякими. В них постоянно дьявол участвует в творении наряду с Богом, не просто как враг, но и как сотрудник, однако сотрудник неумелый, туповатый и вздорный, такой подросток с огромным самомнением, которого отец отсадил от компа и привлек помогать в созидательном домашнем труде.

Например, в книжке Наталии Осояну «Румынские мифы. От вырколаков и фараонов до Мумы Пэдурий и Дракулы» рассказывается, что первого человека из глины вылепил именно Нефыртат (что значит «враг рода человеческого»), но не смог вдохнуть в него жизнь. Пришел Бог, сказал: «Э, учись, косорукий!», отодвинул Нефыртата в сторону и легко и изящно вдохнул в человека дыхание жизни. Тогда Нефыртат в досаде заплевал всего человека, а Бог в ответ не придумал ничего лучшего, как вывернуть человека наизнанку, слюнями внутрь, чтоб не видно было; так и живут с тех пор люди – и дух Божий в них есть, но и греховные слюны вражды внутри таятся.

Ну, собственно, про что мне напомнила эта побасенка? Про то, что плевать – некрасиво. Само это выражение «фу, как некрасиво!» тоже мне нравится; не знаю, как нынешние родители малым детям, а в нашем детстве наши – нам так часто говорили; «некрасиво» – не просто неэстетично, а и неэтично, недостойно человека; тут и калос, и кагатос, такое добротолубие.

Мне бабушка говорила в детстве: «Будешь плевать – губы обметает, обпаршивеешь!», и бывала, как всегда, права, ибо всякий грех сам в себе несет наказание.

Ни один самый великолепный храм не изумляет меня больше, чем человек. Разрушение ни одного храма, со всеми его святынями, не причиняет мне боли больше, чем разрушение человека. Не абстрактного, – живых и конкретных людей.

Сегодня – день Крещения Руси.

Сегодня с амвонов, как это говорил Павел – «многократно и многообразно», снова и снова, говорится про это событие.

И мы с вами здесь ничего нового не скажем, ибо что на эту тему можно сказать такого, прежде неслыханного.

Разве что поделимся друг с другом такими двумя соображениями:

Первое. Обращаясь с молитвой к нашим святым, и к князю Владимиру, и к другим соотечественникам, будем деликатны и осторожны, особенно в выражении безапелляционного ликования: глядя на то, чего они накрестили и как живут ныне их потомки (даже те 2% воцерковленных христиан из 75% крещеных, проживающих на территории современной России, о каковых соотношениях нам рассказали несколько лет назад въедливые считари, – помните козленка из старого мультика, который «всех нас посчитал»), думаю, нередко проливают они о нас горькие слезы.

И второе. Так или сяк, знает там история сослагательное наклонение или нет, а не будь князя Владимира, не будь его личного диалога со Христом, его личного выбора и поступка – может, не было бы и тех храмов, в которых мы теперь имеем радость пребывать на литургии, и тех печатных Библий, из которых мы читали Слово Божие, да и нас самих в качестве христиан. Нас самих, перед которыми сегодня и сейчас стоит та же задача – сделать свой личный выбор и завести свой личный и ответственный разговор со Христом, который еще, наверно, позавчера надо было завести, пока не поздно... Соображение, конечно, очень пререкаемое, признаю, – но оно таки есть.

Так что – с праздником вас.

И Ты, Господи, и все святые – не оставьте нас.

Вот интересно: как-то вдруг возникла в голове мысль, что милосердие – дело добровольное, оказывать его ничто никого не обязывает.

И еще: из притчи о милосердном самарянине никак не следует то, что скрыто, неосознанно, оказывается, таки сидело глубинным герпесом в слизистых моей самости: что самарянин, совершив свое милосердие, естественным образом уж если и не получил награду от Бога, то всяко остался при своем благополучии, и вот снаружи – всё то же геенское пекло израильского лета, а он такой вернулся к себе в комнату под кондиционер, налил стакан прохладного чая с мятой, вытянулся в кресле, удовлетворенно вздохнул...

Наоборот. Оказал милосердие – и на тебя могут обрушиться совершенно, как мы это называем, несправедливые последствия в виде скорбей, унижений и непопятков... Последствия, ломающие ход твоей жизни (это я сейчас в ленте прочитал у кого-то из опять же израильтян, что «сильный ветер за окном ломает хребет жаре»). При одном только условии: если милосердие – настоящее.

У нас в воскресной школе живет группа голубей, их разнообразно кормят, они считают территорию школы своей обкаканной вотчиной. Недавно повадился ходить к нам через забор от соседей большой рыжий кот; одного голубя он поймал и съел, а второго – фиг, потому что голуби сразу стали научены горьким опытом. Как только является кот – они устремляются на водосток, на край крыши, и высаживаются там в ряд. И со скорбным смирением одним глазом глядят на кота вниз, а другим – вверх, потому что там начинает нарезать медленные круги коршун... Не так ли и мы – притутулились на утлом водостоке жизни, на грани кое-как, и исполнились скорбного смирения.

Призывая Бога показаться и отвечать, примерно как призывал Иов, я сильно риску – невозможно увидеть Бога и остаться в живых. Начало премудрости – страх Господень; если даже обычного кита, всплывшего вдруг из океана перед плотиком, на котором уцепился человек, невозможно, думаю, лицезреть и чувствовать без риска сойти с ума от ужаса, то уж Бога-то и подавно.

Бог стал человеком – но не только для того, чтоб Бог стал повыносимее, а человек мог общаться с Богом поближе (хотя и для этого тоже), ну и не просто потому, что Бог так восхотел, и кто Ему воспретит, а еще для того, чтобы возлюбленный Богом («Господи, да что же это за любовь-то Твоя такая?!» – ну-ка, кто из нас не вопил в отчаянии время от времени?) человек наконец уже пришел в себя и обожился, то есть научился быть/оставаться человеком; ведь научиться оставаться человеком – единственный способ стать богом по благодати. То есть Христом человеку предложен *путь*, посильный и конкретный, и это замечательно, спасительно и мудро: путь – вместо новых и новых попыток добраться до крайних основ бытия и лицезреть в них Бога как Он есть, то есть, по сути, все тех же попыток строить очередную башню до неба, взирая на светила и споря с громами.

Итак, вместо иовских «проклятых» вопросов (все же не могу не заметить, крепкий был мужик этот Иов – Сам Бог ему явился, и он выжил, не лопнул от страха Божия и восторга; впрочем, он еще и вовремя додумался закрыть рот и раскаяться в прахе, вот еще почему) – предложен конкретный вопрос: «что делать?», и ответ: «идти». Куда? – за Мной, говорит Христос.

Но и это путешествие со Христом, знаете ли...

Вот мы идем; на пальцах одной руки подсчитываем грехи и скорби, на пальцах другой – бонусы духовные; всё нам за две тыщи лет святые расписали, все путеводители составили; всё на пути вроде бы человеческое и (пока что) по мерке, всё та же земля под ногами, – но всё-таки понятие «страх Божий», не всегда популярное среди современников, по-прежнему важно иметь, и не как понятие, а как добродетель, ведь мало ли что.

Во-первых, хотя никто нас больше вроде не пугает видами невыносимого и неизмеримого, нам и тут хватает испытаний: в этом путешествии со Христом никто, кто в него пустился, никто не вернется туда же, откуда вышел. Взгляни на то, что называл ты «домом», простись с ним – ты видишь его в последний раз (только прощайся недолго, помни Лотову жену).

И иди.

И нет, тебя не обманывает ощущение, что иногда земля уходит из-под ног – это всё тот же океан, и тот же гигантский кит, только теперь ты у него на спине, громадной, скользкой, ходящей вверх-вниз, как палуба в шторм (инстинктивно ищешь уздечку или просто – за что уцепиться? – а нету, мой ты золотой. Доверие, только доверие – твое естественное, соединенное с Его вышестественным).

И другое стойкое ощущение, что ты понятия не имеешь, куда всё это тебя приведет, – тоже довольно верное.

Твоего маленького понятия, в твоей пока еще маленькой голове.

Ловушки Евы

Негодных же и бабьих басен отвращайся, а упражняй себя в благочестии, ибо телесное упражнение мало полезно, а благочестие на всё полезно, имея обетование жизни настоящей и будущей (1 Тим. 4, 7-8).

«Суперблагочестие»

Время от времени в церковной среде возникают явно завышенные требования к духовной жизни христиан. Этому сложно противостоять, поскольку последуют обвинения от церковной общественности: «Ты что, против большего благочестия в жизни?!». Да нет, не против. И приходится, почесывая голову, соглашаться на необходимость «большого подвига».

Мне кажется, что каноническая практика и церковный устав возникли как реакция на эти неумемные и непрестанные призывы стать сразу всем равноангельными немедленно, в течение ближайших трех месяцев. И чаще всего исходят они именно от верующих женщин.

Откуда возникают эти требования и в чем их опасность?

...Второй грех Евы был в том, что она переврала Божью заповедь. Ну, Божья заповедь-то была: не вкушай плода от древа познания. Чего Ева говорит? – Не прикасайся к древу познания. Это первые слова женщины на земле согласно Библии, и тем более знаменательно, какие они оказались. Есть удивительный феномен женской религиозности. Женская религиозность очень часто оказывается более жестока, нежели религиозность мужская. Женщины очень любят выдумывать сами для себя и для окружающих новые заповеди, правила: нельзя свечку через левое плечо передавать, тут перед иконой нельзя проходить, там на коврик нельзя наступать, – и пошло-поехало. Ни в одном Законе Божиим этого не прочтаете, это только бабушкина академия.

Ну, опять же вспомните, девушки, из храма, не из Эдемского сада, но из храма вас выгоняли наверняка из православного? Кто этим занимается? Монахи за вами бегают, что ли? Нет, свои же товарищи по полу. Так вот и первый религиозный поступок женщины на земле – самовольное ужесточение Божьей заповеди. А это очень опасно. Потому что, ужесточив Божью заповедь, жена делает себя беззащитной перед пропагандой Сатаны...

(Диакон Андрей Кураев. «В чем провинились Адам и Ева?»)

Мне как «практикующему» священнику как-то сразу, еще в начале служения в сане, стала бросаться в глаза эта особенность духовной жизни прихожанок, ког-

да привычные нормы христианского благочестия не только усиливаются в плане аскетичности, но еще и вменяются в обязательное и неукоснительное исполнение. Разговор о женщине здесь больше условен, и то, что будет дальше сказано о женщинах, можно применить и к значительной доле верующих мужчин.

Так, некоторые сестры требовали, чтобы *все* христиане придерживались однодневных постов на неделе не только в среду и в пятницу, но еще обязательно и в понедельник.

В другом случае традиция, не имеющая канонического основания, «не вкушать яблочков до Яблочного Спаса», то есть до Преображения, усиливается до требования не вкушать любых плодов нового урожая до указанного срока. Нам, жителям Средней Азии, где гораздо раньше Преображения успевают не только созреть фрукты и овощи, но некоторые еще и закончиться по сезону, подобная норма благочестия становится просто непонятной и выглядит несуразно. Благо правящие архиереи нашей епархии дают благословение на освящение фруктов и овощей, начиная еще с праздника Святой Троицы, а где и раньше.

...Жена да учится в безмолвии, со всякою покорностью; а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии.

Ибо прежде создан Адам, а потом Ева; и не Адам прельщен; но жена, прельстившись, впала в преступление... (1 Тим. 2, 11-15).

«Ловушка Евы»: что это такое?

Саму ситуацию с ужесточением заповедей и вызванных этим последствий я бы назвал «ловушкой Евы». Это происходит, когда человек, произвольно ужесточив изначально установленные правила, вскоре понимает, что сам не может им следовать, а затем начинает нарушать – не только те правила, которые он установил, но и те, которые были даны изначально.

Это и произошло с Евой, когда она заявила, а точнее, переврала заповедь Божию с запрета на вкушение плодов с дерева на выдуманное требование вообще не прикасаться к нему. Змей, который собственной персоной ползал в ветвях «запретного» дерева, всем своим видом показывал, что Бог напрасно «запугал» первозданную пару смертью. Ева, увидев, что от прикосновения к дереву ничего не происходит, вкушает от плода, предварительно дав волю своим страстям: *похоти плоти, похоти очей и гордости житейской* (1 Ин. 2, 16).

Это была первая ловушка в истории человечества с более чем тяжелыми последствиями. Дальше женский род, да и не женский тоже, регулярно попадает в ту самую ловушку Евы, самочинно ужесточая нормы воздержания и благочестия, попутно завлекая туда не только себя, но и большое число доверившихся им людей.

Больше всего в «ловушку Евы» попадают люди, блуждающие в дремучих лесах «благочестивых» преданий. Вообще о народном богословии можно говорить бесконечно, не уставая поражаться фантазиям людей, «не испорченных» духовным образованием.

К проявлениям такого «благочестия» относится стремление увязать какую-либо почитаемую святыню с судьбами мира. Святыня может быть любой: икона,

храм, даже какой-то конкретный человек. Вроде многочисленных «старцев», исправно изгоняющих бесов из страждущих (правда, без особого результата – но кого это интересует...) и так же исправно занимающихся поисками признаков наступающего конца света.

Бывает, святыней становится и объект живой природы. Еще в начале 1990-х новые прихожане, ринувшиеся в храмы за чудесами, говорили, что признаком скорого, даже скорейшего конца света станет усыхание Мамврийского дуба... Недавно мне посчастливилось побывать в Хевроне; священник Русской Духовной миссии пояснил, что дуб окончательно засох еще лет десять назад, а более трех лет назад древние остатки ствола дерева были свалены ураганом.

И если вера зиждется не на Христе, а на дубе и прочих священных растениях, старцах, святых источниках и т.д. и т.п., то такую веру постигает кризис, а потом и полное разочарование. Вспомним Еву, обманувшую саму себя.

«Грешна во всём...»

Еще одной ловушкой Евы, довольно частой в православных храмах, стало приписывание себе грехов на исповеди по принципу «на всякий случай».

Благочестивое сознание во Христе порой настолько неумно в самокопании, что при «недостатке» тем для самообличения грехи начинают придумываться.

Был случай, когда прихожанка в исповедальном перечне упомянула блуд. Это показалось странным: женщина была уже в годах. Переспрашиваю, действительно ли она недавно совершила этот смертный грех. Отрицательный ответ. Может быть, похоть в мыслях и чувствах одолевает? Тоже нет. Тогда, наверное, грехи молодости? Но и там такого не было. Откуда же вдруг этот «блуд» взялся? Последовал ответ, что составляла записку для исповеди по пособию «В помощь кающимся» и добавила этот грех на всякий случай...

Другая прихожанка произносит на исповеди с тяжким вздохом: «Грешна во всём!». Правда, переспрашиваю, прямо – во всём? Так, значит, это она бомбила Хиросиму? Изобрела и распространила по планете коронавирус? Подкарауливает по ночам с ножом прохожих в темных переулках? Так, вынужденно ёрничая, приходится подталкивать эту кающуюся душу к осознанию, что всё-таки не во всём она грешна. Иначе человек просто перестает различать степень тяжести своего *реального* греха.

А потому исповедь нужно конкретизировать, не только выявив грех, но и поняв его причину, чтобы затем кающийся мог направлять силы на преодоление той или иной страсти, ведущей ко греху.

«Я не могу примириться...»

Не менее популярной в среде православных становится норма благочестия, гласящая, что нельзя подходить к Причащению, не примирившись с тем, с кем находишься в ссоре или во вражде. Тем самым верующий загоняет себя в очередную «ловушку Евы».

Действительно, Сам Спаситель говорил о связи жертвенного действия и внутреннего настроения человека: *Итак, если ты принесёшь твой дар к жертвеннику и там вспомнишь, что твой брат имеет что-нибудь против тебя, оставь твой дар там перед жертвенником, и пойдёшь прежде примириться с твоим братом, и тогда придёшь и принеси твой дар* (Мф. 5, 23-24).

Причащение святых Христовых Таин тоже можно назвать своего рода даром Богу. Мы приносим Ему самих себя, открываем Ему свой внутренний мир. Здесь мы соединяемся с Создателем, добровольно делая себя заложниками этого союза, и несем ответственность за последующие деяния в жизни. И, конечно же, очень радуется, если верующий человек созрел до понимания важности мира в отношениях с ближним.

Но Евхаристия – это одновременно лекарство, данное нам во исцеление от хронической болезни греха, для поддержания нужного духовного тонуса, позволяющего нам жить и развиваться в духе. И если мы всё время откладываем прием этого лекарства, то последствия бывают очень печальными...

Многие усиливают это требование примирения до крайних пределов, представляя себе это как заключение прежнего врага в объятия и заливание потоками покаянных слез. На другое примирение они не согласны. Но в реальной жизни это далеко не всегда осуществимо. И кто-то из-за этого не только откладывает примирение, но и не смеет подойти к Чаше. Так снова захлопывается «ловушка Евы».

Пребывание в этой ловушке со временем становится для «благочестивца» очень комфортным. Имея «железное» оправдание ухода от евхаристической жизни, он постепенно перестает держать посты и читать молитвы.

На самом деле вопрос с примирением в данном случае должен быть завязан только на себя. Я должен найти в себе силы и попросить прощения. Я должен сделать это с максимальной искренностью. Я должен восполнить долги, которые имею перед ближним, или начать это делать. Я должен быть готовым к следующим шагам к примирению. Я должен быть готов к издержкам, компенсирующим мою вину. Я должен быть готов забыть несправедливость и боль, которую когда-то причинили мне...

Если же я сделал это, но на свой шаг к примирению не получил ответа или ответ был отрицательным, то это, как говорится, уже не моя проблема. Я выполнил свой долг и могу с более или менее чистой совестью приступить к Великому Таинству. А благодать Божия, дающая надмирную мудрость, возможно, вразумит насчет того, что делать дальше и что сказать, чтобы окончательно разрушились вражда и обиды.

«Нет нужного духовного настроения и искренности чувств...»

Очередная ловушка Евы подстерегает богоискателей на фоне еще одного ужесточенного требования к собственной духовной жизни.

Нередко на исповеди приходится слышать такое: «Я грешен (грешна), ибо не имею должных духовных чувств. Всё в духовной жизни делаю механически. Заставляю себя молиться. С напряжением иду в храм. С трудом сдерживаю порывы

своих страстей. Чувствую свою неискренность в отношениях с Богом и с людьми. Не могу отдаться своей вере целиком и без остатка. Стоит ли продолжать в таком состоянии находиться в Церкви?».

Если человек продолжит следовать по пути таких «благочестивых» размышлений, то итог один – он уходит из Церкви. И благо, если уходит с намерением возвратиться. Часто происходит разрыв с Церковью, с недовольством, злобой, а то и с ненавистью, не утихающей годами.

Что же, могут спросить, плохого, если человек ищет высокого духовного настроения в своей религиозной жизни?

А то, что никто такой духовной высоты от человека, особенно на начальных этапах вхождения в Церковь, не требует.

Более того, Господь предлагает входящим в Церковь поначалу быть *как дети* (Мф. 18, 3). А детство предполагает и незнание многих вещей, и исследование мира методом проб и ошибок, и недоступность понимания некоторых истин веры и подвижнического опыта.

Апостол Павел прямо говорит и о духовном молоке для начинающих, и о твердой пище для опытных христиан (1 Кор. 3, 2).

Православная наука аскетика требует *постепенности* возрастания в духовном совершенстве. Опытные отцы Церкви учат: «Если увидишь юношу, по своей воле восходящего на небо, удержи его за ногу и сбрось оттуда, ибо ему это полезно» (Древний патерик, 10, 159).

Поэтому каждому христианину важно пройти все этапы духовного роста, через которые и происходит нужный настрой. И уметь отличать *здоровое учение* (Тит. 2, 1) от околоцерковного «благочестия», чтобы нам самим не попасть в «ловушку Евы».

Алексей УСТИМЕНКО

Три слова утерянного оригинала, или Предисловие к пьесе о Черубине

Последнее свое литературное произведение она написала в Ташкенте. Текст его известен лишь в пересказе.

Переписанный кем-то набело, оригинал исчез, наверное, навсегда...

Но его до сих пор ищут гурманы от поэзии, местечковые историки-краеведы и всякие любители найти что-нибудь важное из того, чего не нашли другие.

А текст всего-то и состоит из трех, приличествующих поводу, слов:

«Раба Божия Елисавета».

Текст был впечатан в деревянный крест, ставленный на могиле автора, – Елизаветы Ивановны Дмитриевой-Васильевой.

Она сама для себя его и составила...

Не рискую написать – «...сочинила». Редко кому удается сочинить себе свою жизнь. За нее – за саму Елизавету! – жизнь сочинили другие.

В Петербурге это сделали поэты Максимилиан Волошин и Николай Гумилев, шутки ради навсегда надев яркую литературную маску на невзрачного человека – Лизу Дмитриеву.

Потом – петербургским как будто бы продолжением – уже и органы ГПУ-НКВД Ленинграда занялись лепкой нужного для них человека.

Вырвав Елизавету из человеческой же обыденности очередным арестом, заставили этапом идти в Екатеринбургский изолятор, милостиво потом разрешив перебраться на вольное – под надзор! – жительство в Ташкент.

В Ташкенте она, было, попыталась обрести себя, чтобы все-таки выдернуть из тяжелой невзрачности ссыльного быта судьбу собственную, зажив не зависимым от органов ГПУ-ОГПУ-НКВД – хотя бы внутренним – существованием.

Создала для себя невидимый «Домик под грушевым деревом» и спряталась в нем.

Надев на себя еще одну маску – китайскую, облачив свое реальное и очень больное тело в синий халат мудреца и поэта Ли-Сян-Цзы: «...я живу тихо и внутри».

Тот самый ташкентский «грушевый» домик попытался было однажды показать Анне Ахматовой некий городской букинист – Дивов. Но...

– Бежим! – только и всего на это сказала Ахматова.

И – вместе со своим юным спутником Эдуардом Бабаевым мгновенно свернула в ближайшую боковую улочку.

– Куда же вы? – кричал им вслед букинист Дивов. – Я покажу вам домик под грушевым деревом, где жила Черубина де Габриак. Это совсем недалеко отсюда...

Всякие воспоминания о Черубине были Ахматовой неприятны. Она ревновала к «ней» стихи Николая Гумилева: «...это он ведь мне посвятил, а не ей!». Попутно, пожалуй, Ахматовой еще было обидно и за него самого: попасться на такую неумную шутку – влюбиться в несуществующее...

И – отголоском тех дней, – пусть даже в реальности существующий, «грушевый» домик для нее тоже не засуществовал.

Как потом, позже, не засуществовал и реальный образ самой Дмитриевой-Васильевой.

«...Откуда вы взяли этот образ – “скромной учительницы”? – возражала она Марине Цветаевой. – ... (Дмитриева) побывала уже в Париже, блистала в Коктебеле, ... занималась провансальской поэзией, а потом стала теософской богородицей».

Петербургские стихи Елизаветы Дмитриевой были благообразны, по-женски красивы, привычны, мало кого трогали, не запоминались.

Да и ташкентские стихи тоже мало чем отличались бы от петербургских, напиши их Дмитриева-Васильева. Но их написал ссыльный китайский философ, а это – отчасти – добавляло им поэзии.

Подсвеченный разноцветными стеклами софитов, темный бархат занавеса всегда обретает радужную сказочность, заменяя собой неустойчивость обыденного мира.

Петербургские стихи остались бы мало видимыми на тогдашнем литературном фоне, не подсвети их сторонним вымыслом тот же Волошин.

Придуманная им Черубина де Габриак писала свои нежные женские всхлипы на дорогой лощеной бумаге. Конверты, приходившие в редакцию петербургского журнала «Аполлон», пахли изысканно дорогими удовольствиями, шелком тонкого платья, теплотой только что сдернутых с женских рук белоснежно-вязаных митенок.

О такой женщине будет написано множество любующихся ею книг.

Из последних – и лучших – можно выделить две: «Неразгаданную Черубину» Ларисы Агеевой (2006) и «Черубину де Габриак» Елены Погореловой (2020).

Обе книги предельно документальны. Но и при этом их тексты отчетливо отбрасывают предугаданную тень – тень все той же искусственной «Черубины де Габриак».

Авторы к этому стремились. И это им удалось.

Их с удовольствием читаешь, готовясь вновь перечитывать.

Особенно – «Неразгаданную Черубину» Ларисы Агеевой. Уж очень много фактов, дат, имен и событий. Всего не упомнишь.

Перечитывать же еще и потому тебе очень захочется, что необходимо будет все-таки определиться: читал ты про «Черубину» – или про забыто-ссылную эзотеричку, посттуберкулезную и несчастную Елизавету Ивановну Дмитриеву-Васильеву...

Кто такая?

Пьеса же Галины Климовой «Черубина де Габриак» – это иное... Попытка прорваться к той женской человечности, к тому исходному душевному зерну, которое – до своего исторического пророста – таило в себе истинную, не придуманную Лизу Дмитриеву.

Нами, до конца, еще все-таки не увиденную.

Да что – мы!

Даже пронизательную Ахматову отшатнуло от реального, готового раскрыться перед ней «грушевого домика» (еще тогда сохранявшегося). Возможно – в первую очередь! – придуманностью образа, могильным камнем легшего на человека.

Ни с какого боку «Черубина» ей не была близка. И – отталкивала.

Живая, жившая иногда параллельно с Ахматовой, незамечаемо встречавшаяся на петербургских проспектах, Елизавета Дмитриева отталкивала.

Под тяжким покровом «Черубины» ее и не было видно.

Поздняя же, ташкентская замкнутость двух этих женщин, их спрятанность внутри себя, страх открыться (время настораживало) не дали возможности той же Ахматовой разглядеть судьбу, едва ли не более горькую, чем у нее самой...

«Грушевый домик» еще стоял. И в нем еще продолжала жить отталкиваемая «Черубина».

Встречаемая нами повсюду и посейчас...

А Елизавета Ивановна Дмитриева – «Раба Божия Елисавета» – забыто мертва. И среди ее испытаний главное – потеря собственного имени. Еще при жизни.

И уже после смерти.

Хотя бы и исчезновением трех слов с надписи на могильном кресте Боткинско-го кладбища.

Да и самого креста тоже.

ПРОЗА И ДРАМАТУРГИЯ

Галина КЛИМОВА

Черубина де Габриак

Драма-мистификация в двух действиях

Действующие лица

Елизавета Ивановна Дмитриева (Лиля), она же и Черубина де Габриак, поэтесса
Маковский Сергей Константинович (Макó, или Рарá Макó), поэт, редактор журнала
«Аполлон»

Максимилиан Волошин, поэт, художник, член редколлегии журнала «Аполлон»

Николай Гумилёв, поэт, член редакции журнала «Аполлон»

Иннокентий Петрович Анненский, поэт, член редакции журнала «Аполлон»

Михаил Кузмин, поэт

Алексей Толстой, писатель

Лидия Павловна Брюллова, поэтесса, член редакции журнала «Аполлон», приятельница
Елизаветы Ивановны Дмитриевой

Евгений Александрович Зноско-Боровский, секретарь редакции журнала «Аполлон»

Алеша, брат Лили

Тоня, сестра Лили

Няня

На большом экране идет демонстрация документальной хроники – «нарезка» из выступлений советских поэтов-эстрадников 1960-х годов в Лужниках, в Политехническом музее или в Центральном Доме литераторов. Эти кадры сменяются фрагментами художественного фильма «Застава Ильича». Выступают поэты – Евтушенко, Рождественский, Вознесенский. Читают стихи и Белла Ахмадулина, Инна Кашежева, Римма Казакова, Новелла Матвеева, Юнна Мориц. Много публики. Аплодисменты, овации.

Действие первое

СЦЕНА 1

Небольшая комнатка редакции журнала «Аполлон». Стол, заваленный рукописями и письмами, настольная лампа, телефон, стеллажи с книгами. Тут же тахта (или козетка), на ней в смокинге возлежит элегантный молодой мужчина с нафабранными волосами, с закрученными вверх французскими усами – Сергей Константинович Маковский. Прихлебывая чай, он читает рукопись; горло замотано теплым шарфом.

За дверью шум и голоса.

В красном жилете входит Иннокентий Анненский, высокий прямой аскетичный старик с головой Дон Кихота и такой же чудаковатый.

Анненский. До вас, милейший Мако, как до луны. И секретарь ваш, этот Зноско, или Занозка – натуральный Цербер. Огонь и яд. Прямо в лицо дышит-пышет. Ха! Что, Мако, вам и вправду сильно нездоровится? Тогда тем более *здра-встуй-те*, дорогой Сергей Константинович!

Маковский. И вам того же, *здрав-ствуй-те*, почтенный Иннокентий Федорович! Здоровья много не бывает. Откуда? Полчища графоманов и городских сумасшедших – «их тьмы и тьмы», – подкарауливают, хватают за фалды, бормочут что-то в рифму... А вот вам – рад, сердечно рад.

Анненский (*садится поближе к кушетке, всматривается в лицо Маковского*). Да уж не манкируете ли вы, Мако? Развернулись в горизонталь, которую столь элегантно изображаете? Змей-искуситель! И декадентская бледность к лицу. Как все-таки драгоценное здоровьишко, а?

Маковский. Да ангину подхватил. (*Встает с кушетки, разматывает шарф, направляет смокинг и садится за стол. Аннинский тащит за собой стул и садится рядом.*) Так и хочется сказать: она меня душевно душит, хотя звучит пошло.

Анненский. Простите, Сергей Константинович, но ваше недомогание – следствие безобразных вольностей: шампань, кутежи. Недурна была, признайтесь, вчерашняя французенка? Мадам или мадемуазель?

Маковский. А что, вчера была французенка? (*Морщит лоб, припоминает*) О ком вы, Иннокентий Федорович?

Анненский. Да у вас, милейший, память девичья! Может, зажигательную «Вдову Клико» тоже не помните? Сколько бутылок хлопнули? Может, и мою торжественную речь запомнили? А я потел-корпел – тут тебе и десятилетие вашей бурной творческой деятельности, и открытие нового литературного журнала. Весь Петербург гудит. «Аполлон» – журнал молодой литературы, неподражаемый «Аполлон». Вон под окнами – целая камарилья вьётся: гнусавые поэты, безумные поэтессы и даже эти... прости Господи, поэтки! Да-да, с легкой руки Ивана Сергеевича Тургенева, а потом и Каролина Павлова подхватила, не побрезговала – тоже якобы по-эт-ка!

Маковский. Поэтессы – это многообещающе, а поэтки – вообще в легком доступе. Нам всем нужны женщины. Побольше женщин! Их надо привлечь к журналу... в разном, разумеется, качестве. А то несут что-то несусветное про декларацию прав человека, про равенство полов. Бредятина! Курам на смех! Сумасшедшие суфражистки! Мужские штаны напялят и фраппируют, видели? Женские формы и мужские брюки... ноги, бедра анфас и в профиль. И замужние, и многодетные матери почтенных семейств, и невинные девы, розанчики, туда же! А дальше, дальше-то что? Пройтись по Невскому, щегольнуть, поиграть бедрами? Появиться в публичных местах, в общественных собраниях?

Анненский. Полноте, Сергей Константинович. До этого не дойдет. Пожужжат, повизжат, перед зеркалом покружатся, а чтоб натурально в мужских панталонах да по Невскому или в Мариинский? Вы уж хватили. Традиции, мой друг, не позволят!

Маковский. Традиции – оно, конечно, сильно. Но дамочки кивают на жестокий климат, от которого страдают и много болеют по-женски. Короче, при таком раскладе – не пригласить ли нам в журнал – и не медля! – лучшую часть кордебалета? И – в брюках, в брюках! Редакция, наконец, соберется в полном составе! Хотите пари?

Анненский. Какие химеры, какие искушения, милейший Сергей Константинович! *(Хитро прищурившись, улыбается и грозит пальцем.)* Зачем? Помню, однажды вы предложили явиться в редакцию в смокингах. Ну не странно ли? Так и кордебалет в брюках. Игры вашего воображения – несбывшиеся сны – до добра не доведут. Кстати, не ждёте ли вы сегодня Гумилёва? Как он?

Маковский. Сегодня я никого не жду. Не принимаю. Я же болен, сами видите. Но вынужден работать с почтой, как чернорабочий литературы. Прикован к письменному столу и почти погребен. Гора писем. Выше, чем Монблан.

Анненский. Литературный штамп, хотя *(потер пальцами воздух)* что-то воздушное, надмирное в этом есть. Я чувствую *(повел носом)* благоуханный аромат. *(Встает, начинает ходить вокруг стола, обнюхивать книги, бумаги и письма.)* Откуда такой чудный запах? *(Находит и берет в руки большой пухлый конверт.)*

Маковский. Странно! Какой-то цветочный мотив.

Встает с кушетки, берет у Анненского конверт и, вдыхая аромат, делает несколько произвольных па – почти вальсирует, забыв об ангине.

Стук в дверь. В комнату заглядывает Зноско-Боровский.

Зноско-Боровский. К вам Максимилиан Александрович Волошин.

Входит Волошин.

Волошин *(раскланиваясь)*. Рапа Мако, salut! Мое почтение, уважаемый Иннокентий Федорович! Вы вальсируете, mon cher Мако? С конвертом? Весьма эффектно! А говорили, хвораете.

Маковский. Salut, Макс! *(Вскрывает ножом конверт, запечатанный черным сургучом, и достает листы со стихами, показывает их и Анненскому, и Волошину.)* И вуаля, господа, стихи! На гербовой бумаге! Роскошь по нынешним временам. Ба, да здесь – вы только взгляните, – здесь даже девиз на печати, читайте!

Волошин *(забирает письмо и читает)*. Латынь. «Vae victis!» Если не изменяет память – «Горе побежденным!»

Достает из конверта бутоны мелких сухих розочек и какие-то еще травинки. Стихи передает Мако, сухие травинки – Анненскому, себе оставляет розы и принимает.

Маковский. Но кто «побежденный»? На кого намёк? Не на меня ли? Уже интересно. И художественно, не правда ли?

Волошин. Обратите внимание, бумага с траурным обрезом. Наверняка не случайно.

Маковский (*будто не слыша*). Вдохните, Макс, вдохните! Это же сама любовь, это ее неумирающий аромат.

Волошин. А если без экзальтации, Мако? Это всего лишь сухие розы, а это (*берет сухую травку из рук Анненского*) – узнаю, богородичные слёзки.

Анненский. Что-что? Как вы сказали?

Волошин. Богородичные слёзки, Иннокентий Федорович, или плакун-травка. Она всходит будто бы на слезах Богородицы, оплакивающей снятого с креста Сына. Вы тыщу раз её видели и топтали в наших палисадниках, в лесах и полях. А что стихи? Хороши ли, Мако? Почитайте вслух!

Маковский (*читает по бумаге из присланного письма*).

С моею царственной мечтой
одна брожу по всей вселенной,
с моим презреньем к жизни тленной,
с моею горькой красотой.

Но спят в угаснувших веках
все те, кто были бы любимы,
как я, печалию томимы,
как я, одни в своих мечтах.

И я умру в степях чужбины,
не разомкну заклятый круг.
К чему так нежны кисти рук,
Так тонко имя Черубины...

Анненский (*передает бумагу Макс*). Похоже, траурная рамка не для декора. Стихи трагические.

Входит Зноско-Боровский.

Зноско-Боровский. Тысячу раз простите, господа! Но должность у меня такая собачья...

Анненский (*в сторону*). Я же говорю: Цер-бер.

Зноско-Боровский (*Подходит к Маковскому и почти шепчет со страшной гримасой на лице.*) Опять эта бездарь Дмитриева. Притащилась. Говорит, что будет ждать хоть до утра. Пускать её или как?

Маковский. Вот зануда! И всегда некстати! Одно и то же, одно и то же (*передразнивает противным голосом*): «Совсем новые стихи, свеженькие, хочу печататься только у вас!». Ни ее стихи, ни она сама мне, мягко говоря, не импонируют. (*Проводит ладонью поперек горла.*)

Волошин (*наступательно*). Вы чересчур пристрастны, дружище! Елизавета Ивановна – тонкий человек, прекрасная переводчица, полиглот. И стихи вполне на

уровне. Давайте пригласим ее! (*Маковский с кислой улыбкой кивает.*) Зовите её, Зноско!

Зноско выходит, громко хлопнув дверью. Через секунду входит Дмитриева.

Дмитриева. Добрый день, господа! Надеюсь, не помешала? Сергей Константинович, я принесла совсем новые стихи, свеженькие. (*Все прячут глаза, Анненский ухмыляется и подмигивает Волошину.*) Хочу печататься только у вас. (*Маковский передергивает плечами, будто в ознобе.*) И ещё. Я принесла новые переводы со старофранцузского.

Маковский (*перебивая*). Елизавета Ивановна, голубушка, всё потом, потом! Спасибо за стихи, за переводы, но мы ра-бо-та-ем... Мы только что открыли новый талант, а вы присутствуете при грандиозном литературном событии! (*Он близко подходит к Дмитриевой и, вдруг что-то почувствовав, обнюхивает её справа и слева и отходит в тихом недоумении, бормоча.*) Что за наваждение? Повсюду аромат любви. Даже от Дмитриевой. Или я все-таки нездоров? (*Он обходит свой стол, роется в рукописях и находит стихи Черубины*). Послушайте, Елизавета Ивановна!

Читает, обращаясь к Дмитриевой:

И я умру в степях чужбины,
не разомкну заклыйтый круг.
К чему так нежны кисти рук,
Так тонко имя Черубины...

Маковский. Вот как надо писать!

Дмитриева (*очень сдержанно*). Возможно! Правда, несколько манерно, если на мой вкус. И кто же это?

Анненский. Имени нет. Но обратите внимание на инициал: буква Ч, и в последней строке: «*Так тонко имя Че-ру-би-ны...*».

Волошин. Буква Ч? Чистопородная графоманка непременно подписалась бы полным именем, да ещё и с вензелем. Но стихи-то, ей богу, недурны!

Дмитриева. И кто же она, ваша Черубина?

Анненский. Это итало-франко-испанское имя, и мне оно ничего не говорит. По моему, стихи молодые и... хрупкие. Девушка много пережила и много передумала. Ни любви, ни ненависти, ни душевного жара. Так может писать лишь оскорбленное жизнью дитя. Один безмерный вселенский ужас.

Маковский. А страсть? Сколько страсти?!

Волошин (*выхватывает стихи у Маковского и читает*).

Лишь раз один, как папоротник, я
Цвету огнём весенней, пьяной ночью...
Приди за мной к лесному средоточью,
В заклыйтый круг, приди, сорви меня!

Люби меня! Я всем тебе близка.
О, уступи моей любовной порче,
Я, как миндаль, смертельна и горька,
Нежней, чем смерть, обманчивей и горче.

Маковский (*потрясенный, он отходит в сторону и рассуждает сам с собой*). Кто она, Черубина, таинственная незнакомка? Судя по слогу и по гербу, светская штучка. Или простодушная провинциалка? «Люби меня!» Очаровательно! Как бы узнать ее настоящее имя? «О, уступи моей любовной порче». Какова, а? Хороша ли собой? У меня уже кровь кипит, голова раскалывается... а горло (*ощупывает горло, шумно сглатывает*) как ни странно, уже не болит. Черубину буду печатать. В ближайшем номере!

СЦЕНА 2

Детская комната, узкая, как трамвай. Полумрак. На полу разбросаны игрушки, у большой куклы отломана нога, у мишки – лапа. В красном углу перед иконой Богородицы горит лампадка. На столе стеклянный кувшин с водой, рядом – маленький коврик. Вдоль стен расставлены три детских кроватки. В комнату входят друг за другом выросшие здесь и ставшие уже взрослыми: брат Алеша, сестры Тоня и Лиля.

Лиля. Нет, вы только взгляните! В нашем вагоне нет времени. Оно кончилось, всё вышло, ушло вместе с нами. Конечная остановка, приехали! Здесь всё как в детстве. Но всё какое-то неживое (*поднимает с подушки одноногую куклу, гладит ее, прижимает то к груди, то к щеке*) и очень странное! Кто объяснит, почему у моей куклы Кати и у мишки отломано по одной ноге? У обоих по правой. Я помню, это случилось по ночам. Засыпала, все целы-невредимы. А утром кто-то без ноги. Признайтесь, шкоды, кто из вас?

Алеша. Прозрачный намёк: и ты хромая, и твои игрушки тоже хромые.

Тоня. Логично, Лиличка! Чтоб не путать свои игрушки с нашими (*расплетая свою длинную косу, засвистела*). Забудь, забудь, забудь...

Алеша (*подходит к Лиле и обнимает ее*). Помнишь, как мы играли? (*Ерошит свои волосы и ёрничает, начав говорить ломким мальчишеским голосом*.) Я знаю то, чего не знает ник-то. До сих пор. Ник-то. (*Кричит Лиле в ухо*) Дьявол все-таки победил Бога и запер его в чулане как провинившегося. Подумай, не стоит ли перейти на сторону дьявола? На сторону Тьмы! Не пора ли? Сначала, конечно, он будет мучить, долго-долго мучить, а потом убивать, убивать, безжалостно убивать... (*Он обезумел*) Спросишь, кого? Спросишь, за что? Да всех, кто с Богом! И за то, что с Богом!

В комнате повисла тягостная тишина. Все трое будто возвращаются в детство. Забираются с ногами в свои детские кроватки, накидывают на себя одеяльца и замирают. Тоня тоненько засвистела. Первой опомнилась Лиля.

Лиля. А что же с Богом, Алеша? Что с милым Боженькой?

Алёша. Ах, с Богом! Представь, ему всё-таки удалось спастись. Он ловко удрал через форточку. Как котёнок.

Лиля. Удрал? А дьявол, выходит, остался? Навсегда? И уже не надо ни молиться, ни креститься, ни каяться? Так, да?

Алёша. *(отмахнулся и накатил с новой страстью).* Да забудь ты об этом, Лилька, выбрось из своей больной головы! Давай лучше про твою любимую страшилку из Эдгара По! Хочешь? Но, чур, одно условие: когда я закончу, ты выпрыгнешь с чердака, из слухового окна в сено. Видела, там стожок стоит? Выпрыгнешь три раза.

Лиля. Нет, не надо, я боюсь. Высоко же, а стожок маленький!

Тоня *(равнодушно).* А ты закрой глаза и прыгни. С закрытыми не страшно. Воспитывай смелость, тренируй волю. *(Опять засвистела.)*

Входит няня. У нее в руках свеча и иконка святого Пантелеймона.

Няня. Свистунов на мороз! Кто тепло из комнаты высвистывает? *(И к Алёше)* Ты, бесёнок?

Алёша. А вот и не угадала.

Тоня. Разве няня жива?

Алёша. Все няни бессмертны, начиная с Арины Родионовны.

Няня. Кто тут свистит, кто беды-болезни приманивает?

Алёша. Это Тоня, Тоня. Лилька не умеет, но я ее научу.

Няня *(подходит к Тоне).* Тонечка, курочка моя, неужели ты? Ай-яй-яй, как нехорошо! Когда девочки свистят, сама Царица Небесная с престола падает. *(Няня крестится.)*

Алёша. Во здорово! А я не знал. Ну-ка, Тонька, посвисти ещё!

Тоня. А вот и не стану. Назло. И не приставай!

Алёша. Ну, Тонечка, миленькая, по-хорошему прошу: ну, посвисти, пожалуйста! По-трафь братишке!

Тоня. Не проси! Не стану больше.

Няня. Умница, Тоня! А ты не приневоливай её!

Алёша. Тогда пусть Лилька, пусть по доброй воле! Есть у тебя добрая воля, младенец Елисавета?

Лиля *(вскакивает).* Есть, есть у меня добрая воля *(Пытается засвистеть – то сипит, то хрипит, не получается)*

Алёша. Давай, давай, пусть Богородица – бах! – и грохнетя с престола! Бах! – и об землю! Пусть лоб расшибет, и сама вдребезги!

Няня (*замахала на него руками и в крик*). Опомнись, антихрист! Замолчи!

Лиля (*якобы свистит, продолжая хрипеть и сипеть*). Ну что, упала? Упала уже Богородица или ещё нет?

Няня. Перестаньте, поганцы! Господь всё слышит и видит, и накажет! А ты, Лиля, ты и без того убогая, ноги тебя не носят. Думаешь, просто так? Нет, деточка, все по грехам нашим и наших родителей и всех сродников, всех до седьмого колена. Поцелуй иконку и повторяй за мной: Младенец Пантелеймон, исцели болящего младенца Елисавету!

Лиля (*повторяет и целует иконку*). Младенец Пантелеймон, исцели болящего младенца Елисавету! Господь меня услышал, няня? Господь простил? Ведь мы же оба младенцы.

Няня. А ты получше попроси! Пожалобнее, пошибче! И не раз. Тогда Он и услышит. Спокойной ночи, деточки, ангелочки мои ненаглядные! Добрых снов!

Крестит детей и уходит.

Алёша. После молитвы ужасно хочется чудес. Как десерта! Но чудеса почему-то случаются только с хорошими людьми. А я слишком испорчен жизнью.

Тоня. И мне, и мне чудес, хоть немножечко!

Алёша. Ты тоже, Тоня, чудес не достойна. В тебе нет сердца.

Тоня. Отчего же? Вон как громко бьётся, послушай!

Алёша. А кто наши любимые игрушки в огонь кидал? – Ты. Как нашего Тобика хотел заживо сжечь, якобы совершая жертвоприношение? – Ты, Тоня. А Тобик, бедняга, так визжал, ужас! Совсем крохотный пушистый щеночек. Няня спасла, но он всё-таки сдох. А ты радовалась. Чудеса, Тонька, случаются только с хорошими людьми. Одна надежда на Лилю. Она – самая младшая, и, наверное, тяжкого преступления еще не совершила? Поклянись, Лиля!

Лиля. Клянусь! (*Перекрестилась.*)

Алёша (*встает с постели и подходит к столу*). Я налью в ковшик водички, а ты, Лиличка, наколдуй, чтобы она превратилась в вино, как на свадьбе в Кане Галилейской.

Лиля. Водица, водица, милая сестрица, перевернись вверх дном и стань вином.

Алёша (*подает ей ковшик*). Пригуби!

Лиля (*пьет из ковшика, морщится и облизывается*). Вино, самое настоящее вино.

Алёша (*тоже пьет из ковшика и причмокивает*). Смотри-ка, не обманула, сестрёнка. Правда, самое настоящее вино.

Тоня (*из-под одеяла*). Хватит придуриваться. Не надоело? Вода – она и есть вода. И на вкус, и на цвет. Вино же красное, а у вас...И Лилька не пробовала вина никогда в жизни.

Алёша (*приходит в ярость, он топает, воет*). О! О! О-ёй-ёй! Что же ты натворила, вруша, притвора, дура? Скрыла от меня своё преступление! Ведь скрыла, утаила, да? Потому и вина не получилось... Вода, только грешная вода! Проклинаю тебя: всю жизнь проживёшь хромой уродиной! Хром-хром, где твой дом? (*Выливает кувшин с холодной водой на голову Лили, падает на пол и бьется в припадке эпилепсии.*)

Лиля (*стараясь перекричать*). Нет, нет, неправда! Я буду самой красивой, самой загадочной, в меня влюбятся лучшие поэты и воспоют мою красоту в прекрасных стихах! Алёша, Алёшенька!

На крик вбегают няня.

Няня. Что тут опять у вас? Лиля, Алёша, Тоня! Господи, опять с ним припадок! Доктора, доктора!

СЦЕНА 3

В редакции «Аполлона» за столом работают Маковский, Анненский и Волошин. Секретарь вносит поднос с ворохом писем. Маковский берет поднос, отходит с ним и садится на кушетку. Перебирает конверты, читает, перекладывает в стопки. Через одно, не вскрывая, выкидывает письма в корзину. Он ищет, он ждет одно-единственное письмо и не находит его. Разочарованный, садится за стол. Телефон молчит. Мако проверяет, работает ли он.

Маковский. Во втором номере на открытии – большая подборка новых стихов Черубины. Простите, дорогой Иннокентий Федорович, ваши сочинения напечатаем в следующем номере. Прошу великодушно простить и понять.

Анненский. Ужасно...

Маковский. Что же тут ужасного? Обычное дело.

Анненский. Ужасно себя чувствую. Ужасная одышка. Сердце трепещет, спотыкается по ходу. И болит. Помолитесь о здравии раба Божия Иннокентия! Боюсь, до следующего номера не доживу.

Маковский. Давайте без пророчеств! На прошлой неделе вы громче других восхищались стихами Черубины и, помнится, даже цитировали. Все очарованы ею, все, не правда ли? И все завидуют *мне*. Только я, редактор, и только я говорю с ней по телефону. Вот, например, Максимилиан Александрович не отказался бы от знакомства с Черубиной, не правда ли? Хотя вы вечно заняты, вечно кого-то опекаете, пристраиваете, вводите в литературу. И при этом непростительно невнимательны к женщинам. К творческим женщинам. До сих пор никого не нашли для работы в редакции. Вы только послушайте, какие стихи прислала Черубина!

В быстро сдёрнутых перчатках
Сохранился оттиск рук.
Чёрный креп в негибких складках
Очертил на плитах круг.

В тихой мгле исповедален
Робкий шёпот, чья-то речь.
Строгий профиль мой печален
От лучей дрожащих свеч.

Поправляя гребень в косах,
Я слежу мои мечты, –
Все грехи в его вопросах
Так наивны и просты.

Ад теряет обаянье,
Жизнь становится тиха, –
Но так сладостно сознание
Первородного греха...

Как пишет, а?! Исповедь, глубина! Вот на каких именах взлетит слава журнала «Аполлон»! И тиражи, конечно!

Волошин. Стихи нерукотворные. Не написаны – выдохнуты. А что известно о ней самой, Мако?

Маковский. Увы, совсем немного, но главное – её чарующий голос. Трепещу, когда слышу. После долгих усилий удалось выпытать, что она не просто благородная испанка, она еще и ревностная католичка. И ей, господа мои хорошие, всего осьмнадцать годиков! Представьте, осьмнадцать! Воспитывалась в монастыре в Толедо, с детства, бедняжка, страдает слабой грудью. Инфанта проговорилась о каких-то посольских приёмах, о строжайшем надзоре со стороны её французского духовника и, конечно, деспота-отца (мать, к несчастью, давно умерла). Признайтесь, Максимилиан Александрович (*дрожит и, угрожаясь приблизившись к Макс, хватается его за бант*), ради всего святого, вы видели Черубину?

Волошин (*ласково, как с больным*). Да Господь с вами, Сергей Константинович! Даже адреса Черубины никто не знает. Сомов предлагал приехать с завязанными глазами к ней домой и за ночь написать её портрет. Но не тут-то было. Студенты-юристы опросили дворников во всех особняках на Каменном острове. Увы! (*Мако отпускает Макса, и тот с облегчением разглагольствует.*) Черубина растворена в самом призрачном воздухе Петербурга, в белых ночах и туманах. Она – миф, один из бродячих мифов нашего города. Вспомните классику, вспомните Гоголя: нос майора Ковалева разгуливал по городу, разъезжал в карете, делал визиты. Его видели то тут, то там, а на самом деле... никто не видел.

Без стука входит Лидия Павловна Брюллова, близкая подруга и почти родственница Елизаветы Дмитриевой. Она похожа на итальянку с картины Карла Брюллова «Всадница».

Брюллова. Добрый день, господа! Никаких сил сидеть дома нет. Не жизнь, а «Девятый вал» Айвазовского! Только об этом и говорят, и сплетничают, и судачат... кстати, ссылаются на вас, дражайший Сергей Константинович. У меня впечатление, что сегодня в Черубину влюблены все поголовно. (*Загибает пальцы.*) Барон Врангель, Ауслендер, ваш секретарь Зноско, немецкий переводчик Гюнтер, да мало ли... Гумилёв тоже вздыхает по экзотической испанке и клянётся, что по-

корит её. Она – муза, всеобщая муза! Но кое-кто и кое-где поговаривает о... мистификации. Как вам такая версия, господа? *(Она оглядывает присутствующих, каждый реагирует по-своему).* И все нити, Сергей Константинович, тянутся к вам, в «Аполлон».

Маковский. Час от часу не легче. Я, выходит, мистификатор?! Чудовищная чушь, галиматья! Если я и причастен к этому – не в прямом, конечно, смысле, – то потому, что страдаю более других. Даже чувствую себя не человеком, а страдательным причастием. Да-да, не смейтесь. Вот, к примеру, второго дня послал Черубине по указанному адресу (хотя она там не проживает, я проверил) роскошный букет белых роз и орхидей.

Волошин. Ничего себе щедроты за наш счёт! Этак вы, Мако, авторов без гонорара оставите, а мы на вас рассчитываем.

Маковский *(отмахнувшись).* Наутро получил от неё ответное письмо и стихи. Да какие! Послушайте!

Брюллова. Сергей Константинович, миленький, можно мне? Я отлично декламирую, тем более стихи-то женские!

Маковский. Ничуть не позволю! Ни разу. Не злитесь, Лидия Павловна, стихи присланы мне. *(Читает.)*

Я знаю души, как лаванда,
Я знаю девушек-мимоз.
Я знаю, как из чайных роз
В душе сплетается гирлянда.

В ветвях лаврового куста
Я вижу прорезь черных крылий,
Я знаю чаши чистых лилий
И их греховные уста.

Люблю в наивных медуницах
Немую скорбь умерших фей.
И лик бесстыдных орхидей
Я ненавижу в светских лицах.

Вытирает платком вспотевшее темя, как делают в трагических сценах французские актеры.

Брюллова. Досталось же вам, право!

И лик бесстыдных орхидей
Я ненавижу в светских лицах.

Маковский. Какая-то непреодолимая сила – vis major, как говорили древние, – заставила меня послать эти цветы. За что и был наказан. И поделом, поделом мне, старому волоките! А уж как пристыдила, как укорила в письме?! *(Находит на столе письмо и читает.)* «Дорогой Сергей Константинович! Когда я получила Ваш букет, то смогла поставить его только в прихожей, так как была чрезвычайно удивлена, что Вы решаетесь задавать мне столь интимные вопросы. Очевидно, Вы совсем не

умеете обращаться с нечетными числами и не знаете языка цветов». Каково, а? Да, я не сосчитал, сколько там было цветов. И в этом моя вина? Всего-то???

Брюллова (*в сторону*). Обычная мужская нетонкость.

Анненский. Очнитесь, господа! Вся редакция горит желанием увидеть эту чаровницу, если она, конечно, существует! А если это фантом? Мираж? Чья-то гениальная выдумка? Или бесовская игра? Как же это бесовственно и жестоко, господа! И опасно! В первую очередь, для самой Черубины. Она – страдающая душа.

Брюллова. Вы полагаете, Черубина – мираж? Литературная мистификация? Тогда чьи эти стихи (*читает наизусть*):

Бойтесь, бойтесь в час полуденный выйти на дорогу –
В этот час уходят ангелы поклоняться Богу.
В этот час бесовским воинствам власть дана такая,
Что трепещут силы праведных у преддверья Рая...

И правда, чистая бесовщина. (*Мелко крестится*).

Звонит телефон.

Маковский. Маковский у аппарата!

(Все замерли, вытянули шеи от любопытства, но делают вид, что заняты деловыми разговорами друг с другом)

Черубина (*обворожительным голосом*). Милый! Теперь я по праву могу так называть тебя! Милый! Мой отец что-то заподозрил. Он взбешён. Он ревнует. Послезавтра, слышишь, уже послезавтра мы уезжаем в Париж. Мне необходимо срочно познакомиться с духовником, чтобы понять, как и где жить потом. В монастыре? В миру? Может, выйти замуж и родить детей? Нет, конечно, не «детей», а только девочку, мою единственную, мою Веронику.

Лет в четырнадцать-пятнадцать я вообразила себя святой Терезой Авильской – мечтала стать монахиней и писать книги. Я совсем не боялась и не боюсь смерти. Много раз хотела умереть, чтоб увидеть и Бога, и дьявола. Тот мир, тот свет бесконечно притягателен. Кажется, вся ложь моей жизни, наконец, превратится в правду. Там я смогу любить так, как хочу, и тех, кого хочу. И радость этого перехода мне ещё предстоит.

Маковский (*он остолбенел*). Уж не собрались ли вы замуж? Или наоборот? Готовитесь стать Христовой невестой?

Черубина. Я послала тебе прощальное письмо. Неизвестно, представится ли ещё такая оказия. Свой парижский адрес я сохраню в тайне. И дай слово чести, что не придешь на вокзал провожать меня. Не хотелось бы увидеть на вокзале переодетого Рара Мако с накладной бородкой или усами.

Маковский. Позволь хоть издали взглянуть на тебя, запомнить твой профиль и носить его при себе, как дорогую каменю. Скажи, когда и где? Я буду ждать, как верный пёс.

Черубина. Безумец! Если отец хоть что-то узнает, – а у него звериный нюх, – он увезет меня из России навсегда.

Маковский. Боже, боже, я сойду с ума... без тебя, без твоих стихов... сжался, прошу! Откройся отцу, признайся. Он поймет и простит. Счастье мое, Черубина, не покидай меня!

Черубина. Я слышала о вас довольно такого, что недостойно мужчины.

Маковский. Не верьте, не верьте! Всё это – сплетни, ревность и зависть. Я не такой. Я хороший.

Черубина. Пусть так, но мы не увидимся. Никогда.

В трубке гудки отбоя. Он прислушивается, вглядывается в трубку, с нежностью гладит ее и целует.

Маковский *(покаянно)*. Я всегда был виртуозом игры на струнах женских сердец. А теперь вся жизнь куда-то ухнула, и музыка не слышна. Какая изумительная девушка!

В кабинет заглядывает секретарь.

Зноско. Чай с лимоном, свежие бриоши? Сейчас или позже? *(Мако не реагирует. Секретарь подходит ближе, с беспокойством заглядывает ему в лицо)*. Что с вами, Сергей Константинович?

Маковский *(со спазмами в голосе)*. Она уезжает, в Париж, послезавтра... к духовнику. *(Зноско ахает и прикрывает лицо рукой.)* И не позволила проводить. А я... А мне... *(Растерянно обводит взглядом присутствующих.)* Кого бы попросить? Кто вместо меня её проводит? Даже не проводит, ну хоть чужими глазами взглянет на неё! Может, Алеша Толстой?

Схватившись за голову, Зноско со стоном уходит.

Брюллова. Толстой – громоздкий, Толстой – неповоротливый, прямо туча на ножках. Уж лучше Максимилиан Александрович.

Маковский. Да, Макс, ты же безотказный! Дружище Макс, будь моим Сирано!

Волошин. Очень тронут. Но какой же из меня Сирано де Бержерак?

Брюллова. Тогда Трубников! Неприметный, проворный. Или даже Зноско! Он же этот – Е2–Е4, шахматный гений, победитель мировых турниров! Говорят, Зноско сразится с самим Капабланкой! Значит, хорошо соображает. И стратегия, и тактика при нём.

Маковский. Наш Зноско? Этот сразится и выиграет, держу пари!

Брюллова. Сергей Константинович, попросите Зноско. Он не откажет.

Зноско *(входит с подносом чая и бриошами)*. Господа, чай с бриошами! Освежиться, подкрепиться!

Расставляет на столе чашки с чаем и тарелку с бриошами.

Маковский (*не видит-не слышит, отходит в сторону и говорит в пространство*). Боже мой, Черубина призналась мне в любви, назвала *милый!* Только что! И хочет нашей встречи. Чувствую: *хочет!* Я вырву её из рук проклятого иезуита и сумасшедшего отца! И жизнь, единственную свою жизнь положу за неё.

Зноско. Очень своевременно и полезно – горячие бриоши, горячий китайский чай!

Маковский. Евгений Александрович, дорогой, у меня к вам маленькая просьба, но весьма деликатного свойства. (*Уходит вместе с секретарем*).

СЦЕНА 4

На перроне вокзала толпятся люди. Прохаживаются по перрону, сидят на скамейках, прощаются. Звучит музыка. Где-то здесь должна быть Черубина. Сюда же пришли Маковский и Зноско, чтобы увидеть Черубину и проводить в Париж.

Маковский (*заламывая руки*). Ну что мне делать, скажи? Если я не увижу Черубину сейчас, завтра же помчусь за ней в Париж. Переверну весь город, но найду свою таинственную незнакомку, свою прелестную инфанту, поэтессу, без пяти минут монахиню.

Зноско. Не волнуйтесь, Сергей Константинович! Ни одного опрометчивого хода. Мы обязательно увидим Черубину. Меня дрожь бьет от вероятности лицезреть её!

Маковский. Ты тоже дрожишь, да, Зноско? Влюблен? Бедные мы, бедные! (*Они порывисто обнимаются*). Скольких я вывел в большую литературу! Теперь они знаменитости, живые классики. А эта – глупышка, провинциалка, прячется. От кого? Меня знают, меня обожают, меня боятся и ненавидят. Но чую, Зноско, (*щурится и грозит пальцем*) печенкой чую – что-то здесь нечисто.

Зноско. Откуда такие предчувствия? Ищите её глазами, сердцем, умом, ищите реальную Черубину, а не мечту!

Маковский. Вы правы, Зноско! В моих мечтах она жгучая брюнетка, с красным цветком в волосах и пылким взором. Почти Кармен, Карменсита!

Зноско. А если без фантазий? Ее портрет – в её стихах, помните?

Венчает гордый выгиб лба
Червонных кос моих корона.

То есть – длинные волосы цвета благородной бронзы, или попросту, Черубина – рыжая.

Маковский. Рыжая? Тогда, значит, бестия, колдунья, ведьма!

Раздается первый свисток.

Зноско (*мечтательно продолжает*). Кожа белая-белая, губы алые-яркие и слегка опущены уголки, а глаза... глаза, может, карие? Может, синие или сияющие зелёные? Какие глаза могут быть у благородной испанки? И самое главное – она прихрамывает, как и полагается настоящей колдунье.

Маковский. Вспомнилась сказка о прелестной хромоножке-уточке, которая превращалась в девушку небесной красоты. (*Мимо проходит золотоволосая дама с саквояжем. Мако поводит носом, чувствует знакомый аромат духов и, как собака, идет на запах*). Тот же запах, я узнаю запах Черубины... Пойдите, сударыня! Пойдите!

Зноско (*тоже принимает и бежит за Маковским*). Так пахло её первое письмо.

Маковский (*догоняет даму, трогает за плечо, она оборачивается и оказывается безобразной молодящейся старухой. Мако и Зноско в испуге отшатываются*). Простите, бога ради! Обознались. (*Вытирает пот со лба*.) Нервы ни к черту! Ужасно боюсь ее потерять. Вдруг она станет монахиней? И никогда не вернется в Петербург?

Раздается второй свисток. Толпа редет.

Зноско. Смотрите, Сергей Константинович!

Маковский. Куда? Где?

Зноско (*показывает на тень за фонарем*). Не где, а кто? Вон там, в тени фонаря не наш ли Алексей Николаевич Толстой?

Маковский. Алеша? Не смейся! С его масштабами не очень-то скроешься в тени фонаря. Да и зачем он здесь?

Зноско. Да за тем же, за чем и мы. Может, следит за нами или ждёт Черубину, чтобы проститься? Нет, нет, конечно, не Толстой. Но там определенно кто-то прячется. (*Подбегает ближе, вглядывается и возвращается*.) Если не обознался, это Воля Васильев, инженер-мелиоратор, жених нашей Елизаветы Ивановны Дмитриевой, помните? Наверное, кого-то провожает.

Маковский. Зачем же прячется, идиот?! К слову, наша Дмитриева тоже прихрамывает. Но совпадение только в этом, других нет. Давайте отойдем, Зноско! Свидетели нам не нужны.

Зноско. Ой, вон, идёт! Смотрите!

Маковский. Куда? Где? Кто?

Зноско. Дама! С саквояжем! В шляпке с вуалью! Чуть-чуть подволакивает ногу, видите?

Действительно, по платформе идёт дама, доходит до фонаря, где стоит Воля Васильев. Они бросаются друг другу в объятия.

Раздается третий свисток. Воля и дама, держась за руки, скрываются в темноте.

Маковский. Слава богу, не заметили, слишком увлечены собой. А то бы вопросы, сплетни. Уж Дмитриева всем бы растрезвонила. Несчастливая женщина. Пойдёмте, друг мой. Кроме вас, Зноско, никто не знает, что я здесь.

Зноско. Я, Сергей Константинович, могила! Не сомневайтесь.

Маковский. Всё сложилось так, как хотела Черубина. *(Раскланивается, как в конференции.)* Рара Мако без накладной бородки и без усов так и не увидел свою любовь. *(С трагизмом, утрированным до смешного)* За что мне это, а? Сколько я для неё сделал! Мэтру Анненскому пришлось отказать, а у него больное сердце, не сегодня-завтра старик откинется. А она, бестия? А она, ведьма? Какая неблагодарность! Какое унижение! Со мной так нельзя! *(Он в гневе)* Я сумею постоять за себя!

СЦЕНА 5

Интерьер литературного кафе эпохи модерн. За одним из столиков – Максимилиан Волошин и Лиля Дмитриева.

Волошин. ...и он мне так назидательно: «Я не раз говорил вам, Максимилиан Александрович, вы мало внимания обращаете на творческих женщин – на стихотвориц. Послушайте, какая поэзия!» *(Смеется всем могучим телом)* И читает, представь, читает то самое стихотворение, ну, ты знаешь... Анекдот! А он ещё больше заводится: «Может, именно такие поэтессы прославят наш «Аполлон», тогда и тираж вырастет, и гонорары!» *(Смеется еще громче.)*

Лилия. Именно такие и прославят. У Мако интуиция. Однако мои стихи не взял. Это ведь Дмитриева, а не таинственная незнакомка Черубина. Но давеча Черубина получила от господина Маковского ответ, чрезвычайно лестный для начинающей поэтессы. Господин редактор просил хорошенько порыться в старых рукописях и прислать всё-всё-всё... Насобирала всякое старье, что-то сгоряча насочиняла. Хочешь, прочту?

Макс кивнул, с трудом поднялся и встал за спиной Лили, заглядывая в текст.

«Кто ты, Дева?» – Зверь и птица.

«Как зовут тебя?» – Узнай.

Ходит ночью Ледяница,
С нею – белый горностаи.

«Ты куда идёшь?» – В туманы.

«Ты откуда?» – Я с земли.

И метелей караваны
Вьюги к югу понесли.

«Ты зачем пришла?» – Хотела.

«Что несёшь с собой?» – Любовь.

Гибко, радостно и смело
Поднялись метели вновь.

«Где страна твоя?» – На юге.

«Кто велел прийти?» – Сама.

И свистят, как змеи, вьюги,
В ноги стелется зима.

«Что ж ты хочешь?» – Снов и снега.
«Ты надолго ль?» – Навсегда.
Над снегами блещет Вега,
Льдисто-белая звезда.

Волошин (*наклонился и поцеловал её волосы*). Ты любишь свои стихи? Любишь стихи – как любят своих детей?

Лиля (*задумавшись и неуверенно*). Пока пишу, пока горячи, – люблю, а потом они не нуждаются во мне, а я – в них. Правда, каждый раз боюсь, что это – последнее стихотворение и я больше ничего не напишу. А когда начинаю новое, тоже боюсь: не осилю, не справлюсь. Это ты умеешь брать слова за горло. Большой художник с большими причудами, такова природа твоего таланта. Ты веришь в мое ясновидение? (*Принимает вид прорицательницы и вещает особым голосом.*) Вижу твой дом в Коктебеле как место паломничества поэтов и художников. Они приезжают сюда за вдохновением. А в твоём любимом Париже, на одной из маленьких улочек, поставят памятник. На нём будет выбито: *Поэт*. Никто не знает имени скульптора, но все узнают Поэта: «Ба, да это же наш Макс Волошин!».

Волошин. Спасибо, душенька, но с пафосом у тебя перебор. Ты и сама – мастер слова, и Черубине до тебя – до Елизаветы Дмитриевой – ещё расти и расти.

Лиля. Не знаешь, Рара Мако по-прежнему болен?

Волошин. Говорят, болен. И диагноз его болезни – Черубина. Старый ловелас влюбился. Да как! По уши. Он даже признался: «Если бы у меня было сорок тысяч годового дохода, я решил бы за ней ухаживать».

Лиля (*смеётся*). Право же, ужасно смешно слушать про годовой доход в сорок тысяч рублей мне, учительнице приготовительного класса, которая живёт на одиннадцать рублей в месяц.

Волошин. Да, он на что-то надеется.

Лиля. На что же?

Волошин. Черубина якобы сообщила, когда будет кататься на островах. Но где? «Любящее сердце подскажет. Вы сразу же узнаете меня». (*Хохочет захлеб, подерживая рукой огромный трясущийся живот.*) И бедняга действительно потащился на острова, паялился на дамочек, потел, нервничал, прятался, а потом врал всем на потеху, что видел-таки свою Черубину. Она была в такой-то шляпке, на таком-то авто...

Лиля (*смеясь*). И мне то же самое и теми же словами.

Волошин. А когда Черубина якобы уехала на две недели в Париж то ли к духовнику, то ли замуж, то ли за новой шляпкой, как убивался, как страдал наш Ромео! И

признался Анненскому, что увлечен Черубиной не только как поэтессой, поэтому в ужасе: как бы в Париже она не приняла монашеский постриг. Что-то лепетал про святую Терезу Авильскую.

Лиля (*нарочито-пафосно*). О, Тереза Санчес Сепеда д'Авила-и-Аумада? Моя обожаемая испанка, сочинительница мистических романов. Её слава поспорит со славой Дон Кихота?

Волошин. Не ёрничайте, Лиля! Я помню, как Мако зубами чечётку отбивал... от страха неизвестности. А когда Черубина по возвращении в Петербург слегла с воспалением лёгких, он чуть не рехнулся. И все называл меня «мой Сирано». Нет, Мако – не дурак, он близок к разгадке тайны Черубины, хотя и сам не подозревает этого. А я – Сирано. Си-ра-но! Смех да и только! Когда он получил от Черубины сонет, написанный по-французски, то заставил меня написать ответный сонет и тоже по-французски. Самому-то слабо! Вот я и строчу. То за Черубину, то за Мако... Конечно, я – Сирано! А кто же? Комедия, как есть комедия!

Лиля. Дурная комедия. Что будет, когда всё откроется? Что будет со мной? Как жить дальше?

Волошин. Одному Богу известно!

Лиля. Черубина, которой нет. Стихи – лишь часть жизни. Хочется стать верной женой, нежной матерью. Хочется жизни во всей полноте! Где дружба, любовь, страдания, болезни?.. Я люблю детей, люблю море, мужчин и вино, Францию и наш Петербург. Я не в силах отказаться от житейских радостей ради поэзии. Нет! Я и монахиней бы не стала, даже если бы Бога любила, если бы ве-ри-ла... Поэтому преклоняюсь перед Терезой Авильской. Она стала той, которой никогда не стану я, окаянная и убогая. Но, знаешь, Макс, во мне есть какой-то мистический ток... От Бога? Или от дьявола? Во мне – всевидящее сердце! Оно предчувствует, предсказывает. Послушай! (*Кладет руку Макса себе на грудь*). Это – сердцебиение любви! Душа разорвана на две половинки. И вторая её половинка – ты!

Волошин. Лиля, опять за старое? Ну сколько можно? Мы же договорились! Ни слова больше! (*Обнимает её*).

Лиля. Ты всегда вдали, даже когда обнимаешь. Разве ты замечал меня, мошку-комашку? Был слеп и глух. Потом вдруг прозрел и услышал. Ты, Макс, – самая большая и недостижимая любовь моей жизни! Признайся, Аморя* – твоя жена?

Волошин (*отходит в сторону, в раздумье*). И да, и нет. Жена – всего лишь название.

Лиля (*как в бреду, ходит по кругу и говорит «по кругу»*). Я же была твоей. Ты не бросишь меня? Не отдашь другому? Ведь я была твоей. Когда и как не помню, но была и буду твоей. Никого раньше тебя, ты – первый... Нет-нет, я все забыла.

Волошин. Забыла, говоришь? Да тебе до конца своих дней не забыть, как всё у нас начиналось.

Действие второе

СЦЕНА 1

Коктебель. Солнечное утро. Шум морского прибоя. Дом Волошина. Снаружи на стене нижнего этажа, откуда белая лестница поднимается на открытую белую веранду, размашисто выведено:

Бесстыжий Макс – он враг народа.
Его извергнув, ахнула природа.

Высокая веранда похожа на палубу корабля, откуда открывается вид на море и на гору Карадаг. За столом, накрытым к завтраку, Максимилиан Волошин, похожий на языческого бога Вакха, и Елизавета Дмитриева, в белом сарафане, в венке из коктебельской сиреневой полыни, на руке, как браслет, сердоликовые четки.

Лиля и Макс чаёвничают.

Лиля. Приснился сон – как из фильма. То ли арена, то ли античный форум. Непонятно, в какой стране? В какие времена? И стихи, стихи, стихи. Очень много женщин! Лица – как маленькие солнца. Молодые, прекрасные. И немолодые, но тоже прекрасные. Читают стихи наравне с мужчинами. Самое фантастическое – имена этих женщин: Белла, Новелла, Юнна, Инна, Римма. Все рифмуются между собой. Я тоже хочу необыкновенное имя. Поэтесса Дмитриева, кому запомнится? Кого удивит? Никому и никого. Мне хочется, чтобы кто-то стал моим зеркалом, где я – как блоковская «Незнакомка»...

И веют древними поверьями
Её упругие шелка...
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука...

Быть вдохновенной и неуловимой, как аромат духов!.. *(Протягивает Волошину руки, он нежно склоняется и целует их.)* А не хромой калекой, на которую без боли не глянешь. Как ни приду в «Аполлон», Маковский глазки долу... уж так неприятен ему весь мой вид. Отказывать хромоножке затруднительно и неловко. Жалко господина редактора! Я решила не ходить в редакцию. Почтой отсылаю стихи.

Волошин. Знаете, Лиличка, с хромоножками не просто. Сколько их прославилось?! У Дюма фаворитка Короля-Солнце, прекрасная, с пепельными локонами, – Луиза де Лавальер!

Лиля. Обожаю Луизу де Лавальер, мое утешение!

Волошин. Людовик решительно ввёл моду на хромоножек. А хромоножки Достоевского? Например, из «Бесов». Марья Тимофеевна Лебядкина, на которой женился Ставрогин. Помните, восторженная идиотка, но при этом ясновидящая.

Лиля. Как я, да?

Макс. Физическое уродство или умственное расстройство – они усиливают чистоту сердца, открытость, смирение. Всмотритесь: ваш недостаток – это ваше отличие от обыкновенного. Вы, Лиля, необыкновенная!

Лиля (*очень неуверенно*). Возможно, но талант – дар Божий – принято отождествлять с красотой. Я с детства, когда подолгу болела и ноги совсем не держали, мечтала стать красавицей.

Волошин. Не печальтесь, Лиля. Это ваш крест, но кое-что можно подправить. Хотите псевдоним? Я найду такое литературное имя, какого не было и не будет. Оно войдёт в историю русской литературы, клянусь! Только будьте готовы, сударыня: другое имя – это другая судьба. Готова ли Елизавета Ивановна Дмитриева к таким испытаниям?

Лиля. Я подумаю.

Макс уходит в дом и возвращается с деревянной фигурой из корня.

Волошин. Обыкновенный морской черт. Я нашел его здесь, в Коктебеле, возле мыса Мальчин. Он не первый год сожительствует на одной полке с французскими поэтами. Присмотритесь, всего лишь корень виноградной лозы, но сколько фантазии! Скульптор известен: волны, трудолюбивые морские волны. Смотрите, одна рука, одна нога и собачья морда, правда, довольно добродушная. Почти как у меня, а? (*Рычит, но по-доброму, изображая пса.*) Пришлось порыться в чертовских святцах, и я кое-что накопал. Остановился на имени «Габриак». Вслушайтесь: «Габри-ак». Кто он? Бес, конечно. Но бес добрый, защита от злых бесов. Жизнь поворачивается к вам, Лиля, солнечной стороной: вы пишете стихи, вы помолвлены с благородным человеком Волей Васильевым, и вообще не обделены мужским вниманием. Судачат, к примеру, о Леониде и о таинственном господине К., о немецком переводчике, о Зноско, а об интимной переписке со студентом из Тюбингена слышан давно. За что они вас так любят?

Лиля (*горько усмехнувшись*). Ну не за красоту. А я больше всего ценю красоту. Вот не могу налюбоваться Карадагом. И, знаешь, Карадаг похож на тебя. Или ты на Карадаг? (*Подходит к Макс, ведет пальцем по его лицу*) Твой профиль, твой лоб, нос, твоя борода, которую ты полощешь в волне...

Волошин. Фантазёрка! Напиши об этом стихи.

Лиля. Я не побоюсь связать себя с твоим чертом. И мое новое имя будет начинаться с буквы Ч... Чёрт, чертовка, чёртушка, чертяка. Помнишь Черубину, героиню Брет Гарта? Она жила на корабле как возлюбленная всех матросов. Теперь Черубиной буду я.

Волошин. Ну что ж, *Черубина* – звучит! Для аристократичности образа хорошо бы прибавить к фамилии частицу «де». И – вуаля! – *Черубина де Габриак*.

Лиля (*хлопает в ладоши, визжит и бросается обнимать Макса*). Прелестно! Головокружительно! Рифмуется Сирано де Бержерак и Черубина де Габриак. Какая игра звуков и смыслов! Макс, ты будешь моим Сирано. Люблю, молюсь. Ты – мой Бог, мой единственный!

Волошин. Не надо, Лиля. Ты говоришь недопустимые вещи.

Лиля. Нет, надо, надо! Мы будем вместе, Макс?! Ты выбрал мне новое имя, оно определит новую роль и для тебя в нашей будущей пьесе. В будущей жизни.

Волошин. Будущая жизнь – это двойная жизнь, где ты – и Лиля, и Черубина. Твоё раздвоение затронет твою душу, которая то болит, то взлетает, то в пятки уходит. Только душа бессмертна. А мы тут острым, забавляемся, с чёртом роднимся. Ей-богу, я чувствую себя виноватым. Но ты сама так захотела, девочка! Боюсь, ты потеряешь себя, но зато прославишься как несравненная Черубина де Габриак!

Лиля. Я ничего не побоюсь. Черубина откроет мне – *меня*. Я смогу писать. Нет ничего тяжелее, чем невозможность творчества. Хромая уродина не напишет хороших стихов. А я чувствую в себе и музыку стихов, и вдохновение. И ты, Макс, мой главный режиссер! Ты уже при жизни – литературный персонаж, как Сирано. Знаменитый поэт, философ, но и... *(после паузы)* Сирано – отчаянный дуэлянт.

Волошин *(встревоженно)*. Идиотская шутка про дуэль. Или предчувствие? Что???

СЦЕНА 2

Вечер. Огромная мастерская художника Александра Головина в Мариинском театре: на полу и на стенах декорации к разным спектаклям, в том числе к опере Глюка «Орфей». Доносится голос поющего Шаляпина. На мольбертах портреты поэтов – авторов «Аполлона». Волошин позирует Головину. В отдалении за накрытым к ужину столом тихо беседуют Михаил Кузмин, Маковский и Брюллова.

Кузмин. Да, это известная история, и тянется ещё с Парижа. Гумилёв якобы мечтал жениться, чтобы обрести самостоятельность. Парадокс, не правда ли? Тем более для поэта. Какой-то его приятель-доброхот посоветовал: «Ты бы женился!» – «На ком?» – «Ну конечно, на поэтессе. Вы вместе подниметесь на Парнас и станете великими. Вот Лиля Дмитриева! Чем не пара?». Гумилёв – ни да, ни нет. Только плечами пожал.

Брюллова. Я слышала эту историю со слов Лили. Будто бы она познакомилась с Гумми – так она звала Гумилёва, пошло ведь! – но, представьте, ему это нравилось. Лет пять назад они познакомились в Париже, в мастерской художника Себастьяна Гуревича, который писал Лилин портрет.

Мизансцена, которая идет как бы параллельно реальности мастерской Головина, то есть – над действительностью, где-то в вышине (может, на облаке или на балконе, как у Ромео и Джульетты, или в окнах мастерской. Два профиля (по аналогии с театром теней) или два разноцветных прожекторных луча: один цвет – Лиля, другой – Гумилёв. Они могут меняться местами и цветовыми лучами. В цветном луче прожектора фигура Лили.

Лиля. Ужасное имя Николай, и я звала тебя «Гумми». А ты меня Лиля. Гумми – вечный мальчик, который ужасно картавит. Меня это сместило: картавый поэт! Хорошо помню, ты читал стихи.

* Прозвище первой жены М. Волошина Маргариты Сабашниковой.

В цветном луче прожектора фигура Гумилёва.

Гумилёв.

Что ты видишь во взоре моём,
В этом бледно-мерцающем взоре?
– Я в нём вижу глубокое море
С потонувшим большим кораблём.

И никто никогда не узнает
О безумной, предсмертной борьбе
И о том, где теперь отдыхает
Тот корабль, что стремился к тебе.

В цветном луче прожектора фигура Лили.

Лиля. Помнишь, как ты, Гуревич и я сидели в ночном кафе. Париж! Первый раз в жизни! Маленькая цветочница продавала цветы. Ты купил для меня букет из белых гвоздик. И мы поздней ночью бродили вокруг Люксембургского сада, ты говорил о Пресвятой Деве...

Подсветка гаснет.

Брюллова. Больше они не виделись. И встретились через несколько лет на лекции в Петербурге, где был Волошин. Лиля боготворила Макса. И он её любил. Вот там-то Лиле и представили Гумилёва. Они узнали друг друга. Лиля была в сильной агитации. И Гумилёв рад. Потом все поехали в ресторан.

В цветном луче прожектора фигура Гумилёва.

Гумилёв. Мы понимали друг друга с полуслова. Много говорили об Африке, про всю звериную экзотику – львы, крокодилы, жирафы. Вдруг ты очень серьезно: «Не надо убивать крокодилов». Я усмехнулся, а ты даже для приличия не сделала вида, что улыбаешься. На следующий день я переспросил Макса: «Она всегда такая?» – «Да, всегда», – ответил Макс. Помню, я провожал тебя. Мы шли через весь город, шли до рассвета. И оба поняли тогда, что это *встреча*. И сил ей противиться нет.

Не смущаясь и не кроясь, я смотрю в глаза людей,
я нашёл себе подругу из породы лебедей.

Подсветка гаснет.

Брюллова. Гумилёв несколько раз просил Лилю выйти за него замуж, она не соглашалась.

Кузмин. Бедный Гумилёв! Четыре раза делал предложение Ахматовой, и отказ за отказом. Наконец, все-таки снизошла, согласилась, но вскоре разорвала помолвку. Он даже стрелялся с горя. А тут ещё и Дмитриева. Тоже фрукт! Может, Гумилёв решил, что Дмитриева – достойная замена Ахматовой: обе поэтессы, обе влюблены во французскую литературу. К тому же Ахматова не выносила его экзотических путешествий и рассказов про Африку – она решительно выходила в соседнюю комнату.

Брюллова. А Лиля – наоборот.

Маковский. Друзья, я чего-то, видимо, не понимаю в женщинах. Гумилёв, такой поэт, такой мачо, как говорят испанцы, – и эта хромая серая мышь Дмитриева... Да ещё и отказала!

Брюллова. Лиля отказала потому, что уже была невестой студента, будущего инженера Всеволода Николаевича Васильева. Воля – милый, жертвенный. Он бесконечно любил Лилю. И сейчас любит. Но, кроме любящего сердца, в нём ни-че-го: ни таланта, ни денег.

Кузмин. Похоже, Васильев при Дмитриевой – как князь Мышкин при роковой Настасье Филипповне?

Брюллова. Да-да, точно. Лиля не посвящала Гумилёва в свою жизнь. И все разговоры только о литературе. Но в нём была железная воля подчинить Лилю во всем. А Лиля – упрямая, она сама обожает помучить, как в детстве её мучил безумный брат Алёша. Гумилёв любил Лилю сильнее, чем она его. Он знал, что она – чужая невеста, и ревновал к Воле. Ломал ей пальцы, потом плакал, на коленях просил прощенья, целовал подол её платья.

В цветном луче прожектора фигура Лили.

Лилия. В мае мы поехали в Коктебель к Макс. Судьбе было угодно свести всех троих: тебя, Макса и меня. Здесь началось то, в чем я больше всего виновата перед тобой. Признаюсь, самая большая моя любовь – Макс, божественный, недостижимый. Но ему всегда не до меня.

Подсветка гаснет.

Брюллова. Гумилёв ревновал не только женщин. Он был жутко ревнив к чужому творчеству. Всегда кого-то ругает, клянет, смеется, презирает, даже Блока не щадил. А Лиля видела в нём благородного корсара. Он писал тогда своих «Капитанов».

В цветном луче прожектора фигура Гумилёва.

Гумилёв. «Капитанов» мы писали вместе, обдумывали каждую строчку.

И кажется – в мире, как прежде, есть страны,
Куда не ступала людская нога,
Где в солнечных рощах живут великаны
И светят в прозрачной воде жемчуга.

С деревьев стекают душистые смолы,
Узорные листья лепечут: «Скорей,
Здесь реют червонного золота пчелы,
Здесь розы краснее, чем пурпур царей!».

И карлики с птицами спорят за гнезда,
И нежен у девушек профиль лица...
Как будто не все пересчитаны звёзды,
Как будто наш мир не открыт до конца!

В цветном луче прожектора фигура Лили.

Лилия. Гумми возненавидел Макса, а мне это больно. И тут, в Коктебеле, я вдруг узнаю, что Макс любит меня. Я рванулась к нему. А он на ходу, небрежно: «Выбирай,

Лиличка! Но если уйдешь к Гумилёву – я буду тебя презирать». Выбор был сделан, хотя Николай Степанович для меня – как прекрасная белая гвоздика из букета нашей парижской встречи. Но мне, безумной, хотелось: пусть будут оба! пусть оба, оба! Зачем выбирать? И все же я попросила Николая Степановича уехать, ничего не объясняя. Просто сказала: уезжайте!

В цветном луче прожектора фигура Гумилёва.

Гумилёв. Слава Богу, мне хватило иронии, чтобы пережить любовное фиаско. Целую неделю я бегал по горам и ловил тарантулов. Мои карманы были набиты пауками, посаженными в спичечные коробки. Я устраивал бои тарантулов. Потом все осточертело. Я распустил пауков, дописал поэму и уехал.

В цветном луче прожектора фигура Лили.

Лиля. Уехал, уехал решительно... но куда? – под юбку Ахматовой, в Одессу. И сделал ей очередное – пятое, что ли? – предложение. Каков корсар? А я до осени прожила в Коктебеле. Самые счастливые дни моей жизни. Здесь родилась наша Черубина.

Подсветка гаснет.

Брюллова. Лиля вернулась в Петербург чужая для Гумилёва. Она мучила его, смеялась, подкалывала. Он все терпел, и, представьте себе, опять попросил ее выйти за него замуж.

В цветном луче прожектора фигура Лили.

Лиля. Я собралась замуж за Максимилиана Александровича. Но в Коктебеле мне было странное видение. Не сон. (*Дальше – как в бреду, тревожная, сбивчивая, экзальтированная речь. Подсветка ядовитого синего цвета.*) На границе сна и реальности. Какой-то человек: большие черные глаза, горбатый нос, длинная черная борода, а сам блондин. От него веяло адским огнем... синего цвета. Сказал, если я останусь с Максом, то безумие накроет меня жестокой полярной ночью. Безумие поглотит не только меня, но и Макса. Черный блондин сказал, что у нас родится девочка Вероника, тоже безумная. Безумны все, все! Но есть выбор: или безумие – сладкое, страшное! – или сознание – горькое, ясное! Оно не для слабых... не для доченьки моей милой, Вероники... кстати, где она? (*Всматривается в зал.*) Что с ней? Вероника! Вероника! Кто-нибудь видел ее?

Подсветка гаснет.

Брюллова. Лилю преследовал образ рано умершей дочери Вероники. Она посвящала ей стихи, бредила, воображала. На самом деле Вероника – лишь навязчивая идея. И так же с братом Алёшей. Она всем рассказывала о тяжелом детстве, что много болела и почти не ходила, а брат был припадочный, безумный... А потом оказалось, что брат – морской офицер на Балтийском флоте. Где правда, где – воображение или бред? Лилю не понять.

В цветном луче прожектора фигура Лили.

Лиля. Я выбрала не быть... Мне, Макс и Веронике не быть вместе. Разве безумный Макс покинет безумную меня? Этот черный блондин предостерег, если Макс

хоть раз возьмет меня, то уйдет навсегда. О, я чувствую в себе силу! Я удержусь. И уйду. Меня заждалась Вероника, ее пора покормить, потом прочитать сказочку на ночь. Макс, родной, помоги! Я ухожу. Может, мне уйти к Воле и стать его женой? Я почти полюбила Волю, я смогу. Зачем мучила Гумилёва? Но – тоже любовь, хотя совершенно иная. Во мне две души: одна от Бога, а другая... известно от кого. Не плачь, Вероника, я иду, я здесь...

Подсветка гаснет.

Брюллова. Гумилёв не выдержал. От любви до ненависти... Однажды он остановил Лилю: « В последний раз вас прошу – выходите за меня замуж». Лиля отрезала: «Нет!». Он побледнел: «Ну, тогда вы узнаете меня». Это была суббота.

Маковский. А что потом?

В цветном луче прожектора фигура Лили.

Лиля. В понедельник ко мне пришел немецкий переводчик Иоганнес Гюнтер и, как настоящий друг, сказал, что Гумилёв говорит обо мне всякие гадости. Я позвала Николая Степановича к Лидии Павловне Брюлловой.

Подсветка гаснет.

Брюллова. Да-да, у меня уже сидел этот болтун Гюнтер. Приехала Лиля. Вскоре пожаловал Гумилёв. И при всех, повторяю, *при всех* Николай Степаныч повторил дословно.

В цветном луче прожектора фигура Гумилёва.

Гумилёв. Мадемуазель Дмитриева, вы распространяете ложь, будто я собирался на вас жениться. Смешно! Ужасно смешно! Вы были всего лишь моей любовницей. А на таких не женятся!

Подсветка гаснет.

СЦЕНА 3

Утро после дуэли. С улицы доносятся мальчишеские голоса.

– Покупайте свежие газеты! Дуэль! Опять дуэль на Черной речке! Стреляли в русскую литературу! Кто за этим стоит? Покупайте газеты! Дуэль!

В редакции журнала «Аполлон» собрались Маковский, Михаил Кузмин, Алексей Толстой, Лидия Брюллова.

Маковский. Невозможно вообразить, два гения русской литературы чуть не убивали друг друга из-за какой-то, простите, убогой хромоножки? Неужели из-за Дмитриевой?

Брюллова. Да, стрелялись! 22-го ноября на Черной речке. Место проклятое, роковое. Как тут без литературы? Как без Пушкина?.. В секундантах со стороны Волошина – наш (*показывает рукой*) Алеша Толстой и художник Александр Шервашид-

зе; а от Гумилёва (*кивает в сторону Кузмина*) – Михаил Кузмин и наш шахматный гений Зноско-Боровский. Гумилёв прибыл с секундантами и врачом. Но ему пришлось ждать. И довольно долго. Автомобиль Волошина застрял в глубоком снегу. И в этом же снегу Волошин потерял калошу. А без калоши он не соглашался сделать ни шагу! Анекдот! Гумилёву пошел навстречу Волошину, чтобы поучаствовать в поисках злосчастной калоши. Ее так и не нашли. Но совместные поиски сделали дуэль комической. Все обхохотались. Теперь Макса Волошина зовут (*хихикает*) – Вакс Калошин, слышали? Вакс Калошин!

Все хохочут.

Толстой. Да, мистификация зашла слишком далеко. Я точно знаю и утверждаю: обвинение, брошенное Гумилёву, ложное. Слов этих он не произносил, однако из гордости ничего не отрицал.

В мастерской Головина в половине одиннадцатого вечера, под звуки «Фауста» произошла жуткая сцена. Волошин дал пощечину Гумилёву по всем правилам дуэльного искусства: сильно, кратко и неожиданно. Как написал Достоевский: звук пощечины – действительно мокрый. Гумилёв покачнулся, но устоял: «Ты мне за это ответишь». А Макс резко так: «Вы поняли?». И Гумилёв: «Понял».

Подбежали разнимать, но Гумилёв владел собой и вызвал Макса на дуэль.

Кузмин. Как очевидец и секундант, заявляю: через три дня дуэль состоялась. Гумилёв потребовал стреляться в пяти шагах до смерти одного из противников.

Толстой. Он не шутил. Не было выхода из этой ситуации, кроме дуэли. Под утро, в ресторане Альберта, мы со Зноско-Боровским уломали Гумилёва стреляться на пятнадцати шагах. Дай Бог, чтобы это была последняя дуэль в истории русской литературы. Непростительно глупо мы потеряли Пушкина, потом Лермонтова... Поэты часто плохо кончают: травятся, вешаются, стреляются.

Кузмин. Гумилёв стрелял первым и промахнулся, а у Волошина пистолет дважды дал осечку. Тогда Гумилёв потребовал третий выстрел, но мы отказали. Возвращаясь к причине дуэли, хочу сделать прелюбопытное открытие. После того, как из-за женщины чуть не погибли два гениальных русских поэта, я не буду молчать. Мне известно, кто эта женщина, таинственная Черубина. Вы все ее хорошо знаете: это все та же Елизавета Ивановна, поэтесса Дмитриева!

Маковский (*вскакивает и хватается за голову*). Нет, нет, это невозможно, никак невозможно! Дмитриева?!.. (*Хватается за сердце*). Не верю, не верю, господа!

Кузмин (*равнодушно*). Рассказываю! Дмитриева – весьма любвеобильная особа. И по женскому тщеславию она вдруг доверилась нашему болтуну Гюнтеру. Но он тоже поэт и тоже влюблен в Черубину. Однажды он провожал Елизавету Ивановну, и она разоткровенничалась. Рассказала, как жила в Коктебеле у Волошина, и про роман с Гумилёвым тоже рассказала. Почему-то заговорили о Черубине. Гюнтер спросил: как вам стихи Черубины де Габриак? Эта испанка вскружила голову всем: и Маковскому, и Максу, и Зноско, и даже мне. Читали хвалебную рецензию Волошина? Мечтаете, чтобы и о ваших стихах так писали?

Дмитриева остановилась. Долго молчала, долго смотрела Гюнтеру в глаза и спросила: «Сказать вам?» Гюнтер кивнул. «Обещаете, что никому не скажете? Вы единственный, кому я это говорю» Она дрожала от волнения. И прошептала ему прямо в губы: «Черубина де Габриак – это я». Гюнтер был потрясен и страшно горд, что он – единственный, кому известна тайна Черубины, за которой охотится весь Петербург. Но не каждый немец – скала! Он не спал всю ночь, дожидаясь рассвета. А поутру об этом узнали многие.

Брюллова. Да, по словам Гюнтера, Гумилёв живописал свой роман с Лилей в Коктебеле. Всё в непотребных выражениях. И вскоре Гюнтер устроил Лиле «очную ставку» с Гумилёвым. Глядя Гумилёву в лицо, она сказала, что это ложь!

Толстой. Нет. Не так. При очной ставке Гумилёв услышал ложь из уст Дмитриевой. Из гордости и презрения он подтвердил эту ложь. Надо знать характер Гумилёва и его представления о чести!

Маковский (*совсем потерявшись, чужим голосом*). Я не первый день знаком с Дмитриевой, она не раз приносила свои переводы и стихи. Помню ее хриплый голос учительницы и помню чарующий голос Черубины. Нет, господа, концы с концами не сходятся. Дмитриева – не Черубина! Черубина – не Дмитриева!

Кузмин. Да она, она. Переводы подписывает как Дмитриева, а оригинальные стихи как Черубина де Габриак.

Не осветят мой тёмный мрак
Великой гордости рубины...
Я приняла наш древний знак –
Святое имя Черубины.

Вы, Сергей Константинович, соберитесь с духом и позвоните-ка ей без промедления! Ведь у вас абсолютный слух. Надеюсь, сможете различить: Черубина или все-таки Елизавета Дмитриева?

Маковский, поколебавшись, подходит к телефону и звонит. В трубке звучит голос Черубины, который невозможно не узнать. Мако счастливо улыбается и молча кладет трубку.

Маковский. Чарующий голос. Правда, я все еще в аффекте! И теперь не уверен: Черубина ли это? Да пусть она не испанка, не благородная инфанта, пусть – наша, простая русская девушка, она от этого, ей-богу, даже роднее мне и ближе. Пусть некрасивая, пусть даже хромоножка. Но не Дмитриева же, в конце концов? Я не смогу разлюбить, не смогу забыть свою Черубину. Нет, невозможно! (*Со слезами в голосе.*) Она мне нужна, как воздух, как солнце. Обожаю ее и ее стихи!

Кузмин (*обличительно*). Вы полюбили призрак, дорогой Мако! Черубины не существует. Это мистификация. Возможно, величайшая мистификация в русской литературе. Возможно, первая и последняя такого масштаба. Мне даже кажется, я знаю автора этой мистификации. Не уверен, стоит ли раскрывать его имя? Вы и без того совершенно убиты.

Брюллова. Наоборот, говорите и поскорей!

Кузмин (*издеваясь*). Крепитесь, дорогой Сергей Константинович, это ваш давний друг, неподражаемый и несравненный Макс Волошин, или Вакс Калошин. Как вам угодно!

Маковский. Нет! Зачем Волошину эта идиотская мистификация? Зависть, корысть? Интрига? Мистификация когда-нибудь кончится, и что дальше? Как смотреть друг другу в глаза? Как жить? Не жестоко ли, не унижительно ли по отношению ко всем нам, ко мне лично, но в первую очередь к госпоже Дмитриевой, если она – Черубина?

Кузмин. О, Макс известный любитель розыгрышей. Он и Цветаевой предлагал устроить мистификацию. Напечатать ее стихи под именем поэта Петухова. Не исключено, что Волошину захотелось просто посмеяться над вами. Да-да, над тем, как вы требовали, чтобы сотрудники приходили в редакцию в смокингах или пригласить на редколлегию кордебалет в мужских костюмах.

Дмитриева – убитая жизнью учительница. Пишет скучнейшие подражательные стихи. Ее судьба – клубок несчастий, пропасть между реальностью жизни и фантазиями творчества, между мистикой души и физикой тела. А господин Волошин, возомнив себя Господом Богом, дал бедолаге шанс стать собой под именем красавицы Черубины! Иначе несчастная Елизавета Ивановна никогда не написала бы таких волшебных стихов. Весь Петербург зачитывается. Да что Петербург, вся Россия. Все провинциальные журналы перепечатают стихи Черубины.

Брюллова. Но я, как говорит современная молодежь, я в шоке! Ведь Лиля Дмитриева – моя подруга и дальняя родственница. А я – ни сном, ни духом. Но люблю и жалею ее. Было бы любопытно узнать, собираетесь ли вы и впредь, милейший Сергей Константинович, печатать стихи Черубины, то есть Елизаветы Дмитриевой?

Маковский (*гордо вскинув голову*). Я не держу зла на Черубину. Я люблю эту девушку. Не уверен, правда, что она и Дмитриева одно и то же лицо. Пусть больше не прячется, пусть, наконец, ставит под стихами свое настоящее имя. Кстати, в десятом номере «Аполлона» идет большая подборка стихов Черубины с замечательным оформлением Лансере. Журнал раскупят, как горячие пирожки. А тут еще и дуэль, и мистификация. Наш «Аполлон» прославится! Но, господа, объясните, за что Волошин дал пощечину Гумилёву? Ведь дуэль не имела никакого отношения к мистификации.

Кузмин. Якобы Гумилёв признался Максу, что у него с Лилей в Коктебеле закрутился сумасшедший роман. И все это в непристойных выражениях.

Брюллова. Несчастливая Лиличка. Волошин использовал ее для скандального розыгрыша.

Кузмин. Нечего ее жалеть! Ваша Дмитриева – заигравшаяся авантюристка и шантажистка. Тоже мне роковая красотка. У нее есть стихотворение «Двойник»... Не о себе ли – как о Черубине – она написала? (*Читает.*)

Вижу девушки бледной лицо, –
Как моё, но иное – и то же,

И моё на мизинце кольцо.
Это – я, и все так непохоже.

И моё на устах её имя,
Обо мне её скорбь и мечты,
И с печальной каймою листы,
Что она называет своими,
Затаили мои же мечты.

Помните ее первое письмо со стихами в траурной рамке? Вам и этого мало, чтобы, наконец, поверить?!

Входит секретарь.

Секретарь. Простите, Сергей Константинович, господа! К нам, как всегда нехстати, пришла поэтесса Дмитриева. Пускать или как?

Все (*перебивая друг друга*). Кто? Что? Боже мой! Не может быть! Легка на помине... Она?

Секретарь. Прошу вас, госпожа Дмитриева!

Все онемели. Все прячут глаза, отворачиваются друг от друга. Чудесный сон вдруг канул в вечность, проступила неумолимая действительность.

Дмитриева (*еще сильнее хромая*). Здравствуйте, господа! (*С удивлением обводит всех взглядом, чувствуя что-то...*) Что с вами? Это похоже на финальную сцену из «Ревизора».

Маковский (*с неприязнью*). Да уж, госпожа Дмитриева, похоже. Меньше всего мы ожидали увидеть именно вас.

Дмитриева. Господин Маковский, хочу вас, наконец, порадовать – я без стихов. И пора сбросить маски. Позвольте представиться: Черубина де Габриак!

Склоняется в глубоком поклоне.

Маковский (*разочарованно и устало*). Не верю, не верю, Елизавета Ивановна! Увольте нас от подробностей. Нет никакой Черубины де Габриак. Ее история закончилась.

Дмитриева. Я знаю, что она умерла. Но все вы – и вы первый, дорогой Сергей Константинович, еще любите Черубину и ее стихи. Стихи останутся! А Черубина умерла. Преставилась, приказала долго жить, безвременно почила... И Бог с ней!

Среди живых я не живая,
И, мёртвой, мира мне не жаль.

Моя сестра Тоня умерла в три дня от заражения крови. Ее муж застрелился. При мне. Хоронили их вместе. Было радостно, как на свадьбе! Так же со мной и с моими стихами. В тот момент, когда все (*обводит рукой присутствующих*) меня полюбили, когда мои стихи звучат в гостиных, в собраниях и даже на улицах, когда они на первых страницах журналов и на устах моих поклонников, вдруг всё открылось...

и я навсегда потеряла себя. Умерла моя призрачная мечта, позволявшая жить полной жизнью и чувствовать себя красавицей, которой влюбленные поэты посвящали стихи! У меня было все: стихи, любовь, красота! И теперь я с открытыми глазами готова шагнуть в пропасть, в забвение, в изгнание! Я знала, на что шла. И знаю цену своих потерь. Похоронив Черубину, я похоронила себя. De mortuis aut bene aut nihil.

Маковский. Да-да, о мертвых или хорошо, или ничего.

Дмитриева. Благодарю за великодушие. Но мне очень страшно, господа! К вам я пришла Черубиной, а выйду отсюда... кем? *(Далее громкий горячий бред.)* С детства боялась призраков, привидений. И сейчас боюсь, боюсь... *(Перешла на шепот с самой собой.)* Вдруг встречу живую Черубину и она толкнет меня в спину: ты кто такая?.. *(Будто очнувшись.)* Самозванка? Юродивая Елизавета Ивановна Дмитриева? Но юродство – подвиг во славу Божию. А я в Бога не верю, не верю, не верю *(трижды крестится).* Брат говорил, что дьявол победил Бога. *(Распрямляется и в полный голос)* Может, я близнец Черубины? Милые мои, дорогие, вы принимаете меня за самозванку? Что-то не припомню в русской истории ни одной знаменитой самозванки, сплошь – самозванцы, бредившие царской короной и властью.

Брюллова. А Княжна Тараканова? Трагедия судьбы и смерти!

Дмитриева. Вся жизнь Черубины – трагедия! *(Переходит на безумный шепот.)* Я предвижу будущее и не только свое. Вот – над империей огненные тучи и кровавые ливни, вот – черные смерчи, пожирающие города и народы. Если искать спасения, то на краю ойкумены, подальше от прогресса и от революций, которых так жаждет русская душа. Когда во мне угаснет все женское: щеки будут, как яблоки печеные, а глаза – узкие щелочки, – я стану похожа на старика-китайца по имени Ли Сян Цзы. Запомните это имя: Ли Сян Цзы. В Стране желтых кочевников, в Городе камня я поселюсь в маленьком домике под старой развесистой грушей и буду писать черной тушью по алому шелку.

Домик под грушей,
Домик под грушей,
Домик в чужой стране,
Даже в глубоком сне
Сердце свое послушай.

Это случится после Петербурга и после Екатеринодара, в далеком и жарком Ташкенте, в ссылке... И горечь изгнания превратится в радость песен. Там, в Ташкенте, я умру за веру в бессмертие человеческого духа, умру одинокой больной старухой. Мне будет уже сорок один год *(смеется).* И только Воля Васильев, мой верный муж, только Воля не покинет меня.

Помню, до десяти лет меня одевали и стригли как мальчика. Брат выгонял на улицу и заставлял просить милостыню: *подайте обнищавшему дворянину.* Я отдавала ему всё до копейки, а он кидал мои копейки в воду и поучал: *стыдно, ох как стыдно брать чужое.* С тех пор мне ничего не стыдно! Не стыдно писать и любить как Черубина! Хотя и озноб по спине *(юрдствуя, подбегает к Маков-*

скому) – а не убила ли благородная Черубина душу Лили Дмитриевой, которая ничего не могла и ничего не сумела? Не убила ли? *(Будто очнувшись от бреда, выходит на середину сцены.)* Кто же я, кто? Я всем сердцем люблю все русское. Нашу природу, старину, характеры. Эта любовь в крови, в сердцебиении и дыхании. Правда, и от Европы я много взяла. Европа вдохновила меня стать Черубиной *(плачет)*, но и Азия примет меня, как свою, пожалеет и утешит, и похоронит... только могилка бесследно исчезнет. *(И очень смиренно)* Простите меня, господа, за обман, за боль разочарования! *(Вдруг вскидывает голову, расправляет плечи, выпрямляется, глаза ее горят.)* Я ухожу. И не просто ухожу. Я умолкаю и остаюсь никакой не поэтессой, не поэткой, а только – безвинный младенец Елисавета, Елизавета Ивановна Дмитриева. Все – поэты именем Бога, а я? Я – рассыпающая жемчуга! Но вы еще не раз меня вспомните!

Занавес.

«Всё началось с перевода...»

На вопросы ВС отвечает поэт и переводчик Максим КАЛИНИН

– Максим, если не возражаете, начнем с биографии... Вы родились в 1972 году в Рыбинске, окончили Рыбинский авиационный технологический институт. Однако больше известны сегодня как поэт и переводчик. Как и когда произошел поворот к поэзии (и переводу)? Когда это из увлечения стало основным, главным, и почему?

– Можно сказать, что всё началось с перевода: не особенно интересуясь поэзией, в студенчестве я полюбил классическую рок-музыку, в частности Джима Моррисона и «The Doors». Переводил тексты песен, потом начал делать что-то свое – получалась этакая гремучая смесь Серебряного века с «золотыми шестидесятыми». Дальше, через того же Моррисона, узнал Блейка и Бодлера, опять же – в переводе. Один из моих учителей потом сетовал, что в моих стихах отсутствует «витамин русской поэзии» – сейчас, надеюсь, я это исправил. Кроме того, в начале века пришел Интернет и «сделал людей равными» – появился свободный доступ как к русской, так и к заграничной поэзии, лучшие образцы которой не только вдохновляли, но и служили превосходной школой.

– И вопрос вслед – связанный с поворотом к христианству в стихах. Если говорить о вашей поэзии, то в публикациях 2000-х христианская тема где-то присутствует, но, скорее, как фон. А вот непосредственное обращение к духовной лирике ощутимо в начале 2010-х, когда публикуется ваш цикл «Сонеты о русских святых». Это было связано с какими-то событиями в вашей жизни?

– В начале нулевых я занимался творчеством, возможно, лучшего сонетиста викторианской эпохи – Юджина Ли-Гамильтона. Особое место в его наследии занимает книга «Воображенные сонеты»: уместенные в четырнадцать строк монологи различных персонажей – исторических, литературных и легендарных, произнесенные в переломные моменты их жизни. Как сам автор сказал в предисловии: «В нижеследующих воображенных монологах, облеченных в форму сонета, автор не пытался воспроизвести ни стиль, ни язык эпохи, которой принадлежат его исторические или легендарные персонажи. Стиль – авторский, язык – современный ему. Он единственно позаимствовал у Прошлого несколько психологических и драма-

тических картин, позволивших ему пробежаться пальцами по великой клавиатуре страстей человеческих, добра и зла. И в том, что в этом Театре Масок большинство пьес бурны и мрачны, вина не автора, но бурных и мрачных веков».

Мне захотелось воссоздать на русском языке нечто, если не равновеликое, то – похожее. Естественно, сразу возник вопрос: где набрать столько сюжетов, причем таких, чтобы не «докопались» многомудрые историки, имеющие обыкновение сыпать источниками и версиями, охаявая всё и вся. Поэтому я решил взять уже разваливающийся в руках, – не из-за древности, а из-за качества печати, обычно для девяностых годов прошлого века, – шеститомник Житий издания Свято-Троицкого монастыря, что в Коломне, и перечитать.

– Вы живете в Рыбинске; для тех, кто интересуется современной поэзией, имя этого города связано с Юрием Кублановским*. Не «стесняет» ли такое соседство?

– Меня «стесняет» соседство, но не территориальное, с Иваном Елагиным, Максимилианом Волошиным, Сергеем Петровым, например, т.е., соседство по русской поэзии, постоянное инстинктивное стремление сверять свои работы с теми, кого ты считаешь как учителя. Из современников у меня учителей, кстати, тоже не осталось, ими были Станислав Золотцев, Асар Эппель, Евгений Витковский. К слову, о территориальности: Флёр Эдкок (я публиковал переводы из нее в «ИЛ»), составляя антологию поэзии Новой Зеландии, саму себя в книгу не включила – из-за того, что постоянно не проживала в этой стране.

– Кто из современных поэтов, пишущих стихи на, условно говоря, христианскую тему, вам близок?

– Это, безусловно, Светлана Кекова. Ее книгу «Небесный гость» я чувствую чуть ли не физическую потребность перечитывать, и она для меня ценна не менее «Стихов из романа». Также люблю вышедшую года три назад в «Летнем саду» книгу стихотворений Евгения Чепурных: там нет прямых отсылок, но в руках ее держишь, как молитвенник.

– Скажите, а когда вы выбираете для перевода того или иного английского поэта, влияет как-то на ваш выбор его религиозность, наличие в его стихах христианских мотивов?

– Немного перефразирую: автором, использующим темы, противные христианству, я заниматься не стану. А в целом, религиозность не влияет на выбор, я перевожу стихи, а не лозунги. Тем более, что православие как направление христианской религии для меня ближе и интереснее, а оно вряд ли проявится у англоязычного автора, и на эту тему у меня, слава Богу, получается писать собственные стихи.

– И еще вопрос о замысле... Вы написали цикл, где каждое стихотворение посвящено одному из храмов: «Написание о храмах Ярославской земли». Как возникла идея этого цикла?

* См.: «Теперь поэтам не надо присягать атеизму...» На вопросы ВС отвечает поэт Юрий Кублановский // ВС. 2022. № 3 (LX). С. 99–104.

– Причиной стало совершенно прозаическое желание – продолжить начатую трилогию, тогда – дилогию. А идею я позаимствовал у одного из лучших мастеров слова прошлого века, Сергея Владимировича Петрова. Стихотворения о церквях есть у многих, но у него их около полусотни – вот что хорошо бы издать отдельной книжкой с картинками. Дмитрий Шеваров, ознакомившись в рукописи с некоторой частью стихотворений о храмах, отозвался о них так: «...не восторженные “ахи”, а попытка уловить “гения места”». Это, несомненно, вдохновляло меня в дальнейшей работе над книгой.

– *И, наконец, последняя ваша поэтическая книга, которая, как сказано в аннотации, образует трилогию с циклами «Сонеты о русских святых» и «Написание о храмах Ярославской земли». Речь о вышедшем в 2020 году «Живописце Господа Бога», стихотворном жизнеописании иконописца XVII века Гурия Никитина... Опять же, было бы интересно расспросить вас о замысле, его возникновении. Почему из всех выдающихся иконописцев был выбран именно Гурий Никитин?*

– До нас, к сожалению, дошло не так много имен великих изографов: это Андрей Рублёв и Даниил Чёрный, Феофан Грек, мастер Дионисий и сам Гурий Никитин Кинешемцев. Выбрал я Гурия, потому что был знаком с его творениями ранее и они находились от меня, как сейчас говорят, «в шаговой доступности»: Кострома, Ярославль, Тутаев, – далеко ехать не приходилось. Еще мне повезло, что о Никитине имелась прекрасная монография искусствоведа Веры Брюсовой, она помогла мне, во-первых, сделать поэму не обезличенной, когда в название можно поставить любого изографа имярека, во-вторых, строго соблюсти хронологию его работ с мельчайшими подробностями и давать волю фантазии только в субъективных аспектах – взаимоотношениях богомазов с ангелами или бесами, а также внутри самой костромской артели. Меня очень тронуло, когда в одном из комментариев в Фейсбуке поэму назвали философской фантастикой. Кстати, в начале 2021 года вышло переиздание поэмы под названием «Гурий Никитин. Жизнеописание в стихах». К сожалению, даже это, расширенное практически вдвое, издание всего не охватило. Так, я нигде не упомянул главного реставратора работ Никитина в Костроме, как говорится, «освежателя письма», – Александра Михайловича Малофеева (1937–2014), – что сейчас и делаю с извинениями и поклоном его памяти.

– *А над чем работаете, что пишете сейчас?*

– Недавно выпустил в издательстве «Летний сад» книгу «Долгая зима», где объединил, – не разбивая на циклы, вперемешку, – верлибры и стихотворения, написанные регулярным стихом. Сейчас составляю полное собрание стихотворений замечательного поэта, предтечу сонетного «взрыва» в Серебряном веке, Петра Дмитриевича Бутурлина и перевожу для этой книги его английские стихотворения. Кстати сказать, уже упомянутый мною Юджин Ли-Гамильтон был знаком с Бутурлиным и, поддержав его увлечение сонетом, тем самым повлиял через него практически на всех русских сонетистов.

Из цикла «Сонеты о русских святых»

Преподобный Феодосий Печерский, игумен Киево-Печерский

† 1074

(память 3 мая / 14 августа)

Сиял как светоч, в небе отражаясь,
Игумен, ярче звездных маяков.
И говорили без обиняков:
Таилась в нем печерской веры завязь.
Коль, на добро церковное позарясь,
Случался враг поблизости каков,
Печерский храм взлетал до облаков,
На воздухе высоко утверждаясь.

Когда стал тесен братье монастырь,
В небесную взглянул игумен ширь:
Сквозь ночь над ветхой церковью сиянье
Огромной перекинулось дугой
На холм, где вскоре вырос храм другой –
Вместительное каменное зданье.

**Преподобный Алипий, иконописец Печерский,
в Ближних пещерах почивающий**

† 1114

(память 17 августа)

Снедала киевлянина проказа,
Он смраден стал, но в сокровенный миг
Душою к слову Божьему приник –
Гостеприимна келья богомаза:
Растерты краски, кисти ждут приказа,
На темных досках расцветает лик,
И час протягновенен и велик,
Чтоб исповедь текла за фразой фраза.

Алипий краской, пишущей святых,
Дотронулся до язв гноеточащих;
Больного причастил – и ропот стих
Убийственных скорбей, в душе звучащих;
Умыться дал, врачую непокой,
И струпыя отслоились под рукой.

**Преподобный Спиридон и Никодим, просфорники Печерские,
в Ближних пещерах почивающие**

12–13 века

(память 31 октября)

Была в нем вера, вера рыбаля,
Которой крепче не найдешь и шире.
Уже давно он жил в подлунном мире,
Когда толкнул врата монастыря.
Его определили в пекаря
Просфор. И, неразумья сбросив гири,
Во всех трудах читал он из Псалтири.
Затеplилась духовная заря.

К чудесному в нем проявился дар.
Когда случился в келии пожар,
Он мантией тушил огни печные
И власяницей воду приносил.
А старец Никодим по мере сил
С ним разделял труды его земные.

**Святой блаженный Прокопий, Христа ради юродивый,
Устюжский чудотворец**

† 1303

(память 8 июля)

Нет в Устюге житья от вьюги шалой.
Прокопий греться с паперти пошел.
Но все – взашей. Бежал он, бос и гол,
От жителей слободки захудалой.
До хижины доплелся обветшалой,
Где грелись псы, уткнувшись мордой в пол.
Он к ним под бок, те – в снежный перемол
Бегом от старца стаей одичалой.

Опять на паперть, в угол, в забытье.
Морозных игл ослабло колотье.
«Прокопий, где ты ныне?» – «В смертной сени».
Цветущей веткой юноша взмахнул,
Представший перед ним под ветра гул.
Пришло тепло, и отступили тени.

Преподобный Нил Столобенский

† 1554

(память 27 мая / 7 декабря)

Он жил высоко, как другие жили
Пустынники, в лесах, где мрак и мхи.
В укромной келье возле Серемхи
Нил подвизался. Бесы были в силе:
Зверьми пугали, гадами страшили,
Свистели, как дырявые мехи.
А вскорости разбойники, лихи,
С глумливым шумом келью обступили.

Хотели внутрь – и тут же хохот смолк:
Им выступил навстречу целый полк
Воителей могучей обороной.
Злодеи – ниц, уйти не смея вспять,
На вход в жилище глаз им не поднять,
Где одинокий Нил стоял с иконой.

Из цикла «Написание о храмах Ярославской земли»

БРЕЙТОВО

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы

в селе Покровское-на-Сити

1808

Над Ситью полошится ангел-не-свят,
И гады скрываются в норы,
И рыси уводят в чащобу котят,
И меркнут предсмертные взоры,
И толпы татарские русских теснят.
Князь Юрий иль темник сильней Бурундай?
Гадай не гадай –
Нет нашим опоры.

Уселись вороны на треснутый щит
И каркают, каркают хрипло.
Князь Юрий на мху безголовый лежит,
И шейный обрубок зловеще торчит.

Но лекарь, рука не отвыкла,
Две части составил и молвил слова:
И вдруг голова
К обрубку прилипла.

До церкви серебряной в месте глухом
По долгим дошлепаем грязям:
Обставлен деревьями стройный объем,
Стоит колокольня – всех выше кругом,
Стоит обезглавленным князем.
К ней купол приставить – срастется опять,
Но где будет взять?
Весь лес не облазим...

Из книги «Гурий Никитин. Жизнеописание в стихах»

Когда я шел через поле,
Облак
Заволок мне дорогу,
Черный и страшный,
Словно дым из горящего дома,
Откуда не успели выскочить хозяева.
«Господи» – вымолвил я.
И тут
Выплюнул облак
Двуногую животину:
Телом – человек,
Но не больше кошки,
Уши свиные,
А нос – вроде клюва,
Не у всякой цапли такой.
«Иисусе Христе» – не сдавался я.
И с неба обрушился гром,
И я сполз спиной
По наступившей тишине,
Но продолжал:
«Сыне Божий».
И дождь
Принялся надрываться,
И расползлись лужи,
И забурлили
Кровавыми пузырями.
Что мне оставалось?

«Всё началось с перевода...». На вопросы ВС отвечает поэт и переводчик Максим КАЛИНИН

«Помилуй мя».
И ветер пронзил меня
Тысячью раскаленных нитей
И, свив две косы,
Проткнул мне оба глаза.
Ослепший, я прошептал:
«Грешного».
И прозрел,
Чтоб увидеть,
Как тварь
Припустила прочь через поле.

Позже у Митьки Григорьева
Валялся под лавкой мешок,
Который скулил и ползал.
Митька пинал его,
А иногда – крестил
И хохотал на каждый взвизг.
А после
На Митькином Страшном Суде
В Воскресенском соборе
Борисоглебска
Один из бесов
Показался мне
Знакомым.

Андрей КОРОВИН

Наш отец Ростислав

Памяти замечательного тульского пастыря

В тот день, 7 апреля 1994 года, мы с женой, Ольгой Подъёмщиковой, выпустили, по старой русской традиции, живых птичек перед храмом Благовещения, куда пришли на праздничную службу. Я поставил свечи, приложился к иконам и поспешил на другую службу – в редакцию своей газеты, а Ольга осталась стоять до конца. Во время литургии отцу Льву Махно сообщили что-то срочное, и он прервался, остановил службу и возгласил: «Только что умер отец Ростислав Лозинский».

Минуту назад пребывавшие в праздничном настроении, люди стояли как громом пораженные. Нет, было какое-то предчувствие, как потом выяснится, у Ольги. Да и плох был отец Ростислав в последние недели, сам говорил, что умирать собрался. Похудел, почти в скелет превратился из благообразного батюшки. Рассказывали, что кто-то принес ему в этот день птичку. Он выпустил ее и после этого отошел ко Господу.

Ольга познакомилась с отцом Ростиславом в середине 80-х, когда начала работать в тульской областной газете «Молодой коммунар». Лозинский, выйдя за штат и передав свой храм Двенадцати Апостолов отцу Льву Махно, не мог сидеть сложа руки. Он был человеком крайне деятельным и неравнодушным.

В середине 80-х у городских властей возникла идея снести старинное тульское Всехсвятское кладбище, по соседству с которым жил отец Ростислав, и разбить на его месте парк, а под землей сделать автомагистраль. Советских чиновников мало интересовало, что кладбище было создано при Екатерине II и все знаменитые люди Тулы были похоронены именно здесь, а захоронения порой были уложены в четыре слоя. Начни наши умельцы строить подземную трассу, не исключено, что на автолюбителей рано или поздно посыпались бы гробы предков. Отец Ростислав обратился в газету, а газета «Молодой коммунар» – к тульской общественности с призывом отстоять кладбище от варварского уничтожения. Образовалась группа энтузиастов – журналистов, преподавателей вузов, артистов, которая сплотилась вокруг отца Ростислава. Эта группа стала проводить субботники на Всехсвятском кладбище, постепенно приводя в порядок территорию на могилах известных людей. Чтобы привести в порядок все кладбище (а это около 35 гектаров, заросших

громадными деревьями и кустарником), понадобилась бы целая воинская часть. Позже, в начале 90-х, уже после смерти отца Ростислава, мы с Ольгой действительно привлекли к расчистке завалов на кладбище тульских десантников. Но тут грянула первая чеченская война, и ребят угнали на настоящее кладбище, под чеченские пули.

Помню статью батюшки «Трещина через память», которую готовила Ольга в «Молодом коммунаре», – о трещине в кладбищенской стене, которая грозила ее обвалом. Спустя годы эту трещину заделал Николай Травин, возглавлявший тогда комитет по культуре города. Он же помог в реализации идеи отца Ростислава о создании музея «Тульский некрополь».

Но ремонтом одной трещины все кладбище как исторический и музейный объект не спасти. В обществе, к сожалению, до сих пор нет понимания того, что не только церковь в Кижях или храм Покрова на Нерли – объекты исторического наследия. Старинные городские кладбища – это тоже объекты и субъекты исторической памяти. И спасать и сохранять их надо так же, как храмы и усадьбы. Вот и дом самого отца Ростислава спасти не удалось. Как хотели мы, его духовные дети, чтобы в его доме был музей! Но даже Травину не удалось найти в бюджете деньги, чтобы выкупить дом в городскую собственность. Дом, кажется, еще стоит, но там наверняка уже всё по-другому. Удалось лишь переименовать улицу Дивизионная, на которой он жил, в улицу Ростислава Лозинского. Что, на мой взгляд, как раз было бы крайне чуждо самому отцу Ростиславу.

Я познакомился с ним лично, кажется, в 1992-м году, когда мы с Ольгой обвенчались, либо незадолго до этого. И, наверно, был самым юным из его духовных чад – мне тогда исполнился всего 21 год. Он жил в половине одноэтажного деревянного дома в старом центре города. Помню, меня удивила маленькая камера над дверью в сад – чтобы он видел, кто к нему пришел. Появилась она, когда он сам уже не мог открывать калитку – он и ходил-то с большим трудом. И все равно отец Ростислав по привычке протяжно спрашивал: «Ктоо-ооо?» – и мы отвечали, затем раздавался щелчок открываемого дистанционно замка. Дверь дома он, как правило, открывал сам, если у него не было посетителей. «Лечу, лечу!» – и медленно, преодолевая боль, доходил до двери, опираясь на посох и держась другой рукой за стену. Пока он шел, мы успевали поговорить с его собакой, маленькой звонкой дворняжкой, бегавшей на цепи и отчаянно лаявшей на всех проходящих. Обычно отец Ростислав кормил ее сам, больше она никого не подпускала. Когда он перестал выходить из дома, просил посетителей: «Покормите собаку». Та отчаянно лаяла, но еду все-таки принимала.

Люди у него бывали самые разные. Ходили слухи, что даже генералы госбезопасности из Москвы якобы приезжали к нему инкогнито то ли исповедоваться, то ли за советом. Правда ли это, утверждать не берусь. Помню, однажды к нему пришла бедно одетая посетительница. Он спросил ее: «Вы ели сегодня?» – «Нет, батюшка». – «На столе стоит обед, покушайте». – «А вы, батюшка?» – «Я уже ел», – слукавил отец Ростислав. С тех пор он кормил ее обедами, которые ему приносили из храма Двенадцати Апостолов, а сам оставался голодным. Когда об этом узнала Ольга, то стала готовить и носить ему обеды сама и не уходила, пока он

не съедал обед. Потому что и его он вполне мог отдать очередному голодному посетителю.

Разговаривать с отцом Ростиславом было интересно. Он никогда не ораторствовал; он увещевал, наставлял, заставлял задуматься. Однажды мы пришли к нему с Ириной И. Она была слегка нетрезва, вела себя не совсем для этого места подобающе, а потом вдруг заявила: «Я хочу исповедоваться!». Отец Ростислав молча увел ее в другую комнату. Спустя некоторое время она вернулась оттуда совершенно другой, протрезвевшей и удивленной, как будто только что услышала или поняла что-то очень важное. А однажды к нему пришел за благословением Сергей И., который пытался открыть православную гимназию. Батюшка сказал: «Я не могу благословить на воспитание детей человека, у которого самого не все в порядке дома. Наведите порядок в своей семье и тогда приходите». Увы, несостоявшийся воспитатель ушел явно обиженным, не поняв отца Ростислава.

Ольге батюшка однажды сказал: «Какой вы были бы прекрасной игуменьей». А мне: «Как жаль, что вы женаты. Из вас получился бы хороший священник». Не знаю, что он такое видел, чего не видели мы. В то время я учился в Юридическом институте и однажды написал курсовую работу «Право Нового Завета». Естественно, принес ее показать отцу Ростиславу. Работа, на мой сегодняшний взгляд, была слабой, но отец Ростислав мне сказал: «Очень интересно. С этой точки зрения к Писанию никто не подходил. Вам нужно продолжать этим заниматься и поступать в Загорскую Академию». Пожеланиям отца Ростислава, увы, не суждено было сбыться. Уже после его смерти мы с Ольгой редактировали газету «Тульские епархиальные ведомости», признанную в то время одной из лучших епархиальных газет России. Но со временем мой жизненный путь разошелся и с Ольгой, и с деятельностью в церкви. Ольга же, наоборот, стала работать в Тульской епархии и сделала еще немало доброго до своей трагической гибели в 2000-м.

Помню, когда отец Лев восстановил один из старинных храмов Тулы XVII века – храм Благовещения Пресвятой Богородицы, который архитектурная комиссия признала до этого безнадежным, отец Ростислав сказал: «Надо отцу Льву еще какой-нибудь храм передать, а то он между своими двумя (Благовещения и Двенадцати Апостолов) метро выроет!». Он понимал и ценил энергию своего преемника, его удивительную способность к возрождению храмов. Они часто перебивались, едва ли не каждый день.

К большим праздникам батюшка получал телеграммы от патриарха. Я видел пару из них. По преданию, патриарх Алексей II когда-то начинал служить под его началом в маленьком храме в Эстонии. О жизни отца Ростислава я знал в основном от его духовных чад. Не хватило мне тогда ума сделать с ним интервью, – а я уже работал журналистом и интервью было моим любимым жанром. Рассказывали, что фашисты, оккупировав Эстонию, предлагали молодому священнику отцу Ростиславу участвовать в православной миссии с фашистскими войсками в оккупированной Советской России (сейчас о ней снят фильм «Поп»). Но отец Ростислав отказался, сославшись на то, что и свой храм надо ремонтировать, дел невпроворот. А сам тайно организовал снабжение военнопленных продовольствием, а в своем подвале прятал девочку-еврейку, родителей которой расстреляли немцы.

Он рассказывал, что девочка пережила войну, переехала в Ленинград и писала ему оттуда письма. Жаль, что об этом его подвиге вряд ли снимут кино...

Я помню, как отец Ростислав говорил: «К смерти я все приготовил, вам ни на что не нужно будет тратиться». И показывал гроб, стоявший за дверью. Меня, двадцатилетнего пацана, это тогда поразило – то, как спокойно он говорит о смерти.

Но оказалось, что подготовился он еще основательнее. До революции обычно гроб с телом священника с момента смерти до момента похорон стоял в храме и другие священники круглосуточно читали над ним Псалтирь. В советское время эта традиция была утрачена, батюшки читали молитвы над усопшим собратом только в «рабочее» время, а затем запирали храм и шли спать. Зная это, отец Ростислав написал в завещании, что просит своих духовных чад читать над ним Псалтирь непрерывно до погребения. И оставил Псалтирь на церковнославянском, которую смогли бы прочитать все желающие. Эту Псалтирь он завещал тому, кто будет читать над ним дольше всех. Мы с Ольгой читали по очереди, и получилось, что мы и читали дольше всех. Так эта Псалтирь попала в наш дом. Теперь она хранится у меня, как и икона «Нечаянная радость» из дома отца Ростислава, подаренная нам с Ольгой его старшим сыном Борисом, главным врачом вельской больницы, приехавшим на похороны отца.

Я помню эти две ночи, одну из которых я провел в храме Двенадцати Апостолов над телом отца Ростислава полностью, а вторую – частично, так как наутро мне предстоял экзамен в институте. Помимо нас с Ольгой в храме были Надежда Константиновна Тюленева и Ирина Извольская. Почему-то больше не помню никого, хотя, кажется, были и другие духовные чада нашего батюшки. Ситуация с запертым храмом напомнила мне Гоголя, будоражили воображение незримые тени, иногда пробегал холодок по спине. Но от горящих свечей, от дыхания близких людей рядом было спокойно. И только горький привкус непролитых слез стоял во рту и затруднял чтение. В то, что отца Ростислава с нами больше нет, поверить было невозможно.

Отец Ростислав хотел быть похороненным возле своего храма, храма Двенадцати Апостолов. Но по санитарным нормам хоронить в городе не на территории кладбищ было запрещено.

Была долгая заупокойная служба. Поговаривали, что приедет отпевать сам патриарх. Он не приехал, но прислал кого-то из своих помощников. Людей было много, мы стояли возле гроба. От множества зажженных свечей было трудно дышать, не хватало воздуха.

...Отца Ростислава похоронили возле его последнего земного храма, как он и хотел. Ольга пошла на прием к мэру, Николаю Тягливому, и добилась разрешения. Привезла на могилу отца Ростислава травку с могилы его младшего сына, игумена Марка, профессора МДА...

Патриарх Алексей II, будучи спустя несколько лет в Туле с архипастырским визитом, посетил могилу отца Ростислава. А вскоре и сам отошел в мир иной. Наверное, им есть о чем поговорить там.

А нам очень плохо без вас, наш милый отец Ростислав.

АВТОРЫ НОМЕРА

Александр ГАЛАК – художник, иконописец. Член Академии художеств Узбекистана. Преподаватель воскресной школы и работник самаркандского Свято-Покровского храма. Живет в Самарканде.

Роман ДОРОФЕЕВ – религиовед, автор исследований по истории православия и других религий Средней Азии. Проректор Ташкентской духовной семинарии. Живет в Ташкенте.

Виктор ДУБОВИЦКИЙ – историк, доктор исторических наук, публицист. Автор многочисленных публикаций по истории Таджикистана. Живет в Оренбурге.

Николай ИЛЬИН – поэт, переводчик. Автор девяти поэтических сборников. Член Совета по русской литературе Союза писателей Узбекистана. Живет в Ташкенте.

Максим КАЛИНИН – поэт, переводчик. Автор нескольких поэтических сборников. Стихи публиковались в журналах «Арион», «Новый мир», «Новая Юность», «Октябрь» и др. Живет в Рыбинске (Ярославская область).

Галина КЛИМОВА – поэт, переводчик, прозаик. Секретарь Союза писателей Москвы, член Международного союза журналистов. Автор четырех книг стихов. Завотделом поэзии журнала «Дружба народов». Живет в Москве.

Иерей Александр КОЛОТОВКИН – настоятель храма Сретения Господня г. Бекабада (Ташкентская область), преподаватель Ташкентской духовной семинарии. Живет в Ташкенте.

Андрей КОРОВИН – поэт. Руководитель литературного салона «Булгаковский Дом» (Москва). Организатор Международного Волошинского конкурса и Международного литературного фестиваля им. М.А. Волошина. Автор двенадцати поэтических сборников. Стихи публиковались в журналах «Арион», «Новый мир», «Дружба народов», «Урал» и др. Живет в Подольске.

Иерей Сергей КРУГЛОВ – клирик Спасского кафедрального собора г. Минусинска (Россия). Поэт, публицист. Лауреат премии Андрея Белого, премии «Московский счет» и других. Живет в Минусинске.

Даниил МЕЛЕНТЬЕВ – преподаватель Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, Москва. Живет в Москве.

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО – настоятель храма Александра Невского в Ташкенте, проректор Ташкентской духовной семинарии, руководитель просветительского отдела Ташкентской и Узбекистанской епархии. Живет в Ташкенте.

Владимир ТРУХАЧЁВ – историк, кандидат исторических наук. Многие годы проработал преподавателем в Ташкентском политехническом институте (с 1991 г. – Ташкентский технический университет); ныне на пенсии. Живет в Ташкенте.

Алексей УСТИМЕНКО – писатель, журналист. Был главным редактором журналов «Звезда Востока» и «Восток Свыше». Публиковался в журналах «Дружба народов», «Звезда», «Звезда Востока», «Новая Юность» и др. Автор нескольких книг прозы. Живет в Ташкенте.

Содержание журнала «Восток Свыше» за 2023 год

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Денис БЫЧИХИН. «Деревце цвета хлеба...» – № 1–2 (LXII). С. 5.

Николай ИЛЬИН. «Маленький камушек падает в озеро...» – № 3–4 (LXIII). С. 5.

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы главного редактора

Путешествие Евфросинии. 850 лет преставления преподобной Евфросинии, игумении Полоцкой (23 мая 1173 года). – № 1–2 (LXII). С. 6–14.

Святой и самозванец. 375 лет преставления преподобного Афанасия Брестского (5 сентября 1648 года). – № 3–4 (LXIII). С. 6–29.

К 70-ЛЕТИЮ МИТРОПОЛИТА ВИКЕНТИЯ

Митрополит Ташкентский и Среднеазиатский ВИКЕНТИЙ. «Будем всегда благодарны Богу!» – № 1–2 (LXII). С. 15–23.

Анна МАТЮХИНА. От Скулян до Ташкента. Отрывки из книги. – № 1–2 (LXII). С. 24–32.

Диакон Сергей ГАЛИЕВ. Сказка о соборе. – № 1–2 (LXII). С. 33–42.

«Слава Богу за то, что Он отправил к нам такого владыку!» Голоса верующих. – № 1–2 (LXII). С. 43–51.

ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

Чарльз УИЛЬЯМС. Схождение Голубя. Краткая история Святого Духа в Церкви. Перевод

с английского, предисловие и примечания диакона Евгения Абдуллаева. – № 1–2 (LXII). С. 92–112; № 3–4 (LXIII). С. 66–81.

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Александр ГАЛАК. Православные храмы Сырдарьинской линии: от Раима до Катта-Кургана. – № 1–2 (LXII). С. 52–57.

Тема: История Православия в Таджикистане

Александр ГАЛАК. «В Пенджекенте, как месте ссылки духовенства...» Пенджикентская Свято-Никольская церковь. – № 3–4 (LXIII). С. 30–34.

Виктор ДУБОВИЦКИЙ. Православные храмы в пограничных войсках Таджикистана: история и современность. – № 3–4 (LXIII). С. 35–38.

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

Людмила БОЖИНСКАЯ (АРАНДАРЕНКО), Сергей БОРОШКО. Военный востоковед Георгий Арандаренко. – № 1–2 (LXII). С. 58–91.

Роман ДОРОФЕЕВ. «Люди знают из них только тысячу имен...» Взгляды памирских исмаилитов конца XIX – начала XX веков на сотворение мира. – № 3–4 (LXIII). С. 39–45.

Даниил МЕЛЕНТЬЕВ. Гендерная история советского Узбекистана в фотообъективе Макса Пенсона. – № 3–4 (LXIII). С. 46–59.

ВОСТОК И ЗАПАД

Владимир ТРУХАЧЁВ. «Европейская культура напоминает сильно накрашенную женщи-

ну...» Исмаил Гаспринский о европейской цивилизации. – № 3–4 (LXIII). С. 60–65.

ЛУГ ДУХОВНЫЙ

О Святом Духе. О благодарности. – № 1–2 (LXII). С. 113–114.

О надежде. О монашестве. – № 3–4 (LXIII). С. 82–85.

Евангельские страницы протоиерея Сергия СТАЦЕНКО

Христианство и искусственный интеллект. – № 1–2 (LXII). С. 132–139.

Ловушки Евы. – № 3–4 (LXIII). С. 104–108.

Иерей Александр КОЛОТОВКИН. «Гимн любви» апостола Павла. – № 3–4 (LXIII). С. 86–91.

Иерей Сергей КРУГЛОВ. «Царство Божие – здесь». Избранные записи последних лет. – № 1–2 (LXII). С. 117–131; № 3–4 (LXIII). С. 92–103.

Михаил КАЛИНИН. Разрозненные мысли. – № 1–2 (LXII). С. 140–152.

ПРОЗА И ДРАМАТУРГИЯ

Алексей УСТИМЕНКО. Три слова утерянного

оригинала, или Предисловие к пьесе о Черубине. – № 3–4 (LXIII). С. 109–111.

Галина КЛИМОВА. Черубина де Габриак. Драма-мистификация в двух действиях. – № 3–4 (LXIII). С. 112–142.

ИСКУССТВО ПАМЯТИ

«Я понял, что это мой Крест и его нужно нести до конца». Беседа с *протодиаконом Александром НЕСИНЫМ.* – № 1–2 (LXII). С. 153–156.

Андрей КОРОВИН. Наш отец Ростислав. Памяти тульского пастыря. – № 3–4 (LXIII). С. 151–154.

ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

Тема: Поэзия и Вера

«Всё началось с перевода...» На вопросы ВС отвечает поэт и переводчик Максим КАЛИНИН. – № 3–4 (LXIII). С. 143–150.

РЕЦЕНЗИИ

Елена САФРОНОВА. Поток истории. О рассказе Бориса Евсеева «Сухой брод». – № 1–2 (LXII). С. 157–160.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Восток Свыше» принимает к рассмотрению на предмет публикации материалы (статьи, эссе, воспоминания, художественную прозу, архивные документы) по следующим темам: история Православной церкви (в целом и в Средней Азии в частности); Православие в современном мире; Православие и Ислам в межрелигиозном и межкультурном диалоге; история, культура, этнография Средней Азии.

Материалы принимаются в электронном виде (в формате Microsoft Word) по адресу: vostok_svshe@mail.ru.

Поскольку в штате редакции не предусмотрен оператор компьютерного набора, материалы в виде рукописи принимаются только в особых случаях в порядке исключения.

Проверка редакционной почты – каждый понедельник. Редакция высылает на указанный автором электронный адрес краткое уведомление о получении рукописи. В течение двух недель с момента отправки уведомления автору отправляется второе письмо – о принятии материала к публикации либо об отказе.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят экспертизу с целью исключения плагиата.

Редакция также не принимает к публикации прежде опубликованные тексты (в печатных изданиях или интернете); исключение может быть сделано только для материалов, существенно переработанных (например, снабженных новыми комментариями или примечаниями).

В некоторых случаях редакция может обратиться к членам редакционного совета для внутреннего отзыва. Присланные материалы не рецензируются; материалы, полученные в виде рукописи, не возвращаются.

В случае отказа в письме указывается его основная причина; редакция оставляет за собой право не вступать в дальнейшие письменные или устные переговоры с автором отклоненного материала.

В отдельных случаях редакция может предложить автору доработать материал (сократить, дополнить и т.д.) либо принять сокращения, предлагаемые ею.

После редактуры и корректуры автору высылается последняя версия материала на утверждение. Автор в течение не более пяти календарных дней знакомится с этой версией и присылает в редакцию письменное подтверждение и (или) версию с последней авторской правкой, выделенной цветом.

В случае неполучения ответа редакция оставляет за собой право опубликовать материал без подтверждения.

Гонорары авторам не выплачиваются; предоставляется один авторский экземпляр журнала. Иногородним или зарубежным авторам авторский экземпляр передается с оказией или высылается по почте.

Номера «Востока Свыше» реализуются в церковных лавках при православных приходах Узбекистана. Полная электронная версия журнала (PDF) доступна на официальном сайте Ташкентской и Узбекистанской епархии (http://pravoslavie.uz/archdiocese/departament_diocese/ePress/Easter/Archive/index.php); электронная версия каждого номера выкладывается не ранее, чем через три месяца после выхода тиража журнала (и не позднее выхода из типографии следующего номера).

Требования по оформлению статей

Шрифт Times New Roman, кегль в основном тексте – 12, в сносках – 11. Междустрочный интервал одинарный.

Буква «ё» используется только в тех случаях, когда замена на «е» недопустима (например, в фамилиях); во всех остальных случаях – только «е».

Годы обозначаются арабскими цифрами, а не словом (например, «в 1960-е годы», а не «в шестидесятые годы»). Века обозначаются римскими цифрами. Слова «год», «век» и их производные пишутся полностью; в сносках могут сокращаться («г.», «в.»).

Для выделения цитат используются кавычки-елочки («...»). Если внутри цитаты имеются заковыченные слова, они помещаются в кавычки-лапки ("..."). Пропуски в середине цитат отмечаются многоточием в угловых скобках (<...>), в начале и в конце – многоточием.

Цитаты из Священного Писания Ветхого и Нового Завета приводятся в Синодальном переводе; ссылки на них состоят из сокращенного обозначения в круглых скобках библейских книг и указаний на главы и стихи. Пример: (Мф. 5, 47); (Мк. 2, 5-7).

Указания на другие использованные источники приводятся после цитаты или упоминания в виде концевой сноски. Знак сноски (¹, ², ³ и т.д.) ставится перед знаком препинания (точки, запятой, точки с запятой), кроме многоточия.

Сноски оформляются следующим образом:

Для цитаты из книги:

Успенский Л. Богословие иконы Православной Церкви. – Переславль: Изд-во братства во имя св. князя Александра Невского. 1997. С. 104.

Для цитаты из статьи в журнале:

Веселовский Н.И. Новые материалы для истории Кокандского ханства // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 248. С. 175.

Для цитаты из статьи в газете:

Алексеев В. Житие отца Василия // Комсомолец Узбекистана, 2 марта 1966 г. С. 3.

Для цитаты из собрания сочинений:

Бунин И.А. Из записей // Бунин И.А. Собр. соч. в 9 тт. Т. 9. – М.: Художественная литература, 1967. С. 288–289.

Для цитаты из сборника статей:

Флыгин Ю.С. Туркестанский восемнадцатый год. Своеобразие конфессиональной ситуации // I Пасхальные чтения. Традиции дружбы народов России и Средней Азии на протяжении веков. Сб. мат. – Бишкек, 2013. С. 106.

Харджиев Н.И. Неизданная книга Маяковского «Для первого знакомства» // Харджиев Н.И. Статьи об авангарде. В 2 тт. Т. 2. – М.: РА, 1997. С. 150.

Для цитаты из изданной за рубежом книги:

Bardaisan. Book of the Laws. Ed. H.J.W. Drijvers. – Assen: Van Gorcum, 1965. P. 61.

Для цитаты из архивного источника:

Архив Ташкентской и Узбекистанской епархии (АТУЕ). Оп. 2. Д. 15. Л. 4.

Государственный архив города Ташкента (ГАГТ). Ф. 30. Оп. 1. Д. 315. Л. 21об.

Для цитаты из Интернет-источника:

Никольская Т.М. Иконописный образ, его семантика и символика // Аналитика культурологии. 2011, № 1 (19) (URL: www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/670-icon-painting-the-image-of-his-semantics-and-symbols.htm)

Восток Свыше

Духовный, литературно-исторический журнал
Выпуск LXIII
№ 3-4, июль-декабрь 2023.

Главный редактор **Евгений Абдуллаев**
Литературный редактор **Лейла Шахназарова**
Верстка и дизайн **Александра Аносова**

Журнал зарегистрирован в Агентстве печати и информации Республики Узбекистан
Reg. № 02-15

Подписано в печать . . .2023 г.
Печать офсетная. Формат 60x84¹/₈. Тираж 1000.
Заказ № (от . . .2023).

Адрес редакции: Ташкент, 3-й тупик Азимова, 22.
Телефон 233-33-21.

Отпечатано в ИПК «GLOSSA»
100015, г. Ташкент, ул. Авлиё-Ота, 93.

www.pravoslavie.uz

ISSN 2010-5568